

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

©

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ.

БЫЛИНЫ. ПѢСНИ. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ.

Составилъ Ж. Оксеновъ.

РЕДАКЦІЯ

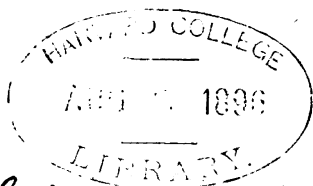
В. И. Шемякина.

МОСКВА.

Типогр. Высоч. утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., соб. докъ.

1894.

27222.51

Subscription Fund.

Доволено цензурою. Москва, 10 мая 1894 года.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемый обзоръ произведеній народной поэзіи составленъ на основаніи слѣдующихъ трудовъ: 1) Исторія русской словесности, И. Порфирьева, часть I, древній періодъ (Казань, 1891); 2) Исторія русской словесности, А. И. Незеленова, часть I, съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина (Спб., 1893); 3) Пособіе при изученіи исторіи русской словесности, П. Смирновскаго, часть I, древній и средній періоды (Москва, 1892); 4) того же автора: Теорія словесности (Спб., 1889).

Образцы народныхъ произведеній, помѣщаемые здѣсь, заимствованы изъ сборниковъ: 1) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ; 2) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ; 3) Древнія російскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ; 4) Сказанія русскаго народа, Сахарова; 5) Хрестоматія къ опыту историческаго обзорѣнія русской словесности, О. Э. Миллера (часть I, Спб., 1863); 6) Рус-

ская хрестоматія, А. Галахова, томъ II (Спб., 1889); 7) Русская хрестоматія: памятники древней русской литературы и народной словесности, О. Буслаева (Москва, 1888).

Пособіями при составленіи объяснительнаго словаря служили главнымъ образомъ: 1) Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составл. II отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ (изд. 2, Спб., 1867); 2) Толковый словарь живого великорусскаго языка, Вл. Даля (Спб. и Москва, 1880—1882); 3) Русская хрестоматія, О. Буслаева; 4) Книга былинъ, В. П. Авенаріуса (Москва, 1893).

ВВЕДЕНІЕ.

Общее понятіе о народной поэзіи.

Въ область народной поэзіи входятъ былины, историческія пѣсни, сказки, пословицы, заговоры, загадки и духовные стихи. Всѣ эти произведенія создаются народомъ безъ помощи науки, искусства и образованности. Въ ту пору, когда создавались былины, историческія пѣсни и пр., все образованіе замѣнялось для народа преданіями людей, жившихъ раньше. Эти преданія, шедшія съ самыхъ древнихъ временъ и, какъ священный завѣтъ старины, передаваемая отъ предковъ къ потомкамъ, служили единственнымъ руководствомъ для народа во всѣхъ случаяхъ жизни. Подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ преданій у народа естественно составлялся одинаковый взглядъ на все въ мірѣ. Въ эту отдаленную пору, когда господствовали преданія, отдѣльное лицо, съ его особенными чертами душевнаго склада, не пользовалось значеніемъ,—главнымъ дѣятелемъ въ жизни являлся народъ, „міръ“, какъ собраніе личностей, одинаково мыслящихъ и чувствующихъ. Поэтому словесныя произведенія, возникающія въ такія времена, являются, можно сказать, созданіями цѣлаго народа, а не отдѣльныхъ личностей. Разумѣется, были извѣстныя лица, которыя сложили пѣсни, сказки, былины, пословицы; но эти лица выразили въ своихъ произведеніяхъ не свой личный взглядъ, а взглядъ и преданія цѣлаго народа, и потому произведенія ихъ сохранились, а имена исчезли. Такъ какъ народъ,

передавая свои произведенія изъ рода въ родъ въ продолженіе вѣковъ, многое измѣняли и прибавляли въ нихъ, то они служатъ выраженіемъ взглядовъ не одного какого-нибудь времени, а часто нѣсколькихъ вѣковъ, которые въ нихъ смѣшиваются. Смѣшеніе временъ, лицъ и событій составляетъ отличительную черту народныхъ произведеній. Какъ взгляды и убѣжденія, выражаемые въ былинахъ, пѣсняхъ и проч., принадлежать всему народу, такъ и языкъ, слова, обороты рѣчи въ такихъ произведеніяхъ являются общимъ достояніемъ народа. Въ этомъ отношеніи всѣ вообще народныя словесныя произведенія отличаются особенною простотою, ровностью и спокойствіемъ рѣчи и постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ и оборотовъ.

Всѣ отрасли духовной дѣятельности челоувѣка нашли выраженіе въ народныхъ словесныхъ произведеніяхъ: древнія языческія вѣрованія отразились въ обрядовыхъ пѣсняхъ, заговорахъ и заклятіяхъ; позднѣйшія христіанскія воззрѣнія — въ духовныхъ стихахъ; народная мудрость и знанія — въ притчахъ, пословицахъ и загадкахъ, нравственные поучительные примѣры — въ пѣсняхъ, былинахъ и сказкахъ; взглядъ народа на свое прошлое, на минувшія событія и замѣчательныхъ дѣятелей выразился въ историческихъ пѣсняхъ. Семейное положеніе и отношенія между разными сословіями обрисовано въ бытовыхъ пѣсняхъ.

Всѣ произведенія народной словесности можно раздѣлить на два отдѣла: 1) отдѣлъ свѣтской, собственно народной словесности, возникшей изъ устныхъ преданій, безъ прямого участія книжнаго образованія и книжной словесности, и 2) отдѣлъ произведеній духовныхъ, созданныхъ подъ вліяніемъ церковной письменности. Къ первому отдѣлу относятся пѣсни разнаго рода, сказки и пословицы; ко второму — духовные стихи и преданія (легенды).

Самый богатый отдѣлъ нашей народной словесности составляютъ пѣсни разнаго рода. Многія изъ нихъ сложены въ самыя отдаленныя времена; другія принадлежать къ позднѣйшей исторической порѣ. Въ нихъ сохраняются разныя народныя преданія о прежнихъ временахъ, нравахъ и обычаяхъ, передаются рассказы о прежнихъ людяхъ и событіяхъ; это—неписанная, устная лѣтопись народа о своей жизни. Поэтому народъ и называетъ эти пѣсни былью; „сказка—складка (вымыселъ), а пѣсня—быль“, говоритъ народная пословица, а нѣкоторыя пѣсни, именно пѣсни о богатыряхъ, прямо и называются былинами. Народъ хранилъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалъ эти пѣсни, какъ дорогія для него воспоминанія о временахъ прошедшихъ; сохранившіяся въ нихъ преданія служили для народа своего рода руководствомъ и въ этомъ отношеніи отчасти замѣняли для него книги и книжное образованіе.

Всѣ пѣсни по характеру ихъ содержанія можно раздѣлить на 1) богатырскія, или былины, 2) историческія, 3) обрядовыя и 4) бытовые, или семейныя.

Б Ы Л И Н Ы .

Былины составляютъ богатырскій эпосъ (рассказъ съ вымысломъ) нашего народа. Былина (отъ слова „быль“) собственно означаетъ пѣсню или рассказъ о томъ, что было; но, чтобы правильно понимать былины, надобно помнить, что былиныя времена изображаются въ нихъ не по лѣтописи или исторіи, а по памяти, устнымъ преданіямъ народа. Въ былинахъ, рассказывающихъ о первыхъ временахъ нашего отечества, вмѣстѣ съ чертами позднѣйшей исторической и христіанской поры встрѣчаются слѣды самой глубокой старины, слѣды еще

кочевой жизни нашихъ предковъ, а въ нашихъ богатыряхъ и ихъ чудовищныхъ врагахъ, приурочиваемыхъ къ опредѣленному времени, попадаются образы какихъ-то древнѣйшихъ существъ или, точнѣе, языческихъ боговъ. Напримѣръ, на Волгѣ Святославичѣ мы видимъ черты чародѣя, волшебника и историческаго князя, вѣщаго Олега; на Ильѣ Муромцѣ—черты языческаго бога-громовника Перуна и земскаго богатыря-крестьянина и стараго украинскаго казака. Переходя отъ одного поколѣнія къ другому, былины захватывали на пути своемъ черты разныхъ временъ; сохраняемая въ устномъ преданіи народа, незнакомаго ни съ исторіей ни съ географіей, былины приняли въ себя множество противорѣчій и даже измышленій историческихъ и географическихъ. Богатыри временъ князя Владимира (X вѣкъ) сражаются съ татарами (XIII вѣкъ); между татарскими ханами называется никогда не существовавшій царь Калинъ. Упоминаются неизвѣстныя ни въ какой географіи Сафать-рѣка, рѣка Смородина, гора Сорочинская. Но, несмотря на указанные наслоенія отъ стараго и позднѣйшаго времени, на множество противорѣчій, въ былинахъ мы находимъ много правды если не въ историческомъ, то въ бытовомъ смыслѣ. Приурочиваемыя къ разнымъ мѣстностямъ, лицамъ и событіямъ, былины выражаютъ характеръ народной жизни въ извѣстныя времена и черты народныхъ нравовъ и понятій, народнаго быта и вкуса.

Дѣятельность всѣхъ богатырей относится ко времени князя Владимира, но при этомъ изображаются въ былинахъ и такіе богатыри, которые не принадлежатъ, собственно, ни къ какой опредѣленной исторической порѣ, которые обрисовываются чертами, свойственными еще древнему языческому состоянію народной жизни. Такихъ богатырей, по отношенію къ богатырямъ времени князя Владими-

ра, называютъ старшими богатырями. Такимъ образомъ въ былинахъ изъ времени Владимірова княженія изображаются два разряда богатырей: старшіе и младшіе.

Къ старшимъ богатырямъ, изображаемымъ въ былинахъ, относятся: Святогоръ, Микула Селяниновичъ, Вольга Святославичъ, Волхъ Всеславьевичъ, Сухманъ Одихмантьевичъ. Хотя, подобно другимъ младшимъ богатырямъ, они дѣйствуютъ вмѣстѣ съ ними при князѣ кievскомъ Владимірѣ, но въ то же время они представляются съ такими свойствами, которыя могутъ принадлежать скорѣе силамъ и явленіямъ природы, чѣмъ силамъ человѣческимъ. Древніе греки, желая представить борьбу силъ и явленій природы, создали титановъ, существа съ страшными, непомѣрными силами; такія же свойства приписываются и нѣкоторымъ нашимъ старшимъ богатырямъ. На нихъ отпечатлѣлись слѣды глубокой старины, той поры народной жизни, когда народъ только начинаетъ слагаться и переходить отъ кочевого быта къ осѣдлому, земледѣльческому и государственному.

Въ лицѣ Святогора изображается богатырь съ такою непомѣрною силою, что его едва земля можетъ носить на себѣ. Черты, въ которыхъ изображается Святогоръ, вѣроятно, сняты съ какого-нибудь языческаго великана горъ, представителя горныхъ силъ. Уже самое имя его указываетъ на связь его съ горою. Въ одномъ сказаніи объ Ильѣ Муромцѣ дѣйствительно говорится о такомъ великанѣ, котораго земля не могла держать на себѣ и который во всемъ мірѣ нашелъ только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Илья Муромецъ захотѣлъ съ нимъ помѣряться силою и пошелъ искать его. Приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ зацѣпился я за су-

чокъ“, говоритъ богатырь. Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. „Вѣрно я за камешекъ задѣлъ“, говоритъ богатырь. Оборотившись, онъ увидѣлъ Илью Муромца и сказалъ ему: „А! это ты, Илья Муромецъ! ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ: меня и земля не держитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней“.

Разъѣзжая путемъ-дорогою, говоритъ одно сказаніе, Святогоръ увидѣлъ однажды прохожаго и припустилъ своего добраго коня, чтобы догнать его, но никакъ не могъ догнать его. „Поѣдетъ во всю рысь,—прохожій идетъ впереди“. Святогоръ сталъ просить его остановиться; тотъ остановился, снялъ съ плечъ сумочку и положилъ ее на сыру землю. „Что у тебя въ сумочкѣ?“ спросилъ Святогоръ. „А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь“, сказалъ прохожій. Святогоръ слѣзъ съ коня и сталъ поднимать сумочку обѣими руками, но не могъ и пошевелить ее, а только самъ по колѣни въ землю угрызъ. „Что у тебя въ сумочкѣ?“ спрашиваетъ онъ богатыря. „Въ сумочкѣ у меня тяга земная“, отвѣчалъ тотъ. „Да кто жъ ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, величаютъ какъ по изотчины“ (по отчеству)?—„Я есть Микулушка Селяниновичъ“. А кто такой былъ Микулушка Селяниновичъ, это изображается въ особой былинѣ о Вольгѣ Святославичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. Въ лицѣ Микулы Селяниновича представляется образъ могучаго богатыря, крестьянина-пахаря. Страшная его сила, сопоставленіе съ Святогоромъ и другія необыкновенныя черты, въ которыхъ онъ изображается, показываютъ, что личность его, какъ и личность Святогора, сложилась подъ вліяніемъ образа какого-нибудь необычайнаго, сказочнаго существа, бывшаго, вѣроятно, олицетвореніемъ земли или бога, покровителя земледѣлія. На это мо-

жетъ указывать особенно сумочка съ тягой земли, съ которой изображается Микула, и которая, очевидно, есть не что иное, какъ образъ земли. Но самъ онъ уже олицетворяетъ не землю, какъ силу природы, а мысль осѣдлой земледѣльческой жизни, въ которой онъ и поставляетъ все свое значеніе. „А я ржи напашу и во скирды сложу“, говоритъ онъ, „станутъ мужички меня покликивати: молодой Микулушка Селяниновичъ!“ Воображеніе народа обрисовало этого народнаго представителя въ величавомъ видѣ и неизмѣримо возвысило его по силѣ предъ княземъ Вольгою Святославичемъ, со всею его дружиною храброю.

Въ былинѣ о Вольгѣ Святославичѣ представляется образъ богатыря князя-дружинника. Нѣтъ сомнѣнія, что образцомъ для него послужилъ народу историческій князь Олегъ вѣщій. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что онъ сильно поражалъ народъ своею мудростію. Это же качество—мудрость или, лучше сказать, хитрость составляетъ основную черту и въ характерѣ Вольги Святославича. Но въ то же время нельзя не видѣть на немъ и слѣдовъ какого-то древняго языческаго бога. Появленіе его на землѣ, какъ существа необыкновеннаго, сопровождалось потрясеніемъ земли. Самое рожденіе Вольги было необыкновенное. Вольга (по другой былинѣ Волхъ Всеславьевичъ) родился отъ змѣя, отъ котораго, по народному представленію, обыкновенно производятся вѣдовство, колдовство, оборотничество; происшедши отъ такого существа, Вольга самъ становится вѣдуномъ и оборотнемъ. Его хитрость-мудрость, по словамъ былины, состояла въ способности превращаться въ разныхъ животныхъ (въ щуку, сокола, волка).

Богатыри⁷ Святогоръ, Вольга (или Волхъ) и Микула, указывая своими сверхъестественными свойствами на древнѣйшую языческую пору, въ то же

время представляют собою разные ступени въ развитіи народной русской жизни. Святогоръ, разъяжающій по чистому полю—богатырь, представитель какихъ-то силъ природы и принадлежитъ еще кочевой жизни; онъ угрязъ въ землю, когда эта кочевая жизнь для народа кончилась и смѣнилась бытомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ. Представителемъ первыхъ временъ осѣдлаго быта и перехода отъ грубыхъ силъ природы въ богатыряхъ къ силѣ нравственной служить Микула Селяниновичъ; у него есть сумочка переметная, принадлежность кочевой жизни, но онъ уже называетъ себя Селяниновичемъ, жителемъ сельскимъ; онъ занимается хлѣбопашествомъ и въ этомъ занятіи полагаетъ свою огромную силу и значеніе. Вольга Святославичъ представляетъ новое начало въ русской жизни, начало княжеской дружины и княжеской власти. Основное качество въ первыхъ богатыряхъ—страшная вещественная, тѣлесная сила; отличительное свойство послѣдняго—мудрость, хитрость.

Къ богатырямъ, указывающимъ на старую доисторическую пору, можетъ быть отнесенъ еще Сухманъ Одишмантьевичъ.

Къ младшимъ богатырямъ принадлежать: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Соловей Будиміровичъ, Дюкъ Степановичъ и другіе. Младшими они называются по отношенію къ старшимъ богатырямъ. Кромѣ Ильи Муромца, стоящаго на переходѣ отъ старшихъ богатырей къ младшимъ, всѣ они въ былинахъ изображаются людьми молодыми; молодецъ, добрый молодецъ—постоянные и обыкновенныя опредѣленія, которыя къ нимъ прилагаются. И вообще они представляютъ уже не доисторическую старину, а позднѣйшее историческое, сравнительно молодое время князя Владимира. Время Владимира—самая ранняя историческая пора, какую помнить былины. Кіевъ въ это время являетъ

ся средоточіемъ всѣхъ русскихъ областей, а самъ Владимиръ—главнымъ представителемъ власти, вокругъ котораго собираются всѣ русскіе богатыри. Имена нѣкоторыхъ богатырей упоминаются въ лѣтописяхъ отъ конца XI в. и до начала XIII вѣка. Извѣстіе о Садкѣ, богатомъ гостѣ, относится къ 1046 году. Илья Муромецъ, какъ лицо дѣйствительное, историческое, жилъ въ концѣ XII вѣка; мощи его почиваютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ преподобнаго Антонія. Между богатырями XII—XIII вв. упоминаются Александръ Поповичъ (Алеша Поповичъ въ былинѣ), Добрыня Рязаничъ и другіе. Въ былинахъ богатыри являются представителями не только разныхъ областныхъ городовъ, но и разныхъ сословій народа: Добрыня Никитичъ изъ Рязани—представитель княжескаго рода; Алеша Поповичъ изъ Ростова—изъ духовнаго сословія; Илья Муромецъ изъ Муромы—крестьянскій сынъ, представитель крестьянства.

Преподобный Несторъ, кіево-печерскій инокъ, составившій первоначальную нашу лѣтопись, рассказывая о князѣ Владимирѣ, весьма пространно говоритъ о пирахъ, которые онъ любилъ устраивать для народа. Подобно лѣтописи, и былины постоянно воспѣваютъ пиры Владимира. Эти пиры Владимира, вѣроятно, производили такое глубокое впечатлѣніе на народъ, что заслонили собою въ его памяти всѣ другія дѣянія этого князя. Былины не помнятъ ни обращенія Владимира въ христіанство и крещенія имъ Русской земли, ни другихъ его подвиговъ, а прославляютъ только его радушіе и гостепримство, называютъ его ласковымъ княземъ, краснымъ солнышкомъ. Вся дѣятельность Владимира, по былинамъ, состоитъ въ томъ, что онъ собираетъ вокругъ себя богатырей, пируетъ съ ними, женитъ ихъ и самъ женится, отправляетъ богаты-

рей на разные подвиги, но самъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ.

Подвиги богатырей, изображаемыхъ въ былинахъ, состоятъ въ томъ, что они развѣзжаютъ по полямъ, для охраненія ихъ отъ враговъ, и потому сами иногда называются поляницами, расчищаютъ и пролагаютъ пути и дороги прямовѣзжіе, стоятъ на розстаняхъ (на распутіяхъ дорогъ) и заставахъ, для ихъ защиты, и сражаются съ врагами Россіи. Противниками богатырей являются въ былинахъ разные чудовища: Змѣй Горынычъ, Тугаринъ Зміевичъ, богатырь Жидовинъ, Идолище Поганое, Соловей-Разбойникъ, чудь бѣлоглазая, сорочина долгополая, черкесы пятигорскіе, калмыки съ татарами, чукчи и олюторы. Подъ чудовищами разумѣются, конечно, разные внутренніе и внѣшніе враги древней Руси. Внутренними врагами были: язычество, враждовавшее съ христіанствомъ, и разбойническія шайки, которыя, при слабости государственнаго устройства, такъ усиливались, что противъ нихъ нужно было высылать цѣлыя войска, а внѣшними — дикіе народы: печенѣги, половцы, хозары. Но главною враждебною силою Россіи представляется въ былинахъ сила татарская. Сближеніе Владимірова княженія съ нашествіемъ татаръ составляетъ такую грубую несообразность во времени, что она объясняется только страшными бѣдствіями, которыя испыталъ народъ во время монгольскаго ига. Татарскіе погромы превосходили всѣ прежнія опустошенія земли и производили такое потрясающее дѣйствіе, что изгладили изъ памяти народа прежнихъ его враговъ или слили ихъ съ образомъ татаръ, такъ что татарская сила сдѣлалась для народа равнозначною вообще со всякой враждебною непріятельскою силой. Главнымъ богатыремъ времени князя Владиміра является Илья Муромецъ. По народнымъ преданіямъ, онъ былъ сынъ крестья-

нина Ивана Тимофеева, изъ села Карачарова, въ Муромской области. Сидѣлъ онъ сиднемъ тридцать лѣтъ, не владѣлъ ни руками ни ногами. Происхождение въ немъ богатырской силы былины объясняютъ различно. По однѣмъ былинамъ, Илья получилъ свою силу отъ каликъ переходящихъ. Пришли однажды калики (или нищая братія или самъ Христосъ съ двумя апостолами) и просятъ его принести имъ напитокъ. Илья всталъ въ первый разъ и принесъ имъ чашу въ полтора ведра. „Вышей самъ“, говорятъ ему калики; онъ выпилъ. При этомъ была замѣчаетъ:

Какъ выпилъ-то чару питыца медвянаго,
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.

Калики спросили: „Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“ Илья отвѣчаетъ:

Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Къ столбу было бы золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску (т. е.
землю) поворотилъ.

Калики увидѣли, что много дано силы Ильѣ, что земля не снесетъ такой силы. Они еще велѣли Ильѣ принести питыя и еще напоили его и потомъ спросили: „Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“ Онъ отвѣчалъ: „Во мнѣ силушки половинушка“ (противъ прежняго). Калики попросили Илью „проводить ихъ въ чисто-поле“...

По другой былинѣ (варианту), калики, прощаясь съ Ильей, сказали, что смерть ему „на бою не написана“, что онъ можетъ сражаться со всякимъ богатыремъ, кромѣ Святогора, Самсона, Микулы съ его родомъ и Вольги.

По одной былинѣ, Илья Муромецъ получилъ свою богатырскую силу отъ Святогора. Святогоръ выучилъ Илью всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ бога-

тырскимъ и, умирая въ гробу, который они встрѣтили на полѣ, передалъ ему часть своей богатырской силы сквозь щелочку гроба.

Этими сказаніями опредѣляется отношеніе Ильи Муромца къ богатырямъ старшимъ. Онъ ихъ непосредственный преемникъ; онъ отъ нихъ получилъ даже свою силу; но онъ совсѣмъ не такой великанъ, какъ они; калики не совѣтуютъ ему биться съ ними; ему дано столько силы, чтобы земля могла носить его на себѣ, чтобы ему можно было жить между людьми.

Имя Ильи Муромца, какъ главнаго и любимаго богатыря, встрѣчается почти въ каждой былинѣ; онъ принимаетъ участіе въ разныхъ подвигахъ, совершаемыхъ богатырями; но главнымъ образомъ въ былинахъ изображаются три подвига Ильи Муромца: плѣнъ Соловья-Разбойника, который засѣлъ на дорогѣ къ Киеву, уничтоженіе Идолица Поганого и побѣда надъ исполиномъ Жидовиномъ.

Въ Соловьѣ-Разбойникѣ, какъ самое имя его показываетъ, олицетворены разбойники, которые укрывались въ нерасчищенныхъ лѣсахъ и ненаселенныхъ мѣстахъ и дѣлали ихъ непроходимыми: дворъ Соловья на семи дубахъ на семи верстахъ; въ глубокихъ погребяхъ его множество награбленныхъ богатствъ—золота, серебра и скатнаго жемчуга; девять сыновей его живутъ на заставахъ, а дочери—на перевозахъ. Но такъ какъ представленіе о богатыряхъ сложилось подъ вліяніемъ языческихъ образовъ, то и враги, съ которыми они сражаются, имѣютъ черты чудовищныхъ существъ: Соловей-Разбойникъ, какъ чудовище, „шипить по-змѣиному, зрявкаетъ по-звѣриному...“

Поганое Идолице изображается въ былинахъ чудовищемъ страшно прозорливымъ, которое за разъ по семи ведеръ пива пьетъ, по семи пудовъ хлѣба кушаетъ. Въ немъ очевидно, по народному пред-

ставленію, олицетворяется язычество съ его идолами и жрецами, требовавшими отъ народа постоянныхъ и огромныхъ жертвъ.

Жидовинъ изображается въ былинѣ такимъ страшнымъ великаномъ, что одна „ископять“—земля изъ-подъ копытъ бѣгущаго коня его—величиною въ полъ-печи. Этотъ Жидовинъ проѣхалъ черезъ богатырскую заставу предъ Києвомъ, на которой атаманомъ былъ Илья Муромецъ, и насмѣялся надъ русскими богатырями. За это онъ былъ убитъ Ильею. Жидовинъ называется въ былинѣ богатыремъ изъ земли Козарской; въ немъ, очевидно, олицетворена борьба съ козарами, принадлежавшими къ іудейской вѣрѣ, которые, какъ извѣстно изъ исторіи, въ древнія времена пытались обратить русскій народъ въ іудейство.

Есть еще нѣсколько былинъ, гдѣ рассказывается о борьбѣ Ильи Муромца съ молодымъ богатыремъ, Сокольникъ, который оказывается сыномъ Ильи отъ лютыя бабы Златыгорки. Встрѣтившись съ этимъ богатыремъ въ бою, Илья былъ сбитъ имъ съ ногъ и не погибъ только потому, что „на бою ему смерть не написана“, и спасенъ былъ помощью свыше за свою защиту Кіева и Чернигова, съ ихъ церквами и монастырями. Узнавъ, кто такой Сокольникъ, Илья посоветовалъ ему быть милостивымъ и не проливать крови безвинныя и отправилъ его къ матери съ поклономъ; но дикій сынъ убилъ свою мать и хотѣлъ убить и самого Илью во время его сна. Тогда Илья произвелъ такъ же лютую расправу и надъ своимъ сыномъ-врагомъ и убилъ его. Впрочемъ, по одному видоизмѣненію былины, враждебная сначала встрѣча Ильи съ сыномъ окончилась счастливо: узнавъ сына, онъ отправляется съ нимъ въ Кіевъ къ Владимиру на почестный пиръ.

Кромѣ указанныхъ былинъ, Илья Муромецъ вы-

водится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и во многихъ другихъ былинахъ и даже въ тѣхъ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ, въ которыхъ изображается эпоха татарская. Между всѣми младшими богатырями онъ является первымъ и старшимъ; онъ называется ихъ атаманомъ и назначаетъ имъ богатырскіе подвиги. Самъ князь Владимиръ въ трудныхъ случаяхъ обращается къ нему за совѣтомъ и помощію. Такимъ почетомъ онъ пользуется потому, что и силою и храбростію онъ выше всѣхъ богатырей: онъ богатырь непобѣдимый. Онъ знаетъ это и часто повторяетъ то, что сказали давшіе ему силу калики переходіе: „На бою тебѣ смерть не написана“. Въ трудныхъ случаяхъ, при борьбѣ съ опасными врагами, онъ обыкновенно замѣчаетъ: „Видно, ѣхать мнѣ самому, еще негѣмъ мнѣ замѣнитися“. Но Илья Муромецъ не только сильнѣе и храбрѣе, но и честнѣе и благороднѣе всѣхъ другихъ богатырей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна былина о Василисѣ Микуличнѣ. Всѣ богатыри, желая угодить Владимиру, положили отнять для него у черниговскаго князя, Данилы Денисьевича, его супругу Василису Микуличну, а его самого извести, пославъ на вѣрную смерть; только одинъ Илья Муромецъ возсталъ противъ этого безчестнаго поступка. Въ такихъ чертахъ народъ изобразилъ своего любимаго богатыря. О смерти Ильи Муромца въ одной былинѣ говорится, что когда онъ, раздавъ все свое имѣніе по нищей братіи и сиротамъ безпріютнымъ, строилъ церковь соборную, „прилетала невидима сила ангельска и взидала-то его со добра коня и заносила во пещеры во Кіевски, и тутъ-то старый представился, и понынѣ его мощи нетлѣнныя“. Преданіе о мощахъ Ильи Муромца въ Кіевскихъ пещерахъ дѣйствительно сохраняется еще доселѣ.

Послѣ Ильи Муромца былины отдають предпоч-

теніе предъ всеми богатырями Добрынь Никитичу, богатырю изъ Рязани. Въ былинахъ Добрыня называется племянникомъ Владимира (вмѣсто дяди, какъ въ лѣтописи) и сыномъ гостя рязанскаго; онъ же, вѣроятно, и Добрыня Рязаничъ, Золотой поясъ, о которомъ упоминають лѣтописи. Добрыня представляется ближе всѣхъ богатырей ко двору княжескому и исполняетъ разныя придворныя должности: онъ „стольничаль“, „чашничаль“ и „пословничаль“ (жилъ въ послахъ). Онъ отличался особеннымъ благородствомъ и вѣжествомъ: „Вѣжество у Добрыни приращеное“, говоритъ одна былина. Его посылають богатыри къ Дюку Степановичу, какъ „грамотой востраго, на рѣчахъ разумнаго, съ гостями почестливаго“. „У него рѣчи, говоритъ другая былина, привѣтливы, у него рѣчи умильны; онъ прельститъ и уговоритъ“. Въ борьбѣ съ противниками Илья Муромецъ больше другихъ богатырей надѣется на Добрыню. Между подвигами Добрыни указывается на то, что онъ вырубилъ чудъ бѣлоглазую, перекратилъ (укротилъ, уничтожилъ) сорочину (сарацыны-магометане) долгополую, черкесовъ пятигорскихъ, калмыковъ съ татарами, чукчей и олукторовъ (названіе одного изъ сибирскихъ инородцевъ). „По приказу Владимира, онъ ѣздитъ въ орды немирныя, очищаетъ дороги прямоѣзжія; вмѣстѣ съ Василіемъ Казиміровичемъ отвозитъ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ и грамоту повинную къ царю Бутеяну Бутеяновичу (къ царю Батыю?)“. Но особеннымъ подвигомъ Добрыни выставляется въ былинахъ уничтоженіе страшнаго Змѣя Горынчища, обитавшаго въ пещерахъ бѣлокаменныхъ. Добрыня проникъ въ жилище Змѣя, нашель его малыхъ дѣтушекъ, всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ, нашель въ пещерахъ Змѣя много золота и серебра и свою любимую тетушку,

Марью Дивовну (или племянницу князя Владимира, Запаву Путятишну).

Алеша Поповичъ—богатырь изъ духовнаго со-словія, сынъ стараго попа соборнаго въ Ростовѣ. Онъ отличается не силою и храбростію, какъ дру-гіе богатыри, а смѣлостію: „Какъ нѣтъ въ Кіевѣ сильнѣе Ильи Муромца и вѣжливѣе Добрыни Ни-китича, такъ нѣтъ смѣлѣе Алеши Поповича“, го-воритъ одна былина. Но смѣлость у Алеши дохо-дитъ до безразсудства, такъ что богатыри не хо-тятъ его посылать на трудные и опасные подвиги, гдѣ требуется осторожность и благоразуміе. „Але-ша говоритъ гораздъ, но онъ въ то же время горд-ливъ и спесивъ, не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться, не умѣетъ богатырю честь отдать“. Особенно Алеша не пользуется между богатырями хорошей славой за свои отношенія къ женщинамъ. Алеша принимаетъ участіе въ разныхъ подвигахъ съ другими богатырями; главнымъ же его подви-гомъ, который и доставилъ ему мѣсто между бога-тырями, было уничтоженіе Тугарина Зміевича. Этотъ подвигъ Алеши былина также приписываетъ не силѣ и храбрости, а смѣлости и хитрости или, лучше сказать, обману.

И Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ сра-жаются съ змѣемъ; съ тѣмъ же чудовищемъ борет-ся и Потокъ-Михайло Ивановичъ.

Этотъ змѣй является то Змѣемъ Горыничемъ, то Тугариномъ Зміевичемъ, то просто змѣемъ. Онъ живетъ въ горахъ и рѣкахъ, летаетъ по воздуху и разсыпается огненными искрами; принимаетъ видъ богатыря и сражается съ богатырями; похи-щаетъ женщинъ; онъ обладаетъ несмѣтными бо-гатствами и знаетъ, гдѣ находится живая вода, составляющая источникъ жизни, силы и здоровья. Здѣсь, какъ и въ древне-языческихъ сказаніяхъ другихъ народовъ, борьба богатырей со змѣемъ,

по толкованію ученыхъ, означаетъ борьбу солнечнаго свѣта съ мрачными тучами, его закрывающими. Но, кромѣ этого значенія въ области природы, змѣю во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ приписывается еще другое переносное значеніе: онъ является образомъ всего вреднаго и враждебнаго человѣку, представителемъ злой и нечистой силы. Особенно рѣзко выставляется, какъ въ другихъ народныхъ сказаніяхъ, такъ и въ нашихъ былинахъ, чародѣйское губительное вліяніе змѣя на женщинъ. Колдунья Марина Игнатьевна водила знакомство со Змѣемъ Горыничемъ и при помощи колдовства превратила Добрыню въ тура-золотые рога; въ пещерахъ змѣя Добрыня нашель свою тетюшку, Марью Дивовну. Основой подобныхъ сказаній о змѣѣ послужило еще библейское сказаніе о томъ древнемъ змѣѣ-обольстителѣ, или о томъ исконномъ врагѣ человѣка, который принялъ на себя видъ змѣя, сталъ враждебно между первымъ мужемъ и первой женой, обольстилъ первую жену и ввелъ первыхъ людей въ искушеніе.

Кромѣ кievскихъ богатырей, въ былинахъ изображаются еще богатыри, такъ называемые, завзжіе изъ разныхъ мѣстъ: Чурило Пленковичъ—изъ Малаго Кіевца, Дюкъ Степановичъ—изъ Волынца-Красна Галичья или изъ Индіи богатой, и Соловей Будимировичъ—богатый купецъ изъ-за моря. Нѣкоторыя черты этихъ богатырей составились, вѣроятно, книжнымъ путемъ, подъ вліяніемъ книжныхъ сказаній (въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ); другія же сняты, конечно, съ тѣхъ гостинныхъ людей, которые въ разныя времена изъ разныхъ мѣстъ приходили въ Кіевъ, начиная съ варяжскихъ дружинниковъ и оканчивая иностранными заморскими гущами.

Новгородскія быliny о Садкѣ и Василии Буслаевичѣ отличаются отъ кievскихъ былинъ особенной,

мѣстной окраской содержания. Въ былинахъ о Садкѣ и Василии Буслаевичѣ прекрасно отразилась историческая жизнь Новгорода. Садко—представитель знаменитой новгородской торговли, богатырь-купецъ; онъ не совершаетъ богатырскихъ подвиговъ, но ему вмѣнена пѣснями въ подвигъ его торговая дѣятельность. Василий Буслаевичъ—представитель новгородской буйной молодежи, ушкуйниковъ, совершавшихъ завоеванія въ отдаленныхъ мѣстахъ и устраивавшихъ междоусобныя битвы въ родномъ городѣ.

Въ былинахъ о Садкѣ хорошо сохранилась языческая старина. Садко былъ прежде гусларь и жилъ своею игрою на гусяхъ. Морской царь, которому понравилась его игра, научилъ его, какъ выиграть закладъ у „мужиковъ“ (т. е. жителей, гражданъ) новгородскихъ, и Садко сдѣлался владѣльцемъ трехъ лавокъ краснаго товара. Начавши торговать, онъ разбогатѣлъ и возгордился своимъ богатствомъ; попробовалъ было состязаться въ богатствѣ съ самимъ господиномъ Великимъ Новгородомъ, но долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ: здѣсь въ былинѣ сказалось сознание новгородцами торговаго могущества своего города. Былина изображаетъ далѣе торговую поѣздку Садка за границу; путь его—историческій путь новгородской торговли: онъ поплылъ Волховомъ въ Ладожское озеро, изъ Ладожскаго озера Невою въ синее море. На возвратномъ пути Садко попадаетъ къ морскому царю: его, по выпавшему на него жребію, бросаютъ въ море, какъ жертву для унятія бури. Человѣческая жертва указываетъ на древность происхожденія былины; новгородская торговля, вѣроятно, вошла въ нее уже въ позднѣйшія времена. Въ морѣ Садко играетъ морскому царю на гусяхъ, а царь пляшетъ; пляска морского царя, отъ которой гибнутъ корабли, есть

поэтическое олицетвореніе морской бури. Микола Можайскій, по молитвѣ корабельщиковъ, является Садку и научаетъ его оборвать струны на гусяхъ. Въ награду за игру морской царь выдаетъ за Садка одну изъ своихъ дочерей, а Микола Можайскій переноситъ богатыря съ женою въ Новгородъ. Садко строитъ въ благодарность церковь святому.

Другой новгородскій богатырь—Василій Буслаевичъ. Былины часто называютъ его просто Васькой. Это—человѣкъ буйнаго нрава, властолюбивый, думающій только о своей потѣхѣ и не знающій нравственнаго долга. Онъ человѣкъ способный, талантливый: въ дѣтствѣ мать отдала его учиться грамотѣ, пѣнью церковному, „присадила его перомъ писать“,—всему Василій быстро научился. Но уже въ дѣтствѣ проявилъ онъ свой буйный нравъ: сдружился съ дурными людьми, „допьяна ужъ сталъ напиватися, а и ходитъ въ городѣ—уродуетъ: котораго возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ“. Потомъ Василій набралъ себѣ дружину—двадцать-девять такихъ же буйныхъ молодцевъ, какъ самъ, и предложилъ новгородцамъ побиться „о великъ закладъ“, кто кого одолѣетъ: онъ ли со своею дружиною мужиковъ новгородскихъ, или они его. Такимъ образомъ Василій Буслаевичъ проявляетъ свою силу и удалъ не въ бою съ врагами родной земли, а въ бою со своими же согражданами. Ему все равно—съ кѣмъ бы ни драться, только бы драться. При этомъ онъ не знаетъ ни жалости, ни другихъ возвышенныхъ человѣческихъ чувствъ; онъ безъ милосердія и удержу избиваетъ новгородцевъ; а когда они призвали унять Ваську его крестоваго батюшку, Старчище-пилигримище, онъ убилъ и крестнаго отца, да еще посмѣялся надъ нимъ: „Не далъ я ти яичко о Христовомъ дни, дамъ тебѣ яичко о Петровомъ дни!“. Только одна мать могла остановить его, явившись, по просьбѣ

новгородцевъ, на мѣсто смертнаго побоища. Уваженіе къ матери—единственная свѣтлая черта въ характерѣ Василія (общая у него со всѣми русскими богатырями). Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве замѣчательна одна подробность: Василій говоритъ матери, что она хорошо сдѣлала, догадавшись зайти позади его, а если бы зашла спереди, онъ бы убилъ ее „замѣсто мужика новгородскаго“. Изъ этихъ словъ его мы видимъ, что онъ такъ увлекается въ бою, что совершенно теряетъ самообладаніе, почти не видитъ и не сознаетъ, что дѣлаетъ. Этимъ онъ вполне противоположенъ Ильѣ Муромцу, всегда спокойно владѣющему собою, какъ противоположенъ онъ Ильѣ и всѣмъ своимъ врагомъ.

Есть былина о путешествіи Василія въ Іерусалимъ и о смерти его. Поѣздку ко святымъ мѣстамъ Василій предпринялъ не изъ благочестія; онъ говоритъ встрѣтившимся ему на пути „гостямъ-корабельщикамъ“: „А мое-то, вѣдь, гулянье неохотное: смолоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“. Вотъ почему и во время путешествія онъ остается тѣмъ же безпокойнымъ и буйнымъ человекомъ, какимъ былъ всю жизнь. По дорогѣ въ Святую землю на Сорочинской горѣ онъ толкаетъ ногою пустую голову, человѣчью кость, и скачетъ поперекъ камня, не обращая вниманія на предсказаніе головы, что скоро онъ ляжетъ въ землю подлѣ нея, и надпись на камнѣ, что тотъ сломитъ себѣ буйную голову, кто будетъ скакать черезъ него; Василій не вѣритъ этимъ предсказаніямъ судьбы. Но судьба властна надъ нимъ: на возвратномъ пути изъ Іерусалима онъ убивается о камень, начавши вновь скакать черезъ него, и дружина хоронитъ его подлѣ мертвой головы. Здѣсь мы опять видимъ противоположность его Ильѣ Муромцу: Илья свободенъ отъ власти судьбы. Объ

этомъ свидѣтельствуесть былина о трехъ поѣздкахъ Ильи; богатырь пріѣхалъ на розстань, гдѣ расходятся три дороги; на розстани онъ видитъ надпись, что кто поѣдетъ по одной дорогѣ, тотъ убитъ будетъ, кто поѣдетъ по другой—богатырь будетъ, кто поѣдетъ по третьей—женатъ будетъ. Илья послѣдовательно ѣдетъ по всѣмъ дорогамъ, и предсказанія надъ нимъ не сбываются. Здѣсь мы видимъ въ въ былинахъ выраженіе возвышенной мысли: богатырь, посвятившій себя на службу родинѣ, подчиняющійся только нравственному долгу, великодушный и владѣющій собою, свободенъ духомъ; богатырь же, не знающій нравственнаго долга, увлекающійся своими страстями и потому лишенный самообладанія, подчиненъ судьбѣ и не свободенъ.

Кругъ пѣсенъ о богатыряхъ какъ бы завершается былиною, которую можно назвать: „Отчего перевелись богатыри на святой Руси“. Эта былина повѣствуетъ, какъ витязи наши возгордились своими побѣдами до того, что стали вызывать на бой силу небесную (эта сила называется нездѣшною). Первый высказалъ неразумный вызовъ задорный и хвастливый Алеша Поповичъ: „Подавай намъ силу не здѣшнюю, мы и съ тою силою, витязи, справимся!“. И явилась небесная сила въ образѣ двухъ воителей. Богатыри стали сражаться съ ними, стали рубить ихъ со всего плеча; но отъ ударовъ мечей число воителей все удваивалось, все увеличивалось... Испугались тогда могучіе богатыри, побѣжали въ каменные горы и тамъ всѣ окаменѣли; „съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси“. Въ этой былинѣ народъ безсознательно выразилъ глубокую мысль о переходѣ отъ одной поры жизни къ другой, — отъ времени богатырскихъ подвиговъ, воинственной жизни, ко времени высшаго духовна-

го просвѣщенія, начавшагося у насъ съ принятіемъ христіанства.

Такъ какъ былины сложились подъ вліяніемъ древнѣйшихъ языческихъ представленій, то въ нихъ много чудеснаго и невѣроятнаго. Но подъ чудесными и невѣроятными образами въ былинахъ выражаются представленія народа о богатыряхъ, какъ о людяхъ высшаго порядка, совершенныхъ. Богатыри представляютъ собою олицетворенія тѣхъ свойствъ и качествъ, какія всего болѣе цѣнились и уважались народомъ: это своего рода совершенные, обязательные для всѣхъ образцы, въ которыхъ воплощены разные характеры народа. Рассказывая о подвигахъ богатырей, былины сами часто указываютъ на то или другое свойство, составляющее отличительную черту характера извѣстнаго богатыря. По былинамъ, князь Владимиръ является образцомъ человѣка счастливаго, ласковаго и гостепріимнаго, Илья Муромецъ — образцомъ силы и храбрости, Добрыня Никитичъ — образцомъ вѣжливости, благородства и образованности; Алеша Поповичъ — смѣлости и удалства, Чурило Пленковичъ — красоты и щегольства, Дюкъ Степановичъ и Садко новгородскій — богатства. Эти представленія о человѣческомъ совершенствѣ, разумѣется, вполне соотвѣтствуютъ степени развитія народа, среди котораго они образовались. Неразвитый умственно и нравственно народъ еще не можетъ вполне оцѣнить высокія духовно-нравственные свойства, каковы, на примѣръ, сила ума, высота нравственнаго характера, глубина чувства и проч.; ему нравятся болѣе наружныя качества: тѣлесная сила и храбрость, смѣлость и удалство, ловкость и хитрость, тѣлесная красота, щегольство и богатство. Такія вышнія качества изображаются во всѣхъ богатыряхъ, кромѣ Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Любимаго своего богатыря, Илью Муромца, на-

родъ отличилъ отъ всѣхъ богатырей, надѣливъ его особенною прямою, честностью и христіанскимъ смиреніемъ. Онъ не хочетъ убивать никого безъ нужды; встрѣтивъ разбойниковъ, онъ стрѣляетъ не въ нихъ, а въ сырѣ-кряковистый дубъ. Онъ не зарится на золото и серебро: служа землѣ свято-русской, онъ не отказывается ни отъ какого подвига. Въ Добрынь Никитичѣ также есть такія черты, которыя не встрѣчаются въ другихъ богатыряхъ: былины называютъ его грамотой вострымъ, на рѣчахъ разумнымъ, съ гостями почестливымъ. Мѣтко стрѣляя изъ лука, онъ въ то же время умѣетъ искусно играть на гусяхъ и въ шашки-шахматы. Но въ первыя времена устройства человѣческихъ обществъ, когда человѣку постоянно приводится бороться и съ силами природы и съ разными врагами, внутренними и внѣшними, всего необходимѣе, разумѣется, тѣлесная сила и храбрость, которыя поэтому цѣнятся народомъ выше всѣхъ другихъ качествъ. Всѣ богатыри въ былинахъ изображаются съ страшною тѣлесною силой: „Кого хватить богатырь за руку, у того рука прочь, за ногу — нога прочь, за голову — голова долой“; крестъ у Ильи Муромца былъ въ полтора пуда, а палица — въ пятьсотъ пудовъ; онъ одинъ побиваетъ цѣлыя войска; богатыри выпиваютъ за разъ по цѣлой чашѣ зелена вина въ полтора ведра, сонъ богатырскій продолжается двѣнадцать дней; „Илья спитъ-храпитъ, какъ порогъ (дѣпровскій) шумитъ“.

Вмѣстѣ съ хорошими свойствами въ былинахъ отразились и черты грубости и жестокости того вѣка, въ который онѣ возникли. Страшная сила богатырей выражается иногда въ жестокихъ и чисто звѣрскихъ поступкахъ: богатырь часто не довольствуется тѣмъ, что побѣдилъ своего врага; онъ рубитъ ему голову, распарываетъ грудь или животъ и издѣвается надъ нимъ. Удаливость богатырей

въ былинахъ соединяется съ похвалбою или, лучше сказать, съ непрятною хвастливостью: вся беседа богатырей на пирахъ Владимира состоитъ въ томъ, что они напиваются да хвастаютъ: „Еще всѣ на пиру напивались, еще всѣ на пиру порасхвастались“. Богатыри хвастаютъ: кто—богатствомъ, чистымъ серебромъ, краснымъ золотомъ, кто—силою-удачею богатырскою или добрымъ конемъ, кто старымъ батюшкомъ или старой матушкой, кто своей молодой женой. И это хвастовство было до того обычнымъ и постояннымъ явленіемъ, что если богатырь во время пира не пилъ и не хвасталъ, то его сейчасъ спрашивали, не случилось ли съ нимъ какого-нибудь несчастія: „Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ! что же ты ничѣмъ не хвастаешь?“—говоритъ Владимиръ въ одной былинѣ. Это хвастовство, ставившее богатырей часто въ весьма неловкія отношенія къ Владимиру, постоянно бывшее причиной страшныхъ ссоръ между самими богатырями, доходившихъ до кровопролитія, было слѣдствіемъ страшной нетрезвости или неумѣреннаго пьянства богатырей: „Еще всѣ на пиру напивались, еще всѣ на пиру порасхвастались“. Когда оказывается нужда въ какомъ-нибудь богатырѣ, его обыкновенно ищутъ и находятъ въ кружалѣ (кабакѣ) государевомъ. Богатырь Потокъ, въ награду за то, что досталъ Марью Лебедь бѣлую, проситъ у Владимира указъ за печатью красною — „ходить ему по царевымъ кабакамъ и пить зелено вино безденежно, чтобы съ него, Михайлы, денегъ никогда не спрашивали“, отказываясь отъ селъ, городовъ и золотой казны, коими хотѣлъ наградить его князь. Самъ Илья Муромецъ послѣ одной обиды, нанесенной ему княземъ Владимиромъ, соглашается помириться съ нимъ только подъ тѣмъ условіемъ, если князь „разошлетъ строгіе указы по Киеву и по Чернигову, чтобы на трое сутки отво-

рены были всё кабаки и пивоварни, чтобы весь народъ пилъ зелено вино“.

Вмѣстѣ съ богатырями въ былинахъ нерѣдко изображаются и воинственныя женщины, которыя, подобно богатырямъ, отличаются чрезвычайною силою и храбростью, ѣздятъ по полямъ, сражаются съ врагами, стрѣляютъ изъ лука и присутствуютъ иногда на пирахъ Владимира. Таковы три дочери богатыря Микулы Селяниновича: Василиса, Настасья и Марья. Василиса была замужемъ за бояриномъ Ставромъ и своимъ искусствомъ стрѣлять превзошла всѣхъ богатырей Владимира. Настасья была удалой поленицей и, разѣзжая по полямъ, встрѣтила Добрыню Никитича, побѣдила его и вышла за него замужъ. Таковы же были жена Святогора и жена Ильи Муромца, Савишна, которая однажды прогнала отъ стѣнъ Кіева Тугарина Зміевича со всею его силою. Кромѣ воинственности, другую отличительную черту женщинъ - героинь, изображаемыхъ въ былинахъ, составляетъ то, что онѣ, находясь въ связи съ нечистою силою, владѣютъ чародѣйскою способностью превращаться и другихъ превращать въ разные виды: такова жена Добрыни, еретица Марина Игнатьевна, оборачивавшая богатырей турами, и жена Потока, Марья Лебедь бѣлая, владѣвшая также способностью оборотничества.

Свят о гор ь.

Снарядился Свят о гор ь во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Свят о гор у силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Свят о гор ь:

„Какъ бы я тяги нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Свят о гор ь въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она не
скрянется, .

Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою, — не подыметъся:
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакаго чуда не наѣзживалъ,
Такого дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подыметъся!“
Слѣзаетъ Свят о гор ь съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Свят о гор ь въ землю угрызъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Свят о гор ь угрызъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Тяги-то земли онъ нашелъ, прибавила рассказчица, а Богъ его и попуталъ за похвальбу.

Волхъ Всеславьевичъ.

А и на небѣ просвѣта свѣтель мѣсяць,
 А въ Киевѣ родился могучъ богатырь,
 Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
 Подрожала сыра земля,
 Стряслось славно царство Индѣйское,
 А синее море сколебалось
 Для-ради рожденья богатырскато —
 Молода Волха Всеславьевича;
 Рыба пошла въ морскую глубину,
 Птица полетѣла высоко въ небеса,
 Туры да олени за горы пошли,
 Зайцы, лисицы по чащицамъ,
 А волки, медвѣди по ельникамъ,
 Соболи, куницы по островамъ.
 А и будетъ Волхъ въ полтора часа,
 Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
 „А и гой еси, сударыня матушка,
 Молода Марѳа Всеславьевна!
 А не пеленай во пеленку червчатую,
 А не пояси во поясъ шелковые, —
 Пеленай меня, матушка,
 Въ крѣпки латы булатныя,
 А на буйну голову клади златъ шоломъ,
 Во праву руку палицу,
 А и тяжку палицу свинцовую,
 А вѣсомъ та палица триста пудъ“.
 А будетъ Волхъ семи годовъ,
 Отдавала его матушка грамотъ учиться,
 А грамота Волху въ наукъ пошла.
 Посадила его ужъ перомъ писать,
 Письмо ему въ наукъ пошло.
 А и будетъ Волхъ десяти годовъ,

Втапоры научился Волхъ ко премудростямъ:
 А и первой мудрости учился
 Обертываться яснымъ соколомъ;
 Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
 Обертываться сѣрымъ волкомъ;
 Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
 Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.
 А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
 Сталь себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
 Дружину прибираль въ три года,
 Онъ набралъ дружины себѣ семь тысячей;
 Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
 И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.
 Прошла та слава великая
 Ко стольному городу ко Киеву:
 Индѣйскій царь наряжается,
 А хвалится-похваляется,
 Хочетъ Киевъ градъ за нитомъ весь взять,
 А Божьи церкви на дымъ спустить
 И почестны монастыри разорить.
 А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
 Со всею дружиною храброю
 Ко славному царству Индѣйскому
 Тутъ же съ ними во походъ пошелъ;
 Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ;
 Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
 Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по ряменью,
 А бьетъ онъ звѣри сохатые,
 А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
 А и соболи, барсы любимыи кусъ,
 Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ.
 Волхъ поилъ, кормилъ дружину хорабрую,
 Обуваль, одѣваль добрыхъ молодцовъ—
 Носили они шубы собольиыя,
 Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
 Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
 Онъ обернется яснымъ соколомъ,

Полетѣлъ онъ далече на сине море,
 А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
 А и сѣрымъ малымъ уткамъ спуску нѣтъ.
 А поилъ-кормилъ дружинишку хорабрую,
 А всѣ у него были яства перемѣнныя,
 Перемѣнныя яства сахарныя.
 А сталъ онъ Волхъ вражду чинить:
 „А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
 Не много не мало васъ семь тысячей,
 А и есть ли, братцы, у васъ таковъ человекъ,
 Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
 А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
 Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
 Про царя Салтыка Ставрुльевича,
 Про его буйну голову Батыевичу?“
 Какъ бы листъ со травою пристилается,
 А вся его дружина приклоняется,
 Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы:
 „Нѣтъ у насъ такого молодца,
 Опричь тебя Волха Всеславъевича“.
 А тутъ таковой Всеславъевичъ
 Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ—золотые рога,
 Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому,
 Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
 А другой скокъ не могли найти;
 Онъ обернется яснымъ соколомъ,
 Полетѣлъ онъ ко царству Индѣйскому—
 И будетъ онъ во царствѣ Индѣйскомъ,
 И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
 На тѣ на палаты царскія,
 Ко тому царю Индѣйскому,
 И на то окошечко косящатое.
 А и буйные вѣтры по насту тянуть,
 Царь со царицею въ разговоры говорить.
 Говорила царица Азвяковна,
 Молода Елена Александровна;
 „А и гой еси ты, властный Индѣйскій царь,

Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
 Про то не знаешь, не вѣдаешь,
 А и на небѣ просвѣтя свѣтель мѣсяцъ,
 А и въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
 Тебѣ царю сопротивничекъ".
 А втапоры Волхъ онъ догадивъ былъ:
 Сидючи на окошкѣ косящатомъ,
 Онъ тѣ-то де рѣчи повыслушалъ,
 Онъ обернулся горностаемъ,
 Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
 По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
 У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
 У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ;
 У того ружья вѣдь у огненнаго
 Кременья и шомполы повыдергалъ,
 А все онъ въ землю закапывалъ.
 Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
 Звился онъ высоко по поднебесью,
 Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
 Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хорабрыя;
 Дружина спить, такъ Волхъ не спить,
 Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ:
 „Гой еси вы, дружина хорабрая!
 Не время спать, пора вставать,
 Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому".
 И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной:
 Крѣпка стѣна бѣлокаменна:
 Ворота у города желѣзныя,
 Крюки засовы всѣ мѣдныя,
 Стоять караулы дорогъ рыбій зубъ,
 Мудрены вырѣзы вырѣзано,
 А и только въ вырѣзу мурашу пройти;
 И всѣ молодцы закручинилися,
 Закручинилися и запечалилися,
 Говорять таково слово:
 „Потерять будетъ головки напрасныя,
 А и какъ намъ будетъ стѣна пройти".

Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ,
 Самъ обернулся муравьиномъ
 И всѣхъ добрыхъ молодецъ мурашками,
 Прошли они стѣну бѣлокаменну
 И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ
 Въ славномъ царствѣ Индѣйскимъ;
 Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
 Со своею стали сбруею со ратною,
 А всѣмъ молодцамъ онъ призналъ отдасть:
 „Гой еси вы, дружина хоробрая!
 Ходите по царству Индѣйскому,
 Рубите стараго, малаго,
 Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
 Оставьте только вы по выбору,
 Не много не мало семь тысячей
 Душечки красныя дѣвицы“.
 А и ходить его дружина по царству Индѣйскому,
 А и рубить стараго, малаго,
 А и только оставляютъ по выбору
 Душечки красныя дѣвицы;
 А самъ онъ Волхъ во палаты пошелъ,
 Во тѣ во палаты царскія,
 Ко тому царю ко Индѣйскому:
 Двери были у палатъ желѣзныя,
 Крюки, пробои по булату златы.
 Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичъ:
 „Хотя нога изломить, а двери выставить“.
 Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
 Изломалъ всѣ пробои булатныя,
 Онъ беретъ царя за бѣлы руки,
 А славнаго царя Индѣйскаго
 Салтыка Ставрुльевича.
 Говоритъ тутъ Волхъ таково слово:
 „А и васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ“.
 Ухвата его ударилъ о кирпичатый полъ,
 Расшибъ его въ врозь...
 И тутъ Волхъ самъ царемъ настѣлъ,

Взявши царицу Азвяговну,
 А и молодую Елену Александровну.
 А и та его дружина хорабрая
 И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася,
 А и молодой Волкъ тутъ царемъ насѣлъ,
 А то стали люди посадскіе;
 Онъ злата, серебра выкатилъ,
 А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
 А на всякаго брата по сту тысячей.

Микула Селяниновичъ и Вольга Святославговичъ.

Когда возсіяло солнце красное
 На это на небушко на ясное,
 Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославговичъ.
 Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
 Похотѣлся Вольгѣ много мудрости:
 Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
 Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
 Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
 Уходили всѣ рыбы во синія моря,
 Улетали всѣ птички за оболока,
 Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
 Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
 Иабирать себѣ дружинишку хоробрую,
 Тридцать молодцевъ безъ единого,
 Самъ еще Вольга во тридцатыхъ.

Жаловалъ его родной дядюшка,
 Ласковый Владимиръ стольно-Кіевскій,
 Тремя городами со крестьянами:
 Первымъ городомъ—Гурчевцомъ
 Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
 Третьимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
 Молодой Вольга Святославговичъ

Со своею дружинушкой хороброю
 Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
 Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
 Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга до ратая
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своей дружинушкой хороброю,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.
 Ъхалъ Вольга еще другой день,
 Другой день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга еще третій день,
 Третій день съ утра до набѣдья,
 Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометываетъ;
 Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;
 Коренья, каменья вывертываетъ,
 А великіе-то всѣ каменья въ борозду валить;
 Кобыла у ратая соловая,
 Сошка у ратая кленовая,
 Гужики у ратая шелковые.
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 „Божья ти помочь, оратаюшко!
 Орать да пахать, да крестьянствовать,
 Съ края въ край бороздки пометывати,
 Коренья, каменья вывертывати!“
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Подитко, Вольга Святославговичъ
 — Со своею дружинушкой хороброю,
 Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовать!

Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинишкою хороброю?—

„Ай же ты, ратаю, ратаюшко!

Ѣду къ городамъ за получкою:

Ко первому городу ко Гурчевцу,

Ко другому ко городу къ Орѣховцу,

Ко третьему городу ко Крестьяновцу“.

Говорилъ оратай такovy слова:

— Ай же, Вольга Святославговичъ!

А недавно я былъ въ городни, третьеводни,

На своей кобылкѣ соловоей,

Увезъ я отголь соли столько два мѣха,

Два мѣха соли по сороку пудъ.

И живутъ-то мужики все разбойники,

Оны просятъ грошѣвъ подорожныхъ;

А былъ я съ шалыгой подорожною,

Платилъ имъ гроши подорожные:

Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,

А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—

Говорилъ Вольга такovy слова:

„Ай же, оратай, оратаюшко,

Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!“

Этотъ оратай-оратаюшко

Гужики шелковеньки повыстегнулъ,

Кобылку изъ сошки повывернулъ,

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говорилъ оратай такovy слова:

— Ай же, Вольга Святославговичъ!

Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,

А гля-ради мужика деревенщины.

Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,

Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути

И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?—

Молодой Вольга Святославговичъ

Посылаетъ онъ съ дружинишки хоробрыя

Пять молодецъ могучихъ,

Чтобъ сошку съ земельки повыдернули,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Эта дружинушка хоробрая,
 Пять молодцевъ могучихъ,
 Приѣхали къ сошкѣ кленовыя:
 Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Молодой Вольга Святославговичъ
 Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
 Чтобъ сошку съ земельки повыдернули,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
 Сошки отъ земли поднять нельзя,
 Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
 Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
 Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
 Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
 А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
 Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
 Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
 Подъѣхалъ орадай-оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Ко этой ко сошкѣ кленовой:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повыдернулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
 Съли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Оратая кобылка рысью идетъ,
 А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
 У оратая кобылка-то грудью пошла,
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покрививати,
 Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:

„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
 Этая кобылка конькомъ бы была,—
 За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Глушый Вольга Святославговичъ!
 Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
 И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
 Этая кобылка конькомъ бы была,—
 За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
 Говорилъ Вольга Святославговичъ:
 „Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
 Какъ-то тебя именовемъ зовуть,
 Какъ звеличаютъ по отечеству?“
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай же, Вольга Святославговичъ!
 А я ржи напашу, да во скирды сложу,
 Во скирды складу, домой выволочу,
 Домой выволочу, да дома вымолочу,
 Драни надеру, да и пива наварю,
 Пива наварю, да и мужичковъ надою.
 Станутъ мужички меня покликивати:
 „Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

Сухманъ Одихмантьевичъ.

У ласкова у князя у Владимира
 Было пированьице—почестецъ пиръ
 На многихъ князей, на бояръ,
 На русскіихъ могучіихъ богатырей
 И на всю поленицу удалюю.
 Красное солнышко на вечерѣ,
 Почестный пиръ идетъ на веселѣ;
 Всѣ на пиру пьяны-веселы,
 Всѣ на пиру порасхвастались:
 Глушый хвастаетъ молодой женой,
 Безумный хвастаетъ золотой казной,

А умный хвастаетъ старой матерью,
 Сильный хвастаетъ своей силою,
 Силою, ухваткой богатырскою.
 За тѣмъ за столомъ за дубовымъ
 Сидитъ богатырь Сухмантій Одихмантьевичъ:
 Ничѣмъ-то онъ, молодець, не хвастаетъ.
 Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій
 По гриднѣ столовой похаживаетъ,
 Желтыми кудерьками потряхиваетъ,
 Самъ говоритъ таковы слова:
 „Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
 Чтò же ты ничѣмъ не хвастаешь,
 Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
 Бѣлыя лебди не рушаешь?
 Али чара ти шла не рядобная,
 Или мѣсто было не по отчинѣ,
 Али пьяница надсмѣялся ти?“
 Воспроговоритъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
 — Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!
 Чара-то мнѣ-ка шла рядобная,
 А и мѣсто было по отчинѣ,
 Да и пьяница не надсмѣялся мнѣ.
 Похвастать не похвастать добру молодцу:
 Привезу тебѣ лебедь бѣлую,
 Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
 Не ранену лебедку, не кровавлену.—
 Тогда Сухмантій Одихмантьевичъ
 Скоро встаетъ на рѣзвы ноги,
 Приходитъ изъ гридни изъ столовыя
 Во тую конюшенку стоялую,
 Сѣдлаетъ онъ своего добра коня,
 Взимаетъ палицу воинскую,
 Взимаетъ для пути для дороженьки
 Одно свое ножище-кинжалище,
 Садился Сухмантій на добра коня,
 Уѣзжалъ Сухмантій ко синю морю,
 Ко тоя ко тихія ко заводи.

Какъ прїѣхаль ко первыя тихія заводи,
 Не плавають ни гуси, ни лебеди,
 Ни сѣрые малые утѣныши.

Ѣхаль ко другія ко тихія ко заводи:

У тоя у тихія у заводи
 Не плавають ни гуси, ни лебеди,
 Ни сѣрые малые утѣныши.

Ѣхаль ко третія ко тихія ко заводи:

У тоя у тихія у заводи
 Не плавають ни гуси, ни лебеди,
 Ни сѣрые малые утѣныши.

Туть-то Сухмантїй пораздумался:

„Какъ поѣхать мнѣ ко славному городу ко Кіеву,
 Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
 Поѣхать мнѣ,—живу не бывать;
 А поѣду я ко матушкѣ Нѣпры-рѣвѣ!“

Прїѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпры-рѣвѣ:
 Матушка Нѣпра-рѣка текеть не постарому,
 Не постарому текеть не попрежнему,
 А вода съ пескомъ помутилася.

Сталь Сухмантїюшка выспрашивати:

— Чтò же ты матушка Нѣпра-рѣка,
 Чтò же ты текешь не постарому,
 Не постарому текешь, не попрежнему,
 А вода съ пескомъ помутилася?—

Испроговорить матушка Нѣпра-рѣка:

„Какъ же мнѣ течи было постарому,
 Постарому течи, попрежнему,
 Какъ за мной за матушкой Нѣпррой-рѣкой
 Стоитъ сила татарская невѣрная,
 Сорокъ тысячей татаровой поганихъ?“

Мостятъ они мосты калиновы;
 Днемъ мостятъ, а ночью я повыроку:

Изъ силъ матушка Нѣпра-рѣка повыбилась“.

Раздумался Сухмантїй Одикмантьевичъ:

— Не честь хвала мнѣ молодецкая
 Не отвѣдать силы татарскія,

Татарскія силы невѣрныя.—
 Направилъ своего добра коня
 Черезъ тую матушку Нѣпру-рѣку:
 Его добрый конь перескочилъ.
 Приѣзжаетъ Сухмантій ко сыру дубу,
 Ко сыру дубу кряковисту,
 Выдергивалъ дубъ со кореньями,
 За вершинку бралъ, а съ комля сокъ бѣжалъ,
 И поѣхалъ Сухмантьюшка съ дубиночкой,
 Напустилъ онъ своего добра коня
 На тую ли на силу на татарскую,
 И началъ онъ дубиночкой помахивати,
 Началъ татаръ поколачивати;
 Махнетъ Сухмантьюшка,—улица,
 Отмахнетъ назадъ,—промежutoчекъ,
 И впередъ просунетъ,—переулочекъ.
 Убилъ онъ всѣхъ татаръ поганыхъ.
 Бѣжало три татарина поганыхъ,
 Бѣжали ко матушкѣ Нѣпры-рѣкѣ,
 Садилась подъ кусточки подъ ракитовы,
 Направили стрѣлочки каленыя.
 Приѣхалъ Сухмантій Одихмантьевичъ
 Ко той ко матушкѣ Нѣпры-рѣкѣ,—
 Пустили три татарина поганыхъ
 Тья стрѣлочки каленыя
 Во его въ бока во бѣлые:—
 Тутъ Сухмантій Одихмантьевичъ
 Стрѣлочки каленыя выдергивалъ,
 Сорвалъ въ раны кровавыя листочки маковы,
 А трехъ татаровой поганыхъ
 Убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.
 Садился Сухмантій на добра коня,
 Припустилъ ко матушкѣ Нѣпры-рѣкѣ,
 Приѣзжалъ ко городу ко Киеву,
 Ко тому двору княженецкому.
 Привязалъ коня ко столбу ко точеному,
 Ко тому кольцу ко золоченому,

Самъ бѣжалъ во грѣдню во столовую.
 Князь Владимиръ стольно-Кіевскій
 Во грѣднѣ столовая похаживаетъ,
 Желтыми кудергами потряхиваетъ,
 Самъ говоритъ таковы слова:
 „Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
 Привезъ ли ты мнѣ лебедь бѣлую,
 Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
 Не ранену лебедку, не кровавлену?“
 Говоритъ Сухмантій Одихмантьевичъ:
 — Солнышко, князь стольно-Кіевскій!
 Мнѣ, молъ, было не до лебедушки:
 А за той за матушкой Нѣпррой-рѣкой
 Стояла сила татарская невѣрная,
 Сорокъ тысячей татаровой поганыхъ;
 Шла же эта сила во Кіевъ градъ,
 Мостила мосточки калиновы;
 Они днемъ мосты мостятъ,
 А матушка Нѣпра-рѣка ночью повыроетъ;
 Напустилъ я своего добра коня
 На тую на силу на татарскую,
 Побилъ всѣхъ татаръ поганыхъ.—
 Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій
 Приказалъ своимъ слугамъ вѣрнымъ
 Взять Сухмантя за бѣлы руки,
 Посадить молодца въ глубоко погребъ;
 А послать Добрынюшку Никитинца
 За тую за матушку Нѣпру-рѣку
 Провѣдать заработки Сухмантьевы.
 Съѣдалъ Добрыня добра коня
 И поѣхалъ молодець во чисто поле.
 Приѣзжаетъ ко матушкѣ Нѣпры-рѣкѣ
 И видитъ Добрынюшка Никитенець:
 Побита сила татарская;
 И видитъ дубиночку-вязиночку,
 У тоя рѣки разбитую на лозиночки.
 Привозитъ дубиночку въ Кіевъ-градъ

Ко ласкову князю ко Владимиру,
 Самъ говорить таково слово:
 — Правдой хвасталъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
 За той за матушкой Нѣпррой-рѣвкой
 Есть сила татарская побитая,
 Сорокъ тысячей татаровой поганныхъ;
 И привезъ я дубиночку Сухмантьеву,
 На лозиночки дубиночка облочкана.—
 Потянула дубина девяносто пудъ,
 Говорилъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
 „Ай же, слуги мои вѣрные!
 Скоро идите въ глубокъ погребъ,
 Визмайте Сухмантя Одихмантьевича,
 Приводите ко мнѣ на ясны очи:
 Буду его молодца жаловать-миловать,
 За его услугу за великую,
 Городами его съ пригородками,
 Али селами съ приселками,
 Аль безсчетной золотой казной до любви“.
 Приходятъ его слуги вѣрные
 Ко тому ко цюребу глубокому,
 Сами говорятъ таковы слова:
 „Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
 Выходи со погреба глубокаго:
 Хочетъ тебя Солнышко жаловать,
 Хочетъ тебя Солнышко миловать
 За твою услугу великую“.

Выходилъ Сухмантій съ погреба глубокаго,
 Выходилъ на далече-далече, чисто поле,
 И говорилъ молодець таковы слова:
 „Не умѣлъ меня Солнышко миловать,
 Не умѣлъ меня Солнышко жаловать,
 А теперь не видать меня во ясны очи!“
 Выдергивалъ листочки маковые
 Со тихъ ранъ со кровавыхъ,
 Самъ Сухмантій приговаривалъ:

„Потеки Сухманъ-рѣка
 Отъ моя отъ крови отъ горючія,
 Отъ горючія крови, отъ напрасныя!“

Исцѣленіе Ильи Муромца и чудесное дарованіе силы.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
 Про старое, про бывалое,
 Про того Илью про Муромца?
 Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
 Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать-три года;
 Пришли къ нему нища братія,
 Самъ Исусъ Христось, два апостола:
 „Ты поди, Илья, принеси испить!“
 — Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!—
 „Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!“
 Илья сталъ вставать, ровно встрѣпаный;
 Онъ пошелъ, принесъ чашу въ полтора ведра,
 Нищей братія сталъ поднашивать;
 Ему нищи отворачиваютъ;
 Нища братія у Ильи спрашивали:
 „Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
 — Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
 Ко столбу было золотѣ кольцо,
 За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ!
 „Ты поди, Илья, принеси другу чашу!“
 Илья сталъ имъ поднашивать,
 Они Ильѣ отворачиваютъ;
 Выпивалъ Илья безъ отдыха
 Большу чашу въ полтора ведра.
 Они у Ильи стали спрашивать:
 „Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
 — Во мнѣ силушки половинушка.—
 „Проводи, Илья, насъ въ чистѣ поле,
 Во чистѣ поле, къ высоко бутру,

Къ высокоу бугру, ко раскатисту“.
 На бугрѣ Илья отдохнуть прилѣгъ,
 Богатырскій сошь на двѣнадцать дѣтъ,
 Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
 Богатыремъ сильнымъ могучимъ.

Святогоръ и Илья Муромецъ.

Въ славномъ городѣ во Муромѣ,
 Во селѣ было Карачаровѣ,
 Сиднемъ сидѣль Илья Муромецъ,
 Крестьянскій сынъ,
 Сиднемъ сидѣль цѣло тридцать лѣтъ.
 Уходилъ государь его батюшка
 Со родителемъ со матушкою
 На работушку на крестьянскую.
 Какъ приходили двѣ калики перехожіе
 Подъ тое окошечко косявчето,
 Говорятъ калики таковы слова:
 „Ай же ты, Илья Муромецъ,
 Крестьянскій сынъ!
 Отворяй каликамъ ворота широкія,
 Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.
 Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
 — Ай же вы, калики перехожіе,
 Не могу отворить воротъ широкиѣхъ,
 Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
 Не владаю ни руками, ни ногами.—
 Опять говорятъ калики перехожіе:
 „Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
 Отворяй-ка ворота широкія,
 Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ“.
 Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
 Отворялъ ворота широкія
 И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
 Приходили калики перехожіе,

Они крестъ кладутъ пописаному,
 Поклонъ ведутъ поученому,
 Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
 Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
 Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
 Богатырско его сердце разгорѣлося,
 Его бѣлое тѣло распотѣлося.
 Воспроговорятъ калики таковы слова:
 „Что чувствуешь въ себѣ, Ильѣ?“
 Билъ челомъ Ильѣ, каликъ поздравствовалъ:
 — Слышу въ себѣ силушку великую.—
 Говорятъ калики перехожіе:
 „Будешь ты, Ильѣ, великій богатырь,
 И смерть тебѣ на бою не написана:
 Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
 И со всею паленицею удалою;
 А столько не выходи драться
 Съ Святогоромъ-богатыремъ:
 Его и земля на себѣ черезъ силу носитьъ;
 Не ходи драться съ Самсономъ-богатыремъ:
 У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
 Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
 Его любитъ матушка сыра земля;
 Не ходи еще на Вольгу Сеславъича:
 Онъ не силою возьметъ,
 Такъ хитростью-мудростью.
 Доставай, Ильѣ, коня себѣ богатырскаго,
 Выходи въ раздольице чисто поле,
 Покупай перваго жеребчика,
 Станови его въ срубу на три мѣсяца,
 Корми его пшеномъ бѣлояровымъ
 А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
 Ты по три noci жеребчика въ саду поваживай
 И въ три росы жеребчика выкатывай,
 Подводи его къ тыну ко высокому:
 Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескаки-
 вать,

И въ ту сторону и въ другую сторону,
 Поважай на немъ, куда хочешь,
 Будеть носить тебя“.

Тутъ калики потерялися.

Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку

На тую на работу на крестьянскую,

Очистить надо палъ отъ дубья-колоды:

Онъ дубье-колоды все повырубилъ,

Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,

А самъ и спелъ домой.

Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,

Выстали они, испужалися:

„Что это за чудо подвѣлось?

Кто бы намъ это сработалъ работушку?“

Работа-то была подвѣлана,

И пошли они домой.

Какъ пришли домой, видятъ:

Илья Муромецъ ходитъ по избы.

Стали его спрашивать,

Какъ онъ выздоровѣлъ.

Илья и рассказалъ имъ,

Какъ приходили калики переходже,

Поили его питьицемъ медвянымъ,

И съ того онъ сталъ владать руками и ногами

И силушку получилъ великую.

Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,

Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,

Бураго жеребчика косматенькаго.

Покупалъ Илья того жеребчика,

Что запросилъ мужикъ, то и далъ;

Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,

Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,

Поилъ свѣжей ключевой водой;

И прошло поры-времени три мѣсяца,

Сталъ Илья жеребчика по три ночи въ саду пова-
 живать,

Въ три росы его выкатывалъ,

Подводилъ ко тыну ко высокому,
 И сталъ бурушко черезъ тынь перескакивать,
 И въ ту сторону и въ другую сторону.
 Тутъ Илья Муромецъ
 Съдлалъ добра коня, зауздывалъ,
 Бралъ у батюшки, у матушки
 Прощеньице-благословеньице
 И поѣхалъ въ раздольице чисто поле.
 Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
 На шатеръ бѣлополотняный,
 Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
 И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
 Долиной кровать десяти сажень,
 Шириной кровать шести сажень.
 Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
 Легъ на тую кровать богатырскую
 И спать заснулъ.
 А сонъ богатырскій крѣпокъ:
 На три дня и на три noci.
 На третій день услыхалъ его добрый конь
 Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки:
 Мать сыра земля колыбается,
 Темны лѣсушки шатаются,
 Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
 Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
 Не можетъ разбудить Илью Муромца.
 Проязычилъ конь языкомъ чelовѣческимъ:
 „Ай же ты, Илья Муромецъ!
 Спишь себѣ, проклаждаешься,
 Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
 Ѣдетъ къ шатру Святогоръ-богатырь.
 Ты спущай меня во чисто поле,
 А самъ полѣзай на сырой дубъ.“
 Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
 Спускалъ коня во чисто поле,
 А самъ высталъ во сырой дубъ.
 Видитъ: Ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,

Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
 На плечахъ везетъ хрустальный ларець.
 Приѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
 Снялъ съ плечъ хрустальный ларець,
 Отмыкалъ ларець золотымъ ключомъ:
 Выходить оттолъ жена богатырская,
 Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
 Не видано и не слыхано:
 Ростомъ она высокая,
 Походка у ней щепливая,
 Очи яснаго сокола,
 Бровушки чернаго соболя,
 Съ платица тѣло бѣлое.
 Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
 Полагала скатерти бранья,
 Ставила на столъ ѣствушки сахарныя,
 Вынимала изъ ларца питица медвяныя.
 Пообѣдалъ Святогоръ-богатырь...
 Тутъ богатырь и спать-заснулъ.
 А красавица жена его богатырская
 Пошла гулять по чисту полю
 И высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу.
 Взяла его красавица, богатырская жена,
 Посадила къ мужу во глубокъ карманъ
 И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
 Проснулся Святогоръ-богатырь,
 Посадилъ жену въ хрустальный ларець,
 Заперъ золотымъ ключомъ,
 Съѣлъ на добра коня
 И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
 Сталъ его добрый конь спотыкаться,
 И билъ его богатырь плеткою шелковою
 По тучнымъ бедрамъ,
 И проговорить конь языкомъ человѣческимъ:
 „Опережь я возилъ богатыря да жену богатырскую,
 А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей:
 Дивья мнѣ потыкаться!“

И вытащилъ Святогоръ-богатырь
 Илью Муромца изъ кармана,
 И сталъ его выспрашивать,
 Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
 Во глубокъ карманъ.

Илья ему сказалъ все по правдѣ, по истинѣ.
 Тогда Святогоръ жену свою богатырскую убилъ,
 а съ Ильей помѣнялся крестомъ и назвалъ его мень-
 шимъ братомъ.

Выучилъ Святогоръ Илью
 Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ,
 И поѣхали они къ Сивернымъ горамъ,
 И наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ,
 На томъ гробу подпись подписана:
 „Кому суждено въ гробу лежать,
 Тотъ въ него и ляжетъ“.
 Легъ Илья Муромецъ:
 Для него домовище и велико и широко;
 Ложился Святогоръ-богатырь:
 Гробъ пришелся по немъ.
 Говорить богатырь таковы слова:
 „Гробъ точно про меня дѣланъ.
 Возьми-тко крышку, Илья,
 Закрой меня“.
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
 — Не возьму я крышки, большій братъ,
 И не закрою тебя:
 Шутить ты шуточку немалую,
 Самъ себя хоронить собрался. —
 Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ ею гробъ;
 Да какъ захотѣлъ поднять ю,
 Никакъ не можетъ;
 Бился онъ и силился поднять,
 И проговорилъ Ильѣ Муромцу:
 „Ай меньшій братъ!
 Видно, судьбина, поискала меня,

Не могу поднять крышки,
 Попробуй-ка поднять ю“.

Попробовалъ Илья Муромецъ поднять крышку, да гдѣ ему! Говорить Святогоръ богатырь: „Возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперекъ крышки“. Илья Муромцу не подѣ силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зоветь его Святогоръ-богатырь: „Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ, я дохну на тебя духомъ богатырскимъ“. Какъ наклонился Илья, и дохнулъ на него Святогоръ-богатырь своимъ духомъ богатырскимъ, почувалъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое, поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки. Отъ того удара великаго посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветь его Святогоръ-богатырь: „Душно мнѣ, меньшій братъ, попробуй еще ударить мечомъ вдоль крышки“. Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки, — и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговорить Святогоръ-богатырь: „Задыхаюсь я, меньшій братецъ; наклонись-ка ко щелочкѣ, я дохну еще на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую“. Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:—Будетъ съ меня силы, большій братецъ; не то земля на себѣ носить не станетъ.— Промолвился тутъ Святогоръ-богатырь: „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владай моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто, кромѣ меня, не совладеетъ съ этимъ конемъ“. Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ, простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня ко тому ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ и поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

Встрѣча Ильи Муромца съ разбойниками.

Во славномъ было городѣ во Муромѣ,
 Во большомъ селѣ Карачаровѣ,
 Не громъ гремитъ, не стукъ стучитъ,
 Говоритъ тутъ Илюшка своему батюшкѣ:
 „Государь ты мой батюшка, Иванъ Тимоѣевичъ!
 Купи ты мнѣ жеребенка шелудиваго,
 Дай за жеребенка пятьдесятъ рублей со полтиною,
 Корми ты его тѣстомъ пшеничнымъ,
 И пой сытой медовою;
 Выводи кататься по три зари, по три утреннія,
 На тѣ на перины, на пуховыя“.
 Сталь да мой жеребеночекъ поигрывать,
 Черезъ Оку-рѣку попрывивать.
 Что не бѣлая березанька къ землѣ клонится,
 Приклонялся Илюшка къ своему батюшкѣ,
 Къ государынѣ своей матушкѣ:
 „Государь мой батюшка, Иванъ Тимоѣевичъ,
 Государыня матушка!
 Дайте мнѣ великое благословеньицо,
 Вхать въ Кіевъ-градъ къ князю Володимиру,
 На поможеніе и на сбереженіе“.
 Далеченько-далеченько въ чистомъ полѣ,
 Не бѣлые снѣжечки въ полѣ забѣлѣлися,
 Не туманушки затуманилися,
 Не былинка въ полѣ запаталася:
 Запатался въ полѣ старый казакъ,
 Забѣлѣлся подъ нимъ добрый конь.
 Онъ подѣхалъ ко тремъ ко дороженькамъ,
 На самую перехрестычку.
 Промежь было трехъ дороженька,
 На самой на перехрестычкѣ,
 Лежитъ тутъ бѣль горючъ камень,
 На камешкѣ есть написано,

Все старому рассказано,
 По правой ѡхать—богатому быть,
 По лѣвой ѡхать—женатому быть,
 А прямо-то ѡхать—убитому быть.
 „Ужь я думаю, старый, подумаю,
 Со своимъ конемъ добрымъ:
 Мнѣ богатство-то старому не прочное,
 А жениться не къ лицу.
 Поѡду я по прямой дороженькѣ:
 Убить-то меня не про что,
 А взять-то съ меня нечего;
 Одинъ смурь кафтанъ на мнѣ во сто рублей;
 Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
 А стрѣль колчанъ во двѣ тысячи;
 А коню съ сѣдломъ и цѣны нѣту“.
 И поѡхалъ добрый молодець
 На Черниговъ-градъ, на лѣса на Брынскіе,
 Черезъ горы Сіонскія
 Черезъ тѣ грязи черныя,
 На тое рѣку Смородину.
 Подъѡзжаетъ же добрый молодець
 Къ городу Чернигову.
 Выходили тутъ татары черные,
 Хотятъ молодца убить-погубить,
 Тѣло бѣло съ душой разлучить.
 Снималъ онъ съ себя тугой лукъ,
 Накладывалъ тѣ стрѣлы позлоченыя
 На тетивочку на шелковую,
 Побивалъ онъ всѣхъ татаръ черныхъ
 Съ перваго до послѣдняго.
 Поѡхалъ же добрый молодець
 Въ лѣса Брынскіе,
 Въ горы Сіонскія.
 Инъ навстрѣчу добру молодцу камышнички,
 По русскому назвать—воры-разбойнички.
 Хотятъ они молодца убить-погубить,
 Тѣло бѣло съ душой разлучить.

Возговорить добрый молодець, Илья Муромецъ:
 „Охъ вы гой еси, добры молодцы, камышнички,
 Порусски назвать, воры-разбойнички!
 Убить-то меня вамъ не про что,
 А взять нечего;
 Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей;
 Кушачокъ, колпачокъ во тысячу;
 А стрѣль колчанъ во двѣ тысячи;
 А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.
 Охъ вы гой еси, камышнички,
 Порусски—воры-разбойнички!
 Дайте вы мнѣ старому исправиться:
 Будете старому и кланяться“.
 Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,
 Накладывалъ калену стрѣлу
 На тое тетивочку шелковую:
 „Ой вы гой еси, добры молодцы!
 Въ васъ стрѣлять, иль сырый дубъ?“
 Онъ стрѣльнулъ въ сыръ матеръ дубъ,
 Расшибалъ сыръ матерой дубъ
 По мелкимъ ножовымъ череньямъ.
 Всѣ камышнички переиугалися
 И упали на сыру землю ницъ лицомъ.
 Возговорить добрый молодець:
 „Охъ вы гой еси, добры молодцы, камышнички!
 Полноте лежать на сырой землѣ,
 Полноте спать-высыпаться:
 По дорогѣ много прошли конныхъ и пѣшихъ,
 У себя вы много добраго упустили“.
 Встали добрыя молодцы
 На свои рѣзвы ноженьки,
 И пали ему въ рѣзвы ноги:
 „Ты гой еси, добръ удалый молодець!
 Поди ты къ намъ во товарищи
 И будь ты у насъ атаманушкой!“
 Возговорить добрый молодець
 Илья Муромецъ, сынъ Ивайловичъ:

„Не хочу я съ вами стада пасти,
 А ѣду въ Кіевъ-градъ,
 Ко Володимиру князю на вспоможеніе,
 На его сбереженіе“.

Илья Муромецъ и Соловей-разбойникъ.

Старый казакъ Илья Муромецъ
 Поѣзжаетъ изъ города изъ Муромля,
 Поѣзжаетъ въ тую субботу Христосскую,
 А надоть поспѣть къ заутрени Христосскія,
 Во стольный во городъ во Кіевъ-градъ.
 Поѣзжаетъ Илья—самъ выговариваетъ,
 Кладываетъ-то заповѣдъ великую:
 „Ѣхать-то мнѣ добру молодцу,
 Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ,
 Рукъ чтобы мнѣ не кровавити“.
 Только видѣли молодца сядучись,
 А не видѣли удалаго поѣдучись,
 И не знаютъ, въ кою сторону уѣхалъ онъ.
 Какъ приправливалъ Ильюшенька добра коня,
 Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную:
 Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
 „Первая поѣздка Ильи Муромца“.
 Опять приправливалъ добра коня,
 Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
 Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
 „Другая поѣздка Ильи Муромца“.
 Третій разъ приправливалъ добра коня,
 Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
 Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
 „Третія поѣздка Ильи Муромца“.
 Пошелъ, поскакалъ его добрый конь,
 Рѣки, озера перескакивалъ,
 А темные лѣса промежъ ногъ пушалъ.
 Пріѣхалъ онъ во городъ во Бекетовецъ,

И наѣхала проклята погана литва,
 Одолѣли тутъ поганые татарове
 Тыхъ мужиковъ бекетовскихъ.
 Ходятъ они во слезахъ во великихъ,
 Приходить на нихъ кроволитье великое,
 Хотуть ихъ бить поганые татарове.
 Тутъ пріѣхалъ Илья и раздумался:
 „Всякой-то, братцы, заповѣдъ кладываетъ,
 А не всякой заповѣдъ исполняетъ“.
 Какъ разгорѣлось его сердце богатырское,
 Какъ почалъ онъ бить погавныхъ татаровой,
 Конемъ-то топтать и копьемъ колоть;
 Прибилъ-то онъ погавныхъ въ единый часъ,
 Не оставилъ погавныхъ и на сѣмена.
 Тутъ-то мужики бекетовцы
 Молятся къ нему они, клонятся:
 — Ай же ты, удаленькій добрый молодець!
 Не знаемъ тебѣ ни имени ни изотчины,
 Коей ты орды, коей земли,
 Коего ты отца, коей матери,
 Царь ли ты, царевичъ ли,
 Король ли ты, королевичъ ли?—
 Онъ говоритъ-промолвить таково слово:
 „Есть я изъ города Муромля,
 Старый казакъ Илья Муромецъ“.
 — Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
 Пожалуй-ка къ намъ воеводую,
 Будемъ мы тебя поить-кормить,
 Виномъ-то поить будемъ допьяна,
 Хлѣбомъ-солью кормить тебя досыта,
 А денегъ давать тебѣ до любви.—
 „Ахъ вы, братцы, мужики бекетовцы!
 Нельзя мнѣ-ка здѣ жить,
 Есть у меня кладена заповѣдъ великая:
 Надоть поспѣть къ заутрени Христосскія
 Во стольный-то городъ во Кіевъ-градъ,
 Ко стольному ко князю Володимиру“.

Какъ тутъ мужики бекетовны
 Насыпали ему чашу красна золота,
 Другую чашу чиста серебра,
 Третью насыпали скатна жемчуга.
 Подносятъ, подавають ему;
 Принялъ старичекъ, самъ проговорить:
 „Это, братцы,—мое зарбочее“.
 Распростился молодець, самъ поѣхалъ впередъ.
 Ъхалъ удалый по чисту полю,
 Приѣзжаетъ онъ удалый ко разстаночкамъ,
 Ко тымъ ко разстаночкамъ Христосскимъ,
 Ко тому кресту ко Леванидову.
 Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
 На столбѣ есть подпись подписана:
 „Прямо ѣхать, столько пятьсотъ версть,
 А на околь-то ѣхать, семьсотъ версть“.
 Смотритъ Илья на эту подпись-то:
 „Какъ пряму ѣхать, живу не бывать,
 Нѣтъ пути ни проѣзjemu, ни прохожему, ни про-
 летному,
 Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
 Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ“.
 Стоитъ Илья, пораздумался:
 „Прямоѣзжая дорога переломана,
 Калиновы мосточки переверочены.
 Не честь мнѣ хвала молодецкая
 Ъхать той дорожкой окольной:
 А лучше поѣду дорожкой прямоѣзжею“.
 Скоро спущался онъ съ добра коня,
 Рукой онъ коня повельъ,
 А другой началъ мосты мостить,
 Ты мосточки калиновы:
 Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
 Приѣзжаетъ Ильюша къ сырымъ дубамъ:
 Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
 Захватываетъ злодѣй онъ на семи верстахъ.
 Закричалъ какъ Соловей позвѣриному,

Засвисталъ злодѣй посоловьиному,
 Замызгалъ собака пособацѣму:
 Тутъ-то у Ильи у Муромца
 Его добрый конь на колѣнки палъ
 Отъ того отъ крику отъ звѣринаго,
 Отъ того отъ свиста соловьиного,
 Отъ того отъ мызганья собачьяго.
 Бьетъ онъ коня промежу уши,
 По тымъ еще по тугимъ ребрамъ:
 „Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
 Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго,
 Развѣ не слыхалъ ты свиста соловьиного,
 Развѣ не слыхалъ ты мызганья собачьяго?“
 Самому молодцу не дойдетъ сидѣть:
 Скоро натянулъ онъ тугой лукъ,
 Кладывалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
 Стрѣлилъ-то онъ Соловья-разбойника;
 Стрѣлилъ-то онъ его во правый глазъ,
 А вышла стрѣла во лѣво ухо:
 Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
 Взималъ-то онъ Соловья-разбойника,
 Пристегивалъ ко стремени черкасскому,
 Повезъ-то онъ Соловья съ собой его.
 Ъдетъ мимо Соловьиное помѣстье:
 Увидятъ Соловьиныя дѣтушки,
 Смотрять въ окошечко косявчето,
 Сами они вопроговорятъ таково слово:
 — Нашъ-то батюшка чужого мужика везеть.—
 Увидитъ Соловьиная молода жена,
 Во окошечко по поясъ бросалася,
 Смотритъ въ окошечко косявчето,
 Сама она вопроговоритъ таково слово:
 — Чужой-то мужикъ везеть вашего батюшку.—
 Похватали они тутъ шалыги подорожнія.
 Она имъ вопроговоритъ таково слово:
 „Не взимайте шалыгъ подорожнихъ;
 Не васъ-то стбитъ вашъ батюшка,

А попалъ во стремена во черкасскія!
 А лучше насыпте чашу красна золота,
 А другую насыпте чиста серебра,
 А третью чашу скатна жемчуга,
 Приходите съ разговоромъ-прелестью,
 Улещите мужика, уговаривайте".
 Тутъ они бросали шалыги подорожнія,
 Насыпали чашу красна золота,
 Другую чашу чиста серебра,
 Третью чашу скатна жемчуга,
 И приходятъ съ лестью прелестью,
 Улещаютъ Илью, уговариваютъ:
 — Ай же ты, удалый, добрый молодець!
 Отдай-ка намъ батюшку,
 А на-тко тебѣ злата и серебра!—
 Принималъ онъ эти подарочки великіе,
 Принимаетъ, самъ выговариваетъ:
 „Это, братцы, мое заработное.
 А не отдамъ я вашего батюшку:
 Онъ будетъ опять разбой держать".
 Хочетъ Ильюшенька поѣхать;
 У того у Соловья-разбойника
 Была дочка Пелька, поленица удалая;
 Ыдетъ Илья мимо самага Соловьинаго помѣстьяца,
 Какъ хватила она подворотнею въ сорокъ пудъ,
 Бросила она ея въ буйную голову
 Со тыхъ со выходовъ высокіхъ:
 Чуть Илья на конѣ усидѣлъ,
 Чуть Ильюша на конѣ не палъ.
 Тутъ-то Илья пріотшатался,
 Пріотшатался, пріомотшался,
 Скоро выскакалъ съ добра коня
 Хватилъ онъ эту дѣвку Пельку, поленицу удалую...
 Какъ выскочила, вылетѣла она выше церкви со-
 борніхъ,
 Выше тыхъ крестовъ животворящихъ,

Пала она на сыру землю;
 Тутъ у ней и кожа треснула,
 Поѣхаль Илья ко городу ко Киеву,
 Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христосскія,
 А не могъ поспѣть къ обѣденкѣ Христосскія.
 Заѣзжалъ онъ на широкій дворъ,
 На широкій дворъ княженецкій,
 Ко тому ко столбу ко точеному,
 Привязывалъ къ кольцу ко золоченому,
 Не разсѣдывалъ коня и не разнуздывалъ,
 Скоро онъ шель по новымъ сѣнямъ,
 Заходилъ онъ во гридню во столовую,
 Онъ крестъ кладеть пописаному,
 Поклонъ ведеть поученому,
 Здравствуетъ хлѣбницу князя Владимира:
 „Гдѣ есть князь Владимиръ стольно-Кіевскій?“
 — Князь Владимиръ къ обѣднѣ шель.—
 Садился онъ на лавочку брусую,
 Ажно приходитъ князь Владимиръ стольно-Кіевскій
 Отъ тья обѣденки Христосскія.
 Тутъ они здоревье сдѣяли,
 Другъ друга здравствуютъ:
 — Здравствуешь, удалый, добрый молодець!
 Не знаю тебѣ ни имени, ни отчины:
 Царь ли ты, царевичъ ли,
 Король ли ты, королевичъ ли? —
 „Есть я изъ города изъ Муромля,
 Старый казакъ Илья Муромецъ“.
 Сѣли они за столъ хлѣба кушати,
 Бѣлы лебеди рушати.
 Поразговорился Ильюша, порасхвастался:
 „Поѣзжалъ я, добрый молодець,
 Во тую субботу во Христосскую,
 Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христосскія,
 А не могъ поспѣть къ обѣднѣ Христосскія:
 Обѣдня была на отходъ здѣ.
 А было путемъ-дорогою,

Было три помѣшки великія.
 Первая помѣшка: пріѣхалъ въ городъ во Бекетовець,
 И наѣхала проклята погана литва,
 Одолѣли тутъ поганые татарове
 Тѣхъ мужиковъ бекетовскихъ.
 Ходятъ они во слезахъ во великихъ,
 Приходитъ на нихъ кроволитье великое,
 Хотуть ихъ бить поганые татарове.
 Какъ разгорѣлось мое сердце богатырское,
 Какъ началъ я бить поганныхъ татаровей,
 Конемъ-то топтать и копьемъ колоть,
 Прибилъ-то поганныхъ въ единый часъ,
 Не оставилъ поганныхъ и на сѣмена.
 Вторая помѣшка: пріѣхалъ къ разстаночкамъ
 Ко тымъ ко разстаночкамъ Христосскимъ,
 Ко тому кресту ко Леванидову,—
 Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
 На столбѣ есть подпись подписана:
 Прямо какъ ѣхать, столько пятьсотъ верстъ,
 А на околь-то ѣхать, семьсотъ верстъ.
 Поѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею.
 Пріѣзжалъ я ко сырѣмъ дубамъ:
 Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
 Захватываетъ злодѣй онъ на семи верстахъ.
 Закричалъ какъ Соловей позвѣрцному,
 Засвисталъ злодѣй посоловьиному,
 Замызгалъ собака пособачьему:
 Тутъ мой добрый конь на колѣнки палъ.
 Скоро я натянулъ тугій лукъ,
 Кладывалъ-то стрѣлочку каленую,
 Стрѣлилъ-то Соловья-разбойника;
 Стрѣлилъ-то злодѣя во правый глазъ,
 А вышла стрѣла во дѣво ухо:
 Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
 Взималъ-то я Соловья-разбойника,
 Пристегивалъ ко стремяни черкасскому,
 Повезъ-то злодѣя съ собой его.

Третья помѣшка: у того у Соловья-разбойника
 Была дочка Пелька, поленица удалая;
 Какъ ѣхалъ мимо Соловьево помѣстье,
 Хватила она подворотнею въ сорокъ пудъ
 Со тихихъ со выходовъ высокихъ:
 Чуть я на конѣ усидѣлъ,
 Чуть я на конѣ не палъ,
 Скоро выскакалъ съ добра коня,
 Хватилъ эту дѣвку Пельку, поленицу удалую.
 Какъ выскочила, вылетѣла она выше церквей со-
 борныхъ,

Выше тыхъ крестовъ животворящихъ,

Пала она на сыру землю;

Туть у ней кожа треснула“.

— А видно, ты, удамый, добрый молодець,

А былъ на царевомъ большомъ кабакъ?

Не напился ли зелена вина,

Не пустымъ ли, добрый молодець, хвастаешь?—

„Ахъ же князь стольно-Кіевскій!

У меня Соловей-разбойникъ у стремени у чер-
 касскія“.

Какъ туть они всѣ пометались,

Пометались они, покидалися,

Бѣжать да трутъ промежу собой;

Прибѣжали какъ ко Соловью-разбойнику,

Сами говорятъ, кричатъ ему:

— Ахъ ты, Соловей-разбойникъ сынъ Рахматовичъ!

Кричи-тко, Соловей, позвѣриному,

Засвищи, злодѣй, посоловьиному,

Замызгай, собака, пособачьему! —

Говорить Соловей—разбойникъ сынъ Рахматовичъ!

„Не ваше я пью-ѣмъ-кушаю,

И не васъ хочу и слушати“.

Скоро они поворотъ держать,

Приходятъ къ Ильѣ Муромцу,

Клонятся всѣ они, молятся:

— Ай же ты, Илья Муромецъ!

Позволь ты Соловью-то разбойнику,
Закричать Соловью позвѣриному,
Засвистать злодѣю посоловьиному,
Замызгать собакѣ пособачьему? —
Онъ говорить-промолвить таково слово:

„Ай же ты, князь стольно-Кіевскій!
Теперь у него уста запечатаны,
Запеклись уста кровью горючею:
Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
Вышла стрѣла во лѣво ухо.

Налейте ему чашу зелена вина,

Вѣсомъ чашу полтора пуда,

Мѣрой чашу полтора ведра“.

Налили ему чашу зелена вина,

Вѣсомъ чашу полтора пуда,

Мѣрой чашу полтора ведра,

Принесли къ Соловью-разбойнику.

Принималъ онъ чашу единой рукой,

Выпивалъ чашу за единый вздохъ,

Самъ говорилъ таково слово:

„Другу чашу налейте пива пьянаго,

Чтобы вѣсомъ чаша полтора пуда,

Мѣрой чаша полтора ведра.

Третью чашу налейте меду сладкаго,

Чтобы вѣсомъ чаша полтора пуда,

Мѣрой чаша полтора ведра“.

Наливали ему чашу пива пьянаго

И наливали ему чашу меду сладкаго.

Принималъ онъ чашу единой рукой,

Выпивалъ чашу за единый вздохъ,

Туть Соловей пьянъ сталъ.

Проговорить Илья Муромецъ:

„Ай же ты, Соловей сынъ Рахматовичъ!

Кричи, разбойникъ, позвѣриному,

Свищи, злодѣй, посоловьиному,

Замызгай, собака, пособачьему!“

Закричалъ Соловей позвѣриному,

Засвисталъ злодѣй посоловьиному,
 Замыгалъ собака пособачьему:
 Князи-боаре всѣ мертвы лежать;
 А Владимиръ князь стольно-Кіевскій
 Заходилъ раскорякою,
 Ходитъ князь, ему молится:
 — Уйми Соловья-разбойника,
 Чтобы не свисталъ посоловьиному!
 Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена! —

Илья Муромецъ и Идолище поганое.

Пріѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
 Со грозою со страхомъ со великимъ,
 Ко тому ко князю ко Владимиру,
 И становился онъ на княженецкій дворъ,
 Посылалъ посла ко князю ко Владимиру,
 Чтобы князь Владимиръ стольно-Кіевскій
 Ладилъ бы онъ ему поединщика,
 Супротивъ его силушки супротивника.
 Приходилъ посланникъ ко Владимиру
 И говорилъ посланникъ таковы слова:
 „Ты, Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
 Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
 Поединщика и супротивничка съ силушкой великою,
 Чтобы могъ онъ съ Идолищемъ поправиться“.
 Тутъ Владимиръ князь ужаснулся,
 Приужаснулся да и закручинился.
 Говоритъ Илья таковы слова:
 „Не кручинься, Владимиръ, не печалуйся
 На бою мнѣ-ка смерть не написана,
 Поѣду я въ раздольище чисто поле
 И убью-то я Идолища поганого“.
 Обуль Илья лапотики шелковые,
 Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
 На головушку надѣлъ шляпу земли Греческой
 И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.

И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
 Не взялъ съ собою палицы булатнїя
 И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
 Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
 „Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,
 Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времечко,
 И съ чѣмъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться?“
 На тую пору, на то времечко
 Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,
 Несетъ въ рукахъ клюку девяноста пудъ.
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 „Ай же ты, каличище Иванище!
 Уступи-тко мнѣ клюки на времечко,—
 Сходитъ мнѣ къ Идолищу къ поганому?“
 Не даетъ ему каличище Иванище,
 Не даетъ ему клюки своей богатырской.
 Говорилъ ему Илья таковы слова:
 „Ай же ты, каличище Иванище!
 Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
 Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана, —
 Я тебя убью, мнѣ клюка и достанется“.
 Разсердился каличище Иванище,
 Здынулъ эту клюку выше головы,
 Спустилъ онъ клюку во сыру землю,
 Пошелъ каличище,—завбрыдалъ.
 Илья Муромецъ едва досталъ клюку изъ сырой
 земли.

И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
 Къ этому Идолищу поганому,
 Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.
 Говорилъ ему Идолище поганое:
 — Ай же ты, калика перехожа!
 Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?—
 Говоритъ ему Илья таковы слова:
 „Толь великъ Илья, какъ и я“.
 Говоритъ ему Идолище поганое:
 — По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,

По многу ли Илья вашъ пива пьеть? —

Говорить Илья таковы слова:

„По стольку ѣсть Илья, какъ и я,
По стольку пьеть Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

— Экой вашъ богатырь Илья:

Я вотъ по семи ведръ пива пью,

По семи пудъ хлѣба кушаю. —

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестья-
нинъ,
У него была корова ѣдучая:

Она много пила-ѣла и лопнула“.

Это Идолищу не слюбилося:

Схватилъ свое кинжалище булатное

И махнулъ онъ въ калику переходную

Со всея со силушки великия.

И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку
малешенько,

Пролетѣлъ его мимо-то булатнй ножъ,

Пролетѣлъ онъ на вонную сторону съ простѣвочкомъ.

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,

Схватилъ съ головушки шляпу земли Греческой,

И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,

И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

Гутъ ему Идолищу славу поють.

Илья Муромецъ и Жидовинъ.

Подъ славнымъ городомъ подъ Киевомъ,

На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ

Стояла застава богатырская.

На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ,

Податаманъ былъ Добрыня Никитичъ младъ,

Есаулъ Алеша, поповскій сынъ;

Еще былъ у нихъ Гришка, боярскій сынъ;

Былъ у нихъ Васька Долгополой.

Всѣ были братцы въ развѣздыцѣ;

Гриша Боярскій въ тѣ поры кравчимъ жилъ,
 Алеша Поповичъ ѣздилъ за охотою,
 Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
 Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
 Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
 Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
 За той ли охотой за молодецкою:
 На охотѣ стрѣлялъ гусей, лебедей.
 Ёдетъ Добрыня изъ чиста поля,
 Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископотъ великую,
 Ископотъ велика—полпечи.

Учалъ онъ ископотъ досматривать:

„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?

Изъ этой изъ земли изъ Жидовскія

Проѣхалъ Жидовинъ, могучъ богатырь,

На эти степи Цыцарскія“.

Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Киевъ-градъ,

Прибиралъ свою братію приборную:

„Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!

Мы что на заставушкѣ устояли?

Что на заставушкѣ углядѣли?

Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!“

Собирались они на заставу богатырскую,

Стали думу крѣпкую думати:

Кому ѣхать за нахвальщикомъ?

Положили на Ваську Долгополага.

Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, положили;

По землѣ ходитъ Васька, заплетается;

Погинетъ Васька понапрасному“.

Положились на Гришку на Боярскаго:

Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,

Настигать нахвальщика во чистомъ полѣ.

Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,

Свѣтъ атаманъ, сынъ Ивановичъ:

„Не ладно, ребятушки, удумали;

Гришка рода боярскаго:
 Боярскіе роды хвастливые;
 На бою-дракѣ призахвастается,
 Погинетъ Гришка понапрасному“.
 Положились на Алешу на Поповича:
 Алешѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
 Настичь нахвальщика въ чистомъ полѣ,
 Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
 Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
 Свѣтъ атаманъ, сынъ Ивановичъ:
 „Не ладно, ребяташки, положили;
 Алешенька рода поповскаго:
 Поповскіе глаза завидушіе
 Поповскія руки загребушія;
 Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
 Много злата, серебра, —
 Злату Алеша позавидуетъ,
 Погинетъ Алеша понапрасному“.
 Положились на Добрыню Никитича:
 Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
 Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
 Побить нахвальщика въ чистомъ полѣ,
 По плечь отсѣчь буйну голову,
 Привести на заставу богатырскую.
 Добрыня того не отпирается,
 Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
 Имеетъ Добрыня добра коня,
 Уздаетъ въ уздечку тесмяную,
 Съдалъ въ сѣделышко черкасское,
 Въ торока вяжетъ палицу боевую, —
 Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,
 На бедра беретъ саблю вострую,
 Въ руки беретъ плеть шелковую,
 Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
 Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
 Увидѣлъ на полѣ чернизину,
 Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:

„Воръ, собака, нахвальщина!
 Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
 Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
 Податаману Добрынь Никитичу?
 Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
 На всю нашу братію наборную?“
 Учуть нахвальщина зыченъ голосъ,
 Поворачиваль нахвальщина добра коня,
 Попущаль на Добрыню Никитича.
 Сыра мать-земля всколебалася,
 Изъ озеръ вода выливалася,
 Подъ Добрыней конь на колѣна палъ.
 Добрыня Никитичъ младъ
 Господу Богу взмолился
 И Мати Пресвятой Богородицѣ:
 „Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“
 Подъ Добрыней конь посправился—
 Уѣхаль на заставу богатырскую.
 Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
 Со братією со приборною.
 Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
 „Какъ выѣхаль на гору Сорочинскую,
 Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
 Увидѣлъ на полѣ чернизину,
 Поѣхаль прямо на чернизину,
 Кричаль громкимъ, зычнымъ голосомъ:
 —Воръ, собака, нахвальщина!
 Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь?
 Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
 Податаманю Добрынь Никитичу?
 Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
 На всю нашу братію на приборную?—
 Услышаль воръ-нахвальщина зыченъ голосъ,
 Поворачиваль нахвальщина добра коня,
 Попущаль на меня, добра молодца:
 Сыра мать-земля всколебалася,
 Изъ озеръ вода выливалася,

Подо мною конь на колѣнца палъ,
 Тутъ я Господу Богу взмолился:
 Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!
 Подо мною тутъ конь посправился,
 Уѣхалъ я отъ нахвальщика
 И пріѣхалъ сюда, на заставу богатырскую“.

Говорить Илья Муромецъ:

„Больше не кѣмъ замѣнитися,
 Видно ѣхать атаману самому!“
 Походитъ Илья на конюшій дворъ,
 Имаеть Илья добра коня,
 Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
 Сѣдлаеть въ сѣделышко черкасское,
 Въ торока вяжетъ палицу боевую, —
 Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,
 На бедра беретъ саблю вострую,
 На руки беретъ плеть шелковую,
 Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
 Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
 Увидѣлъ на полѣ чернизину;
 Поѣхалъ прямо на чернизину,
 Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:

„Воръ, собака, нахвальщина!

Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
 Миѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?

Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?

Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь,

На всю нашу братью наборную?“

Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ,

Поворачивалъ нахвальщина добра коня,

Попуцалъ на Илью Муромца.

Илья Муромецъ не удробился,

Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:

Впервые палками ударились—

У палокъ цѣвья отломались,

Другъ дружку не ранили;

Саблями острыми ударились—

Востры сабли приломилися,
 Другъ дружку не ранили;
 Вострыми копьями кололися —
 Другъ дружку не ранили;
 Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
 Бились, дрались день до вечера,
 Съ вечера бьются до полуночи,
 Со полуночи бьются до бѣла свѣта:
 Махнетъ Илейко ручкой правою,
 Поскользится у Илейка ножка лѣвая,
 Паль Илья на сыру землю;
 Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
 Вынимаетъ кинжалище булатное,
 Хочетъ вспоротъ груди бѣлыя,
 Хочетъ закрыть очи ясныя,
 По плечъ отсѣчь буйну голову.
 Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
 — Старый ты старикъ, старый, матерый!
 Зачѣмъ ты ѣдишь на чисто поле?
 Будто негѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
 Ты поставилъ бы себѣ келейку
 При той путѣ, при дороженькѣ;
 Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
 Тутъ бы старикъ сытъ-питанень былъ.—
 Лежить Илья подъ богатыремъ,
 Говорить Илья таково слово:
 „Да не ладно у святыхъ отцевъ написано,
 Не ладно у апостоловъ удумано;
 Написано было у святыхъ отцевъ,
 Удумано было у апостоловъ:
 Не бывать Ильѣ во чистомъ полѣ убитому,
 А теперъ Илья подъ богатыремъ!“
 Лежучи, у Ильи втрое силы прибыло:
 Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
 Вышибалъ выше дерева жароваго;
 Паль нахвальщина на сыру землю,
 Въ сыру землю ушелъ до-поясъ.

Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
 Сълъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
 Недосугъ Илюхѣ много спрашивать —
 Скоро споролъ груди бѣлыя,
 Скоро затмилъ очи ясныя,
 По плечъ отсѣкъ буйну голову,
 Воткнулъ на коше булатное,
 Повезъ на заставу богатырскую.
 Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
 Со своею братьей приборною.
 Илья бросилъ голову о сыру землю;
 При своей братьѣ похвалится:
 „Взидилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
 Экаго чуда не наѣзживаль!“

Ссора Ильи Муромца съ княземъ Влади- миромъ.

I.

Взидитъ Илья во чистомъ полѣ,
 Говоритъ себѣ таково слово:
 „Побывалъ я, Илья, во всѣхъ городахъ,
 Не бывалъ я давно во Кіевѣ;
 Я пойду въ Кіевъ, попровѣдаю,
 Что такое дѣется во Кіевѣ?“
 Приходилъ Илья въ стольный Кіевъ-градъ.
 У князя Владимира пиръ на-веселѣ.
 Походить Илейко во княжой теремъ,
 Остоялся Илейко у ободверины.
 Не опозналъ его Владимиръ князь,
 Князь Владимиръ стольный Кіевскій:
 —Ты откуль родомъ, откуль племенемъ,
 Какъ тебя именовъ величать,
 Именовъ величать, отцемъ чѣвствовать?—
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

„Свѣтъ Владимиръ, красное солнышко!
Я Никита Заолѣшанинъ“.

Не садилъ его Владимиръ со боярами,
Садилъ его Владимиръ съ дѣтьми боярскими.
Говоритъ Илья таково слово:

„Ужъ ты, батюшко, Владимиръ князь,
Князь Владимиръ стольный Киевскій!
Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
Самъ ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь съ воронятами!“

Князю Владимиру за бѣду пало:
—Есть у меня, Никита, три богатыря;

Выходите-ко вы, самолучше,
Возьмите Никиту Заолѣшанина,
Выкиньте вонъ изъ гридницы!—

Выходили три богатыря,
Стали Никитушку попѣхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита стоитъ—не шатнется,
На буйной главѣ колпакъ не тряхнется.

„Ежели хошь, князь Владимиръ, позабавиться,
Подавай еще трехъ богатырей!“

Выходили еще три богатыря,
Стали они Никитушку попѣхивать,
Стали они Никитушку поталкивать:

Никита стоитъ—не шатнется,
На буйной головѣ колпакъ не тряхнется.

„Ежели хошь, князь Владимиръ, потѣшиться,
Посылай еще трехъ богатырей!“

Выходили третьи три богатыря:
Ничего не могли упахать съ Никитушкой.

При томъ пиру при бесѣдушкѣ,
Тутъ сидѣлъ да посидѣлъ Добрынюшка,
Добрынюшка Никитичъ младъ;

Говорилъ онъ князю Владимиру:

„Князь Владимиръ, красное солнышко!
Не умѣлъ ты гостя на прѣздѣ учѣствовать

На отъздѣ гостя не учѣствуешь;
 Не Никитушка пришелъ Заолѣшанинъ,
 Пришелъ старъ казакъ Илья Муромецъ!“
 Говоритъ Илья таково слово:
 „Князь Владимиръ, стольный Кіевскій!
 Тебѣ охота попотѣшиться?
 Ты теперь на меня гляди:
 Гляючи, снимешь охоту тѣшиться!“
 Сталъ онъ, Илейко, потѣшится,—
 Сталъ онъ богатырей попихивать,
 Сильныхъ—могучихъ учаль попинывать:
 Богатыри по гридницѣ ползають,
 Ни одинъ на ноги не можетъ встать.
 Говоритъ Владимиръ стольный Кіевскій:
 — Ой ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
 Вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня,
 Хоть по правую руку, аль по лѣвую,
 А третье тебѣ мѣсто,—куда хошь садись!—
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
 „Володимиръ, князь земли свято-русскія!
 Правду сказывалъ Добрынюшка,
 Добрынюшка Никитичъ младъ:
 Не умѣлъ ты гостя на пріездѣ учѣствовать,
 На отъздѣ гостя не учѣствуешь!
 Самъ ты сидѣлъ со воронами,
 А меня садилъ съ воронятами!“

II.

Видитъ князь Владимиръ стольно-кіевскій,
 Что пришла бѣда неминучая,
 Сдѣлалъ другожды почестень пирь
 Для того для стараго казака Ильи Муромца,
 Тутъ они думу думаютъ,
 Кого послать Илью позвать,
 Стараго казака Илью Муромца.
 Тутъ-то они думу думали,

Послали-то Добрыню Никитича:
 Они были братья крестовые,
 У нихъ крестами побраталось,
 Кладена была заповѣдь великая,
 Подписи были подписаны,—
 Слухать большему брату меньшаго
 А меньшему брату большаго.
 Приходить Добрыня Никитичъ:
 —Ай же, братецъ крестовый названный,
 Старый казакъ Илья Муромецъ!
 У насъ кладена заповѣдь великая,
 У насъ подписи были подписаны,—
 Слухать большему брату меньшаго,
 А меньшему брату большаго,
 А дружка-за-дружку обѣмъ стоять.—
 Тутъ Ильюша воспроговорить:
 „Ай же, братецъ крестовый названный,
 Молодой Добрынюшка Никитичъ!
 Кабы не ты, никого бы не послухалъ,
 Не пошелъ бы на почестень пирь,
 А нельзя законъ переступить.“
 Тутъ они снаряжались,
 Пришли тутъ ко князю ко Владимиру
 Во тую во гридню во столовую.
 Тутъ даютъ Ильѣ мѣсто не меньшее,
 Даютъ Ильѣ мѣсто большее,
 Сажаютъ молодца въ большо-уголь,
 Да несли они чару зелена вина,
 Другую радили къ ему меду пьянаго.
 Говорить Илья таково слово:
 „Ай же ты, Владимиръ стольно-кѣвскій!
 Зналъ, кого послать меня позвать!
 Кабы не братецъ крестовый названный,
 Никого я не послухалъ бы.
 А было намѣреніе наряжено:
 Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
 А власть стрѣлочку каленую,

Стрѣлить во гридню во столовую,
 Убить тебя князя Владимира
 Со стольною княгиной съ Опраксіей,
 А нонѣ тебя Богъ проститъ
 За эту ю за вину за великую!“

Илья Муромецъ и Сокольникъ.

Походилъ Илья на конюшій дворъ,
 Сѣдлалъ своего коня добраго,
 Тянулъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
 Бѣлаго шелка шемаханскаго,
 Тринадцатую тянулъ черезъ хребетную кость,
 Не ради красы,—ради крѣпости,
 Чтобъ не оставилъ добрый конь во чистомъ полѣ.
 Видѣли старика, какъ коня сѣдлалъ,
 А не видѣли повѣздки богатырскія:
 Только въ чистомъ полѣ куревѣ стоитъ.
 Заѣхалъ онъ на шолома высокое,
 Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу чисту полю,
 Увидѣлъ поленицу преудалую:
 Ѣздитъ поленица на добромъ конѣ,
 Потѣшается утѣхою дворянскою,
 Мечетъ копые въ вышину небесную,
 Подъѣзжаетъ на конѣ и подхватываетъ,
 Самъ копыю наговариваетъ:
 — Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
 Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!—
 Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
 Свѣтъ-атаманъ сынъ Ивановичъ:
 „Ой ты гой еси, поленица преудалая!
 Ты зачѣмъ рано похваляешься?
 Не уловя ты птицы, теребишь ее,
 Не сваривши птицы, Богу молишься?“
 Не двѣ грозны тучушки затучились,
 Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались:

Два богатыря съѣзжались во чистомъ полѣ.
 Ударились первымъ боемъ—палицами желѣзными,—
 Тѣмъ боемъ другъ друга не ранили,
 Въ кольцахъ палицы поломалися.
 Кололись они копьями мурзавецкими,—
 Въ чивьяхъ копья поломалися,
 Они тымъ боемъ другъ друга не ранили.
 Хватались они тягами желѣзными,
 Тянулись черезъ гривы лошадиныя,—
 Одинъ одного не перетягиваетъ,
 Добры кони пали на-корачь,
 Тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
 Соходили они со добрыхъ коней,
 Хватались плотнымъ боемъ, рукопашкою,—
 Водились они не мало времени,
 Водились добры молодцы полтора года,
 По колѣнямъ въ землю приобмялися.
 У Илья права нога окатилаь,
 А лѣвая нога подломилася;
 Падаль Илья на сыру землю,
 Поленица садилася на бѣлы груди.
 Тутъ Илейко возмолитсѣ:
 „Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
 Еще болѣ я стоялъ за церковь Божию;
 Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
 За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ
 женъ,—

Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
 Онѣ были богомольныя,
 День и ночь онѣ Богу молятся“.
 Не сѣрая утица востопорщитсѣ:
 Илья на землѣ поворотитсѣ;
 Металъ сокольника подъ вышину небесную,
 Выше всякаго жароваго дерева,
 Самъ вставалъ, да и подхватывалъ,
 Кладъ поленицу на сыру землю,
 Садился къ поленицѣ на бѣлы груди,

Учалъ онъ поленицу доспрашивать:

„Коего, молодець, города, которой земли,
Которой Сибирской украины?

Какъ молодець именёмъ зовутъ,
Какъ молодца по отцѣ чѣствуютъ?“

Отвѣчаетъ поленица удалая:

— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
Не спрашивалъ бы ни имени, ни отчины,
Ни роду бы не спрашивалъ, ни племени,
Скоро бы споролъ груди бѣлыя!—

Вопросилъ его Илья второй наконь:

„Коего, молодець, города, которой земли,
Которой Сибирской украины?

Какъ молодца именёмъ зовутъ,
Какъ молодца по отцѣ чѣствуютъ?“

— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
Много бы я съ тобой не разговаривалъ,
Скоро бы споролъ груди бѣлыя!—

Вопросилъ его Илья третей наконь:

„Коего, молодець, города, которой земли,
Которой Сибирской украины?

Какъ молодца именёмъ зовутъ,
Какъ молодца по отцѣ чѣствуютъ?“

Отвѣчаетъ поленица преудалая:

— Отъ моря я отъ Студенаго,
Отъ камени я отъ Латыря,
Отъ той отъ бабы отъ Латыгорки,
Именемъ меня зовутъ Сокольниковъ.—

Соходилъ Илья со бѣлыхъ грудей,
Бралъ его за руку за правую,
Цаловалъ во уста во сахарныя;
„Здрастуй, мое чадо милое!“

Три поѣздки Ильи Муромца.

Старой казакъ ѣзживалъ
 Отъ младости и до старости,
 Но такова дива не видывалъ
 И на такова чуда не наѣзживалъ,—
 Приѣхалъ онъ ко камешку ко горячему,
 Отъ камешка три розстани,
 Три розстани, три дороженьки,
 Три дороженьки путистыя,
 А на камешкѣ какъ было написано:
 „Что въ одну дорожку ѣхать—убиту быть,
 Въ другую ѣхать—женату быть,
 А въ третью ѣхать—богату быть“.
 Сталъ да пораздумался:
 „Въ которую ѣхать мнѣ дороженьку?
 Что мнѣ на старость богату быть.
 И что мнѣ на старость женату быть?
 А поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть!“
 Ёхалъ онъ три часа,
 Проѣхалъ ровно триста версть.
 Приѣзжалъ какъ онъ къ тѣмъ горамъ,
 Къ тѣмъ горамъ да къ высокімъ,
 Начали разбойнички съ горъ выскакивати,
 Наскакало разбойничковъ сорокъ тысячей,
 Начали стараго пощаживать,
 Началъ старой казакъ выговаривать:
 „Ай же, сорокъ тысячъ разбойниковъ!
 Что вамъ взять у меня, у стараго?
 Нѣтъ у меня многой несчетной золотой казны,
 Нѣтъ у меня прекрасной молодой жены,
 Нѣтъ у меня платья цвѣтнаго;
 Только у меня добрый конь,
 Добрый конь въ триста рублей,
 На конѣ приправа во пятьсотъ рублей,

У себя приправа богатырская въ цѣлу тысячу“.
 Какъ выдергиваль онъ палицу желѣзную,
 Во сто девяносто пудъ,
 Какъ началъ разбойничковъ пощалкивать,—
 Прибилъ онъ разбойничковъ сорокъ тысячей.
 Тутъ удамый поворотъ держаль,
 Приѣзжалъ какъ онъ ко камешку ко горячему,
 Тую запись поднавливалъ,
 Что „въ ту дорожку ѣздиль—убить не былъ;
 Поѣду въ тую, гдѣ женату быть!“
 Ёхаль онъ ровно три часа,
 Проѣхаль ровно триста версть.
 Выѣзжалъ какъ онъ на ты на поля на чистыя,
 На чистыя поля, на луга на зеленые,
 На тѣхъ-то поляхъ чистыхъ,
 На лугахъ на зеленыхъ
 Стоитъ какъ чудо чудное, диво дивное:
 Городомъ назвать, такъ онъ малъ стоитъ;
 А селомъ назвать, такъ онъ великъ стоитъ;
 Стоять тутъ палаты бѣлокаменны.
 Приѣзжалъ какъ онъ ко палатамъ на широкъ дворъ,
 Какъ съ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ
 Выходила премлада Прекрасна Королевична,
 Брала стараго за бѣлы руки,
 Цѣловала во уста во сахарныя,
 Проводила въ палаты бѣлокаменны,
 Садила за тѣ столы дубовые,
 Наносила ему ѣствъ сахарныхъ,
 Сама говоритъ да таковы слова:
 —Ай же, удамый добрый молодець!
 Не наѣдайся ты досыта,
 Не напивайся-ка ты допьяна,
 Чтобы тебѣ съ премладой Королевичной позаба-
 виться.—

Онъ какъ говорилъ таковы слова:
 „Я проѣхаль какъ ровно триста версть,
 Миѣ ѣсть-то захотѣлося“.

Онъ наѣлся какъ досыта,
 Напился онъ тутъ допьяна,
 Какъ выходилъ за столовъ за дубовыхъ,
 Молился Господу Богу тутъ.
 Провалилася она въ тѣ погреба глубокіе.
 Онъ тутъ бралъ золоты ключи,
 Шель—отмыкалъ погреба онъ глубокіе,
 Какъ выпускалъ много удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
 Много сильныхъ-могучихъ богатырей.
 Какъ оттоль выходила сзади премлада королевична,
 Онъ бралъ какъ Королевичну за бѣлы руки,
 Привязывалъ къ тремъ жеребцамъ онъ неѣзженнымъ,
 Раздернулъ ее по чисту полю.
 Какъ тутъ все имѣнье-богачество
 Роздалъ удалымъ-добрымъ молодцамъ,
 Сильнымъ-могучимъ богатырямъ,
 А тѣ палаты бѣлокаменны огню предалъ.
 Тутъ-то удалый поворотъ держалъ,
 Пріѣзжалъ какъ удалый къ тому же ко камешку,
 Тую опять записъ поднавливалъ:
 „Въ ту дорожку ѣздилъ—женатъ не былъ“.
 „Поѣду въ третью дорожку, гдѣ богату быть!“
 Ѣхалъ онъ три часа,
 Проѣхалъ триста верстъ.
 Опять какъ выѣзжалъ на поля на чистыя,
 На поля на чистыя, на луга на зеленые,
 Какъ тутъ копаны погреба все глубокіе,
 Насыпаны всѣ краснаго золота,
 Краснаго золота, чистаго серебра,
 И мелкаго-скатнаго жемчуга.
 Онъ говоритъ: „Куда мнѣ на старости съ имѣнни-
 цемъ,
 Со многой несчетной золотой казной?“
 Сталъ да пораздумался:
 Взялъ какъ—на это на имѣнницо,
 На тѣхъ на поляхъ на чистыхъ
 Построилъ монастыри богомольные,

Построилъ церкви соборныя,
 Повелъ тутъ пѣніе церковное,
 Пѣніе церковное, звоны колокольные.
 Чье было имѣнье, за того пускай идетъ!“
 Тутъ-то удалый поворотъ держалъ
 Опять пріѣзжалъ къ тому же камешку ко горячему,
 Опять ту запись поднавливалъ:
 „Какъ въ тую дорожку ѣздилъ—богатъ не былъ“
 Вхалъ онъ ко славному городу ко Киеву,
 Ко Солнышку князю Владимиру.
 Спросилъ у него Солнышко князь стольно-киевскій:
 —А гдѣ же ты долго ѣздилъ, удалый добрый-моло-
 децъ,
 Старой казакъ Илья Муромецъ?—
 Онъ рассказалъ, какъ былъ въ трехъ дороженькахъ,
 Что дѣлалъ онъ въ тѣхъ дороженькахъ,
 Все рассказалъ Солнышку князю Владимиру.

Добрыня Никитичъ (Бой со змѣемъ. Женитьба).

Добрынюшка матушка говорила:
 „Что молодежь началъ ѣздить во чисто поле,
 На тую гору Сорочинскую
 Тотптать-то молодыхъ змѣенышей,
 Выручать-то полоновъ русскіихъ.
 Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣвки,
 Пучай-рѣка есть свирѣпая:
 Середня струйка, какъ огонь, сѣчетъ“.
 Добрынюшка матушки не слушался,
 Идетъ на конюшенку стоялую,
 Беретъ онъ своего добра коня;
 Сѣдлалъ бурка во сѣдельшко черкасское,
 Потнички влалъ на потнички,
 А на потнички кладетъ войлочки,

А на войлочки кладеть черкасское сѣдельшко.
 Всѣхъ подтягиваль двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 А тринадцатую клаль ради крѣпости,
 Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
 Добра молодца съ добра коня не вырутилъ.
 Подпруги были шелковыя,
 Пряжки у сѣдла красна золота,
 Шпенки у подпруговъ все булатныя:
 Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
 Красно золото не ржавѣеть,
 Молодецъ на конѣ сидить—не старѣеть.
 Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
 На тихихъ горахъ на высокиихъ,
 Потопталъ младыхъ змѣенышей,
 Пovyручилъ полоновъ русскіихъ,
 Богатырско его сердце пожадѣлося,
 Пожадѣлося и раснотѣлося.
 Онъ приправилъ своего добра коня,
 Добра коня ко Пучай-рѣкѣ,
 Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
 Снималъ съ себя платье цвѣтное,
 Забрелъ за струечку за первую,
 И забрелъ за струечку за среднюю,
 И самъ говорилъ таково слово:
 Мнѣ, Добрынюшкѣ, матушка говаривала,
 Мнѣ, Никитичу, матушка наказывала,
 Что не ѣзди далече во чисто поле,
 На тую гору Сорочинскую,
 Не топчи-ко младыхъ змѣенышей,
 Не выручай полоновъ русскіихъ,
 Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,
 Что Пучай-рѣка есть свирѣпая:
 Середня струйка какъ огонь сѣчетъ“.
 А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
 Она будто лужа дождевая“.
 Какъ въ тую пору, въ то время
 Вѣтра нѣтъ, тучу нанесло,

Тучи нѣтъ, а только дождь дождить,
 Дождя-то нѣтъ, искры сыпятся,—
 Летитъ Змѣище Горынчище,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
 Хочетъ змѣя его съ конемъ сожечь,
 Сама говоритъ таково слово:
 —Теперича Добрыня въ моихъ рукахъ,
 Захочу—Добрыню теперь потоплю,
 Захочу—Добрыню въ хобота возьму,
 Въ хобота возьму и на Русь снесу,
 Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру.—
 Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ;
 Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
 Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
 Нѣту у Добрынюшки добра коня
 И нѣтъ его платьевъ цвѣтныхъ
 И нѣтъ меча мурзамецкаго,
 Только-что лежитъ на землѣ пуховъ колпакъ,
 Насыпанъ колпакъ земли греческой,
 По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
 Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
 Махнулъ во змѣю во проклятую,
 Ошибъ змѣѣ двѣнадцать всѣхъ хоботовъ,
 Упала змѣя во ковыль траву.
 Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
 Скочилъ на змѣинины груди бѣлыя,
 А змѣя Добрынѣ ему взмолится:
 — Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитичъ!
 Мы положимъ заповѣдь великую,
 Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
 Не носить людей больше русскіихъ,
 Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ,
 А тебѣ не ѣздить далече во чисто поле,
 Не топтать ти младыхъ змѣенышей,
 Не выручать полоновъ русскіихъ.—
 Положили они заповѣдь великую.
 Тая змѣя она проклятая

Поднялась она вверхъ подъ облаку,
 Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ-градъ,
 Увидала она князеву племянницу,
 Припадала змѣя ко сырой земли,
 Схватила она князеву племянницу,
 Унесла во нору во глубокую.
 Тутъ Солнышко Владимиръ стольно-кіевскій
 По три дня онъ билиць-волшебницъ скликивалъ,
 Не могъ билиць онъ докликатися,
 Кто бы могъ съѣздить далече во чисто поле.
 Говорить Алешенька Леонтъевичъ:
 „Что, Солнышко Владимиръ стольно-кіевскій!
 Накинь-ко эту службу великую
 На того Добрыню на Никитича:
 У того Добрыни у Никитича
 Со змѣей вѣдь заповѣдь положена;
 Онъ достанетъ намъ Забаву Путятичну
 Безъ бою, безъ драки-кровопролитія“.
 Накинулъ онъ службу великую
 На того Добрыню на Никитича.
 Онъ пошелъ, Добрыня, закручинился,
 Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:
 — Что же ты, Добрынюшка Никитичъ,
 Идешь съ пиру—самъ кручинился?
 Знать, мѣсто было тамъ не по чину,
 Чарой на пиру тебя приобнесли,
 Аль дуракъ на пиру надсмѣялся де?—
 Говорилъ Добрынюшка Никитичъ:
 „Что мѣсто мнѣ было по чину,
 Чарой на пиру меня не обнесли,
 И дуракъ надо мной не надсмѣялся де;
 А накинужь службу де великую
 Тотъ Солнышко Владимиръ стольно-кіевскій,
 Что съѣздить далече во чисто поле,
 Сходить на тую гору Сорочинскую,
 Сходить во нору во глубокую,
 Достать-то князеву племянницу,

Молоду Забаву дочь Путятичну“.
 Говорила родна его матушка:
 — Ложись-ко спать рано съ вечера:
 Утро будетъ оное мудрое,
 Мудренѣе утро будетъ вечера. —
 Онъ вставалъ по утрушку ранешенько,
 Умывался по утрушку бѣлешенько,
 Снаряжался хорошохоенько;
 Обсѣдлалъ онъ дѣдушкова добра коня;
 Садился скоро на добра коня;
 Провожала его родна матушка,
 На прощаньицѣ плетку подала:
 — Ахъ, ты, ей рожоно мое дитятко!
 Возьми-ко плеточку шелковую,
 И бей бурка промежу уши,
 И бей бурка промежу ноги,
 Промежу ноги да между заднія:
 Что станетъ твой бурушко поскакивать,
 Змѣненышей отъ ногъ отряхивать,
 Притопчетъ всѣхъ до одинаго.
 Какъ будетъ онъ далече во чистомъ полѣ,
 На тыя горы Сорочинскія,
 Потопталъ онъ младыхъ змѣненышей,
 Пovyручилъ полоновъ русскіихъ;
 Тыи же. младые змѣненыши
 Подточили у бурка они щеточки,
 Что не можетъ онъ, бѣрушко, поскакивать,
 Змѣненышевъ отъ ногъ отряхивать.
 Онъ бралъ де плеточку шелковую,
 Бьетъ бурка промежу уши
 И бьетъ бурка промежу ноги,
 Промежу ноги да между заднія:
 И сталъ его бурушко поскакивать,
 Змѣненышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,
 Притопталъ онъ всѣхъ до одинаго.
 Выходила змѣя тутъ проклятая
 Изъ тыя изъ норы изъ глубокия,

Говорила змѣя ему проклятая:
 — Ахъ, ты, ей, Добрыня сынъ Никитичъ!
 Ты зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,
 Притопталъ всѣхъ малыхъ дѣтушекъ? —
 Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:

„Ай же ты, змѣя да проклятая!
 Черти ли тебя несли черезъ Кіевъ-градъ,
 Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну?
 Отдай ее безъ драки-кровопролитія!“

Говорила змѣя ему проклятая:
 — Не отдамъ я князевой племянницы
 Безъ бою, безъ драки—кровопролитія.—
 Заводила она бой-драку великую,
 Дрался со змѣею онъ трои сутки,
 Онъ убилъ змѣю-то проклятую,
 Спустился въ нору во глубокую,
 Много тамъ сидитъ царей, царевичевъ,
 Много королей, королевичевъ,
 Простой-то силы и смѣты нѣтъ,
 Насчиталъ онъ силы сорокъ тысячъ.
 Говоритъ онъ князевой племянницѣ,
 Молодой Забавѣ дочь Путятичной:

„За тебя я этакъ странствую!
 Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владимиру;
 А вамъ всѣмъ, господа, воля-вольная!“
 Повезъ онъ князеву племянницу,
 По той-то пути по дороженькѣ;
 Увидалъ онъ бродъ лошадиный,
 По колѣну у ней въ землю угрязнуто.
 Онъ догналъ Алешеньку Леонтьевича,
 Вручилъ ему князеву племянницу,
 Тую ль Забаву дочь Путятичну,
 Велѣлъ свезти ко граду ко Кіеву,
 Къ ласкову князю ко Владимиру.

Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,

Догналъ паленицу женщину великую,
 Ударилъ своей палицей булатной
 Тую паленицу въ буйну голову:
 Паленица назадъ не оглянется,
 Добрыня на конѣ приужахнется.
 Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
 Толщиной былъ дубъ шести сажень;
 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
 Да расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ.
 Самъ говоритъ таково слово:

„Сила у Добрыни все по-старому,
 А смѣлость у Добрыни не по-старому“.

Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
 Догналъ паленицу, женщину великую,
 Ударилъ своей палицей булатной
 Тую паленицу въ буйну голову:
 Паленица назадъ не оглянется,
 Добрыня на конѣ приужахнется.
 Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
 Толщиною дубъ сажень двѣнадцати,
 Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
 Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
 Самъ говоритъ таково слово:

„Сила у Добрыни все по-старому,
 А смѣлость у Добрыни не по-старому“.

Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
 Догналъ паленицу, женщину великую,
 Ударилъ своей палицей булатной
 Тую паленицу въ буйну голову, —
 Паленица назадъ приоглянется,
 Сама говоритъ таково слово:
 — Я думала, что комарики покусываютъ,
 Ажно русскіи могучіи богатыри пощелкиваютъ! —
 Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
 Посадила его во глубокъ карманъ,
 Везла она Добрыню трое сутки;
 Испровѣщется какъ ей добрый конь:

„Ахъ ты ей, Настасья дочь Никулична?
 Не могу везти васъ съ богатыремъ:
 Конь у богатыря противъ меня,
 А сила у богатыря супротивъ тебя“.
 Говорила Настасья дочь Никулична:
 — Ежели богатырь онъ старой,
 Я богатырю голову срублю;
 А ежели богатырь онъ молодой,
 Я богатыря въ полонъ возьму;
 А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
 Я теперича за богатыря замужъ пойду.—
 Повыкинеть Добрыню изъ карманчика:
 Добрыня ей тутъ понравился.
 Поѣхали ко граду ко Кіеву,
 Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
 Принесли они по злату вѣнцу.
 Тутъ за три дня было пированьице
 Про молода Добрыню про Никитича,
 Что досталъ онъ князеву племянницу.

Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ.

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ
 Своей государынѣ родной матушкѣ:
 „Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
 Ты на что меня, Добрынюшку несчастнаго,
спородила?
 Спородила бы, государыня родна матушка,
 Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
 Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
 Спустила бы меня во сине море:
 Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
 Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
 Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
 Не пролилъ бы крови я напрасныя,
 Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,

Не вдовиль Добрыня молодыхъ женъ,
 Не пускаль сиротать малыхъ дѣтушекъ".
 Отвѣтъ держитъ государыня его матушка:
 — Я бы рада тебя, дитятко, спородити
 Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
 Силой въ Святогора богатыря,
 Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
 Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
 Я походкою бы тебя щепливою
 Во того Чурилу во Пленковича,
 Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
 Сколько тыя статьи есть, а другихъ Богъ не далъ,
 Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—

Скоро-наскоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
 Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
 Провожала Добрыню родна матушка,
 Простилася, воротилася,
 Домой пошла, сама заплакала,
 Начала по палатамъ похаживать,
 Начала голосомъ поваживать
 Жалобнехонько она, съ причетью.
 У тыя было у стремены у правыя
 Провожала Добрыню любимая семья,
 Молода Настасья дочь Никулична;
 Сама говорила таково слово:

— Когда Добрынюшка домой будетъ,
 Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—

Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:

„Когда у меня ты стала спрашивать,

Тогда я стану тебѣ сказывать:

Сожидай Добрынюшку по три года;

Если въ три года не буду, жди друго три;

А какъ сполнится времени шесть годовъ,

Да не буду я домой изъ чиста поля,

Поминай меня, Добрынюшку, убитаго,

А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:

Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,

Хоть за князя поди, хоть за боярина,
 А хоть за русскаго могучаго богатыря,
 А только не ходи за моего брата названнаго,
 За смѣлаго за Алешу за Поповича.“

Стала дожидать его по три году.
 Какъ день за днемъ, будто дождь дождить,
 Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
 А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
 Прошло тому времени да три году,
 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
 Стала сождать его по другое три.
 Опять день за днемъ, будто дождь дождить,
 Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
 А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
 Прошло тому времени шесть уже лѣтъ,
 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

Въ тую пору въ то время
 Приѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
 Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
 Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
 Тогда государыня родна его матушка
 Жалешенько по немъ плакала,
 Слезила она очи ясныя,
 Скорбила она лице бѣлое
 По своемъ рожномъ дитятки,
 По молодомъ Добрынѣ Никитичѣ.
 Сталъ солнышко—Владимиръ тутъ похаживать,
 Настасья Никуличной посватывать:
 „Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
 Молодой вѣкъ свой коротати?
 Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
 Хоть за русскаго могучаго богатыря,
 А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.“
 Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
 — Я исполнила заповѣдь мужнюю,
 Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
 Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;

Я исполню заповѣдь свою женскую:

Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ;

Такъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,

Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти. —

Опять день за днемъ, будто дождь дожжитьъ,

А недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,

А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить.

Прошло тому времени друго шесть годовъ,

Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ,

Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.

Сталъ солнышко-Владимиръ тутъ похаживать,

Настасья Никуличной посватывать,

Посватывать, подговаривать:

„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,

Молодой свой вѣкъ коротати?“

Поди замужъ хотъ за князя, хотъ за боярина

А хотъ за русскаго могучаго богатыря,

А хотъ за смѣлаго Алешу Поповича.“

Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,

Ни за русскаго могучаго богатыря,

А пошла замужъ за смѣлаго Алешу Поповича.

Пиръ идетъ у нихъ по третій день,

Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,

Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.

А Добрыня лучился у Царя града,

А у Добрыни конь потыкается.

„Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть,

Зачѣмъ сегодня потыкаешься?“

Испровѣщается ему добрый конь,

Ему голосомъ человѣческимъ:

— Ты ей, хозяйинъ мой любимый!

Надъ собой невзгодушки не выдаешь:

Твоя молода Настасья дочь Никулична замужъ
пошла

За смѣлаго Алешу за Поповича;

Пиръ идетъ у нихъ по третій день;

Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,

Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.—
 Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
 Онъ беретъ да плеточку шелковую,
 Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
 Промежу ноги между задня,
 Что сталъ его бурушка поскакивать
 Съ горы на гору, съ холма на холмы,
 И рѣки, озера перескакивать,
 Широкия раздолья между ногъ пушать.

Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летить:

Добрый молодецъ перегонъ гонить.

Не воротми ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,

Мимо тую башню наугольную,

Къ тому придворью ко вдовиному;

На дворъ заѣхалъ безобсылочно,

Въ палаты идетъ бездокладочно;

Не спрашивалъ у воротъ подворотниковъ,

У дверей не спрашивалъ придверниковъ,

Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;

Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,

Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ кладетъ по ученому,

Пречестной вдовы да онъ въ особину:

„Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа

Тимофеевна!“

Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,

Сами говорятъ таково слово:

„Пречестна вдова, Мамелфа Тимофеевна!

Какъ этотъ удалый добрый молодецъ

Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,

Насъ не спрашивалъ, у воротъ приворотниковъ,

У дверей не спрашивалъ придверниковъ

Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ“.

Испроговорить имъ честна вдова:

— Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!

Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,

Въ палаты идешь бездокладочно?

Какъ бы было живо мое чадо милое,
 Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
 Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
 За твои поступки неумильные.—
 Говорить Добрыня сынъ Никитичъ:
 „Не напрасно ли вы согрѣшаете?
 А я вчерась съ Добрыней поразѣхался,
 Добрыня поѣхалъ ко Царюграду,
 А я поѣхалъ ко Киеву.
 Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
 Спросить про его милу семью,
 Про молодую Настасью Никуличну:
 Гдѣ же есть она Настасья Никулична?“
 — Добрынина родима семья замужъ пошла,
 Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
 Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
 А въ ту-ю-ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,
 Приѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
 Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
 Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
 Убитъ лежитъ во чистомъ полѣ,
 Буйна голова испроломана,
 Могучи плечи испрострѣлены,
 Головой лежитъ черезъ ракутовъ кустъ.
 Я жалешенько объ немъ плакала.—
 Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 „Наказывалъ братецъ мнѣ названный:
 Если лучится быть тебѣ на пиру во Киевѣ,
 Ты возьми мое платье скomorошское,
 И гусельки возьми мои яровчаты,
 Въ новой горенкѣ всѣ на столигѣ“.
 Принесли ему платье скomorошское
 И гусельки ему яровчаты.
 Накрутился молодецъ скomorошиной,
 Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.
 Идетъ онъ княженецкой дворъ безобсылочно,
 А въ палаты идетъ бездокладочно;

Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
 Крестъ кладеть пописаному,
 Поклонъ ведеть поученому,
 Солнышку Владимиру въ особину,
 Самъ говорить таково слово:
 „Здравствуй, солнышко Владимиръ стольно-кіевскій
 Со своей княгиней со Апраксіей!“
 Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творять:
 „Солнышко Владимиръ стольно-кіевскій!
 Какъ этотъ удалый добрый молодець
 Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ
 И теперича идетъ скоморошиной,
 Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
 Скоро проходилъ въ палаты княженецкія“.
 — Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
 Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
 На княженецкій дворъ безобсылочно,
 Во палаты идешь бездокладочно,
 Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?—
 Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
 Скоморошина въ рѣчи не вчуется:
 „Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское!“
 Съ сердцемъ говоритъ Владимиръ стольно-кіевскій:
 — Что ваше мѣсто скоморошское
 На той на печкѣ на муравленой,
 На муравленой печкѣ, на запечкѣ.—
 Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показано,
 На тую на печку на муравлену;
 Натягивалъ тетивочки шелковыя
 На тья струночки золоченыя,

Учаль по струнамъ похаживать,
 Учаль онъ голосомъ поваживать,
 Играеть-то онъ въ Царѣградѣ,
 А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ,
 Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
 Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
 Сами говорятъ таково слово:
 „Что не быть это удалой скоморошинѣ,
 А кому ни надо быть русскому,
 Быть удалому доброму молодцу!“
 Говорилъ Владимиръ стольно-кіевскій:
 — Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
 Опускайся изъ печки, изъ запечки,
 Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
 Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
 За твою игру за веселую
 Дамъ тебѣ три мѣста любимыхихъ:
 Перво мѣсто сядь подлѣ меня,
 Друго мѣсто супротивъ меня,
 А третье мѣсто, куда самъ захошь,
 Куда самъ захошь, еще пожалуешь.—
 Не сѣла скоморошина подлѣ князя,
 Не сѣла скоморошина противъ князя,
 А садилась скоморошина въ скамеечку
 Супротивъ княжны порученыя.
 Говорить удала скоморошина:
 „Что солнышко Владимиръ стольно-кіевскій!
 Благослови мнѣ налить чару зелена вина,
 Поднести эту чару кому я знаю,
 Кому я знаю, еще пожалую.“
 Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
 Онъ опустить въ чару свой золоченъ перстень,
 Подносить княжнѣ порученыя,
 Самъ говорить таково слово:
 „Молода Настасья дочь Никулична!
 Прими сію чару единой рукой,
 Да выпей-ка чару единымъ духомъ:

Буде пьешь до дна, такъ выдаешь добра,
 А не пьешь до дна, не выдаешь добра".
 Она приняла чару единой рукой,
 Да и выпила чару единымъ духомъ,
 Да и посмотритъ въ чарѣ свой злаченъ перстень,
 Которымъ съ Добрыней обручалася;
 Сама говоритъ таково слово:
 — Солнышко Владимиръ стольно-кїевскїй!
 Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
 А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
 Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,
 Подноситъ мнѣ чару зелена вина.—
 Сама выскочитъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
 Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:
 — Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
 Въ той винѣ прости меня, въ глупости,
 Что не по твоему наказу де я сдѣлала,
 Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла.—
 Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
 „Что не дивую я разуму-то женскому,
 Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
 Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
 А дивую я солнышку Владимиру
 Съ молодой княгиней со Апраксїей:
 Солнышко Владимиръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
 А княгиня Апраксїя свахою,
 Они у живаго мужа жену просватали".
 Тутъ солнышку Владимиру къ стыду пришло,
 А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
 — Прости, прости, братецъ мой названный,
 Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
 Подлѣ молодой Настасьи Никуличной.—
 „Въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ проститъ,
 Что ты посидѣлъ подлѣ моей любимой семьи,
 Подлѣ молодой Настасьи Никуличной;
 А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:

Какъ прѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ
шесть лѣтъ,

Привозилъ ты вѣсточку не радостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
Убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ,—
Такъ тогда государыня родна матушка
Жалешенько по мнѣ плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лице бѣлое:
Съ этой вины тебѣ не прощу!⁴
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпичень мостъ,
Повыдернетъ шалыгу подорожную,
Учалъ шалыжищемъ ухаживать:
Что хлопанье и что оханье, не слышно вѣдь.
Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
Молоду Настасью дочь Никуличну,
Пошелъ къ государынѣ родной матушкѣ.

Алеша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясныя сокола вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ,
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздить богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское;
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскачаго;

Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
 Лежать три дороги широкія,
 Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горячъ камень,
 А на камени подпись подписана.
 Возговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
 „А и ты, братецъ Екимъ Ивановичъ!
 Въ грамотѣ поученой человекъ,
 Посмотри на камени подписи,
 Что на камени подписано“.
 И скочилъ Екимъ съ добра коня,
 Посмотрѣлъ на камени подписи,
 Росписаны дороги широкія:
 „Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
 Другая дорога въ Черниговъ градъ,
 Третья ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владимиру“.
 Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
 „А и братецъ Алеша Поповичъ младъ,
 Которой дорогой изволишь ѣхать?“
 Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
 —Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владимиру.—
 Втапору поворотили добрыхъ коней,
 И поѣхали они ко городу ко Кіеву;
 Не доѣхавши они до Сафать-рѣвки,
 Становились на лугахъ на зеленыхъ.
 Надо Алешѣ покормить добрыхъ коней.
 Разставили тутъ два бѣла шатра,
 Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
 А и мало время позамѣшкавши,
 Молодой Екимъ добрыхъ коней,
 Стреножимши, въ зеленъ лугъ пустилъ,
 Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ держать.
 Прошла та ночь осенняя,
 Ото сну пробуждается,
 Встаетъ рано, ранешенько,
 Утренней зарей умывается,

Бѣлою ширинкою утирается,
 На востокъ онъ, Алеша, Богу молится.
 Молодой Екимъ, сынъ Ивановичъ,
 Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
 А сводилъ ихъ поить на Сафатъ на рѣку.
 И приказалъ ему Алеша
 Скоро сѣдлатъ добрыхъ коней;
 Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
 Пришелъ тутъ къ нимъ калика переходжій:
 Лапотки на немъ семи шелковъ,
 Подковырены чистымъ серебромъ,
 Личико унизано краснымъ золотомъ,
 Шуба соболиная, долгополая,
 Шляпа сорочинская, земли Греческой,
 Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
 Налита свинцу чебурацкаго.
 Говорилъ таково слово:
 „Гой вы еси, удалы добры молодцы!
 Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
 Въ вышину ли онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
 Промежъ плечей косая сажень,
 Промежу глазъ калена стрѣла;
 Конь подъ нимъ, какъ лютой звѣрь,
 Изъ хайлица пламя пышетъ,
 Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ“.
 Привязался Алеша Поповичъ младъ:
 „А и ты, братецъ, калика переходжая!
 Дай мнѣ платье каличее,
 Возьми мое богатырское:
 Лапотки свои семи шелковъ,
 Подковырены чистымъ серебромъ,
 Личико унизано краснымъ золотомъ,
 Шубу свою соболиную, долгополую,
 Шляпу сорочинскую, земли Греческой,
 Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную.
 Налиту свинцу чебурацкаго“.
 Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу

Не отказываючи, а на себя надѣвалъ
То платъе богатырское.

Скоро Алеша каликою наряжается,
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ тридцать пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафать-рѣвку.

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Подрожала дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:

„Гой еси, калика перехожая!
А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ“.

Говорить тутъ Алеша каликою:

„А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Повѣжай поближе ко мнѣ:
Не слышу я, что ты говоришь“.
И подѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю,
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапору взмолился Тугаринъ Змѣевичъ младъ:

„Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
Только ты Алеша Поповичъ младъ,
Семь побратаемся съ тобой“.

Втапору Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платъе съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей и все платъе на себя надѣвалъ;

Садился на его добра коня
 И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
 Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичъ
 И калика переходяя,
 Испугалися его, сѣли на добрыхъ коней,
 Побѣжали ко городу Ростову.
 И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ.
 Обернется Екимъ Ивановичъ
 Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
 Бросилъ назадъ себя:
 Показалось ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
 И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,
 Сшибъ изъ сѣделечка черкаскаго,
 И упалъ онъ на сыру землю.
 Втапоры Екимъ Ивановичъ
 Скочилъ съ добра коня, сѣлъ на груди ему,
 Хочетъ пороть груди бѣлыя,
 И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
 Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ переходяему:
 „По грѣхамъ надо мною, Екимомъ, учинилося,
 Что убилъ своего брата родимаго“.
 И стали его оба трясти и качать,
 И потомъ подали ему питья заморскаго;
 Отъ того онъ здоровъ сталъ.
 Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
 Калика свое платье надѣвалъ каличье,
 А Алеша свое богатырское,
 А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
 Клади въ чемоданъ къ себѣ.
 Сѣли они на добрыхъ коней
 И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владимиру.

Потокъ Михайло Ивановичъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
 У ласкова князя Владимира

Было пированье, почестной пиръ
 На три братца названные,
 Свѣтло-русскіе могучіе богатыри:
 А на перваго братца названаго,
 Свѣтло-русскаго могучаго богатыря,
 На Потока Михайла Ивановича;
 На другаго братца названаго,
 На молода Добрыню Никитича;
 На третьяго братца названаго,
 Что на молода Алешу Поповича.
 Что возговоритъ тутъ Владимиръ князь:
 „А и ты, гой еси, Потокъ Михайло Ивановичъ!
 Сослужи мнѣ службу заочную,
 Съѣзди ты ко морю синему,
 На теплы, тихи заводи,
 Настрѣляй мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Перелетныхъ малыхъ уточекъ
 Къ моему столу княженецкому:
 До любви я молодца пожалую“.
 Потокъ Михайло Ивановичъ
 Не пьетъ онъ, молодець, ни пива ни вина,
 Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ.
 А скоро де садился на добра коня,
 И только его увидѣли,
 Какъ молодець за ворота выѣхалъ,—
 Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.
 Онъ будетъ у моря синяго;
 По его по щаски великія
 Привалила птица къ круту берегу;
 Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
 И перелетныхъ малыхъ уточекъ.
 Хочетъ ѣхать отъ моря синяго—
 Посмотрѣть на тихія заводи,
 И увидѣлъ бѣлую лебедушку:
 Она черезъ перо была вся золота,
 А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
 И скатнымъ жемчугомъ усажена.

Вынимаетъ онъ, Потокъ,
 Изъ налушна свой тугой лукъ,
 Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
 И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
 Калену стрѣлу въ правую,
 Накладываетъ на тетивочку шелковую,
 Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
 Калену стрѣлу семи четвертей:
 Заскрипѣли полосы булатныя,
 И завыли рога у туга лука,
 А и чуть было спустить калену стрѣлу,—
 Провѣщитъ ему лебедь бѣлая,
 Авдотьюшка Лиховидьевна:

„А и ты, Потокъ Михайло Ивановичь!

Не стрѣлай ты меня, лебедь бѣлую,

Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ“.

Выходила она на крутой бережокъ,

Обернулась душой красной дѣвицей,

А и Потокъ Михайло Ивановичь

Воткнетъ копье во сыру землю,

Привязалъ онъ коня за остро копье,

Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки

И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;

Авдотьюшка Ливовидьевна

Втапоры больно его уговаривала:

„А и ты, Потокъ Михайло Ивановичь!

Хотя ты на мнѣ и женишься,

И кто изъ насъ прежде умретъ,

Второму за нимъ живому во гробъ итти“.

Втапоры Потокъ Михайло Ивановичь

Садился на своего добра коня,

Говорилъ таково слово:

„А и ты, гой еси, Авдотья Лиховидьевна!

Будемъ въ городѣ Киевѣ,

Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколь,

И ты втапоры будь готовая,

Приходи къ церкви соборныя,

Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое“.
И скоро онъ поѣхалъ къ городу Кіеву отъ моря
синяго;

Авдотьюшка Лиховидьевна
Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Кіевъ градъ
Къ своей сударынѣ матушкѣ,
Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.

Потокъ Михайло Ивановичъ
Нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ;

Авдотьюшка Лиховидьевна
Перво его въ свой домъ ускорить могла.
И сидитъ она подъ окошечкомъ косящатымъ,
Сама усмѣхается;

А Потокъ Михайло Ивановичъ
Ѣдетъ, самъ дивуется:

„А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,
А она перво меня въ домъ появилась“.
И пріѣхалъ онъ на княженецкій дворъ,
Приворотники доложили стольникамъ,
И стольники князю Владимиру,
Что пріѣхалъ Потокъ Михайло Ивановичъ.

И велѣлъ ему князь ко крылечку ѣхать.
Скоро Потокъ скочилъ со добра коня,
Поставилъ ко крылечку красному,
Походитъ во GRIDню свѣтлую,
Онъ молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею

И на всѣ четыре стороны:

„Здравствуй ты, ласковый сударь, Владимиръ князь!
Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,
Настрѣлялъ я гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ.

И самъ сговорилъ себѣ красну дѣвицу,
Авдотьюшку Лиховидьевну,
Къ вечернѣ быть въ соборѣ.

И съ ней обрученье принять.

Гой еси, ласковый сударь, Владимиръ князь!

Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой

На три брата названные,

А нынѣ для меня одного

Доспѣй свадебной пиръ веселой,

Для Потока Михайлы Ивановича“.

А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ въ колоколь уда-
рили,

Потокъ Михайло Ивановичъ къ вечернѣ пошелъ,

Съ другу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна

Скоро втапоры наряжалася и убиралася,

Убравши къ вечернѣ пошла,

Ту вечерню отслушали.

А и Потокъ Михайло Ивановичъ

Соборнымъ попамъ поклоняется,

Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученье принять;

Эти попы соборные

Тому они дѣлу радошны,

Скоро обрученье сдѣлали,

Тутъ обвѣнчали ихъ и привели къ присягѣ
такой:

Кто перво умреть,

Второму за нимъ живому въ гробъ итти.

И походить онъ Потокъ Михайло Ивановичъ

Изъ церкви вонъ съ своей молодою женою,

Съ Авдотьюшкой Лиховидьевной,

На тотъ широкій дворъ къ князю Владимиру,

Приходить въ свѣтлы гридни.

И тутъ имъ князь сталъ веселъ, радошень,

Сажалъ ихъ за убранны столы.

Втапоры для Потока Михайлы Ивановича столъ
пошелъ:

Повара были догадливы,

Носили яства сахарныя

И питья медвяныя.

А и тутъ пили, ѣли, прохлаждалися,

Передъ княземъ похвалялися.

И не мало время замѣшгавши,

День къ вечеру вечеряется,
 Красное солнце закатается.
 Всѣ тутъ князи и бояра разѣхались,
 Разѣхались и пѣшкомъ разбрелись.

А у Потога Михайлы Ивановича
 Со молодой женой Авдотьей Лиховидѣвной
 Не много житья было—полтора года.
 Захворала Авдотьюшка Лиховидѣвна,
 Съ вечера она расхворается,
 Ко полуночи разболѣлася,
 Ко утру и преставилася.
 Мудрости искала надъ мужемъ своимъ,
 Надъ молодымъ Потокомъ Михайлою Ивановичемъ.
 Рано зазвонили къ заутрени;
 Онъ пошелъ Потогъ соборнымъ попамъ вѣсть пода-
 вать,

Что умерла его молода жена;
 Приказали ему попы соборные
 Тотчасъ на саняхъ привезти,
 Поставить тѣло на паперти;
 А и тутъ стали могилу копать,
 Выкопали могилу глубокую и великую,
 Глубиною, шириною по двадцати сажень.
 Сбиралися тутъ попы съ дьяконами
 И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
 Погребали тѣло Авдотьино.
 И тутъ Потогъ Михайло Ивановичъ
 Съ конемъ и сбруею ратною
 Спустился въ тое-жъ могилу глубокую,
 И заворочали потолокомъ дубовымъ,
 И засыпали песками желтыми,
 А надъ могилою поставили деревянный крестъ;
 Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
 Которая была привязана къ колоколу соборному.
 И стоялъ онъ, Потогъ Михайло Ивановичъ,
 Въ могилѣ съ добрымъ конемъ
 Съ полудни до полуночи

И для страху, добывъ огня,
 Зажигалъ свѣчи воску яраго.
 И какъ пришла пора полуночная,
 Собиралися къ нему всѣ гады змѣйные,
 А потомъ пришелъ большой змѣй,
 Онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ;
 А Потокъ Михайло Ивановичъ
 На то-то не робокъ былъ,
 Вынималъ саблю острую,
 Убиваетъ змѣя лютаго
 И сѣкаетъ ему голову,
 И тою головою змѣиною
 Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
 Втапору она еретница
 Изъ мертвыхъ пробуждалася,
 И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколь,
 И услышалъ трапезникъ,
 Бѣжить тутъ къ могилѣ Авдотьиной,
 Ажно тутъ веревка изъ могилы къ колоколу
 торгається:
 И собираются тутъ православный народъ,
 Всѣ тому дивуются,
 А Потокъ Михайло Ивановичъ
 Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ;
 И разрывали тое могилу наскоро,
 Опускали лѣстницы долгиа;
 Вынимали Потока и съ добрымъ конемъ
 И со его молодой женой,
 И объявили князю Владимиру
 И тѣмъ попамъ соборнымъ.
 Поновили ихъ святой водой,
 Приказали имъ жить постарому.
 И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
 Состарѣлся и переставился,
 Тогда попы церковные,
 По прежнему ихъ обѣщанію,
 Его Потока похоронили,

А его молоду жену Авдотью Лиховидьевну
 Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю:
 И тутъ имъ стала быть память вѣчная.

Соловей Будимировичъ.

Высота ли, высота поднебесная,
 Глубота, глубота океанъ море;
 Широко раздолье по всей землѣ,
 Глубоки омуты Днѣпровскіе.
 Изъ-за моря, моря синяго,
 Изъ глухоморья зеленого,
 Отъ славнаго города Леденца,
 Отъ того де царя вѣдь заморскаго
 Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей—единъ корабль
 Славнаго гостя богатаго,
 Молода Соловья, сына Будимировича.
 Хорошо корабли изукрашены,
 Одинъ корабль получше всѣхъ;
 У того было сокола у корабля,
 Вмѣсто очей было вставлено
 По дорогу камению, по яхонту;
 Вмѣсто бровей было прибivano
 По черному соболю якутскому;
 Вмѣсто уса было воткнуто
 Два острые ножика булатные;
 Вмѣсто ушей было воткнуто
 Два остра копя мурзамецкія,
 И два горностая повѣшены,
 И два горностая, два зимніе;
 У того было сокола у корабля
 Вмѣсто гривы прибivano
 Двѣ лисицы бурнастыя;
 Вмѣсто хвоста повѣшено
 На томъ было соколѣ кораблѣ

Два медвѣдя бѣлые, заморскіе;
 Носъ, корма потуриному,
 Бока взведены позвѣриному.
 Бѣгутъ ко городу Кіеву,
 Къ ласкову князю Владимиру.
 На томъ соколѣ корабль
 Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
 Въ чердакъ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
 Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ.
 На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ молодець,
 Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ.

Говорилъ Соловей таково слово:
 „Гой еси вы, гости корабельщики
 И всѣ цѣловальники любимые!
 Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
 У ласкова князя Владимира,
 Чѣмъ мнѣ-то будетъ князя дарить,
 Чѣмъ свѣта жаловати?“

Отвѣчаютъ гости корабельщики
 И всѣ цѣловальники любимые:
 „Ты, славной, богатой гость,
 Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ!
 Есть, сударь, у васъ золота казна:
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Вторые сорокъ бурнастыхъ лисиць;
 Есть, сударь, дорога камка,
 Что недорога камочка—узоръ хитерьъ:
 Хитрости были Царяграда,
 А и мудрости Іерусалима,
 Замыслы Соловья Будимировича;
 На златѣ, на серебрѣ—не погнѣваться“.

Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
 Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
 Сходни бросали на круть бережокъ,
 Товарную пошлину въ таможиѣ платили
 Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
 Со всѣхъ кораблей, со всего живота.

Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторыя сорокъ бурнастыхъ лисиць.

Пошелъ онъ ко ласкову князю Владимиру,
Идетъ во гридню во свѣтлую;
Какъ бы на пятау двери отворялися,
Идетъ во гридню купавъ молодець,
Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ,
Спасову образу молится,
Владимиру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевнѣ на особицу,
И подносить князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторыя сорокъ бурнастыхъ лисиць;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую,
Недорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости Царяграда,
Мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимировича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.

Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того.
Говорилъ ласковой Владимиръ князь:
„Гой еси ты, богатый гость,
Соловей сынъ Будимировичъ!
Заимуй дворы княженецкіе,
Заимуй ты боярскіе,
Заимуй дворы и дворянскіе“.
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будимировичъ:
„Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
И не надо дворы боярскіе,
И не надо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Не паханья, не оранья,
У своей, осударь, княженецкой племянницы,
У молоды Запавы Путятишной,
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,

Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
 Построить мнѣ, Соловью, снаряженъ дворъ“.
 Говорилъ осударь, ласковый Владимиръ князь:
 „На то тебѣ съ княгинею подумаю“.
 А подумавши отдавалъ Соловью загонъ земли,
 Не паханья и не оранья.

Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
 Говорилъ Соловей, сынъ Будимировичъ:
 „Гой еси вы, мои люди работные!
 Берите вы топорики булатные,
 Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
 Постройте мнѣ снаряженъ дворъ
 Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ“.

Съ вечера, позднимъ поздно,
 Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
 Работала его дружина хорабрая.
 Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
 Три терема златоверховаты,
 Да трой сѣни косящатыя,
 Да трой сѣни рѣшетчатыя.
 Хорошо въ теремахъ изукрашено:
 На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяць, въ теремѣ мѣсяць;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремѣ заря—
 И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили къ заутрени—
 Ото сна-то Запава пробужалася,
 Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
 Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
 Во свой вѣдь хорошій, зеленой садъ.
 Чудо Запавѣ показалось:
 Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду
 Что стоятъ три терема златоверховаты.
 Говорила Запава Путятишна:
 „Гой еси, нянюшки и мамушки!
 Подѣте-тко, посмотрите-тко,

Что мнѣ за чудо показалось
 Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?“
 Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
 И сѣнныя красныя дѣвушки:
 „Матушка, Запава Путятишна!
 Изволь-ко сама посмотришь:
 Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло“.

Скоро де Запава наряжается,
 Надѣвала шубу соболиную,
 Цѣна-то шубѣ три тысячи,
 А пуговики въ семь тысячей,
 Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
 Во свой во хорошгъ, во зеленой садъ.
 У перваго терема послушала:
 Тутъ въ теремѣ целчить, молчить—
 Лежить Соловьева золота казна.
 Во второмъ теремѣ послушала:
 Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
 Помаленьку говорятъ, все молитву творять:
 Молится Соловьева матушка
 Со вдовы честны, многоразумными.
 У третьяго терема послушала:
 Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
 Входила Запава въ сѣни косящатыя,
 Отворяла двери на пятау,
 Больно Запава испугалася,
 Рѣзвы ноги подломилися,
 Чудо въ теремѣ показалось:
 На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремѣ заря—
 И вся красота поднебесная.
 Подломилися ея ноженьки рѣзвыя.
 Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,
 Бросилъ свои звончаты гусли,
 Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки:

„Чего де ты, Завава, испужалася?
Мы де оба на возрастъ“.

„А и я де дѣвица на выданьѣ,
Пришла де сама за тебя свататься“.

Туть они и помолвили,
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстениями помѣнялися.
Провѣдала его Соловьева матушка,
Честна вдова Амелѣа Тимоѣевна,
Свадьбу кончити посрочила:

„Съѣзди де за моря синія,
И когда де тамъ расторгнешься,
Тогда и на Запавѣ женишься“.

Отъѣзжалъ Соловей за моря синія.

Втапоры повѣхаль и годой Шапъ Давидъ Поповъ.

Скоро за морями исторгуется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ.

Приходилъ ко ласкову князю съ подарками,

Принесъ сукно смурое

Да крашенину печатную.

Втапоры князь сталъ спрашивати:

„Гой еси ты, голой Шапъ Давидъ Поповъ!

Гдѣ же ты слыхалъ, гдѣ видывалъ

Про гостя богатаго, про молода

Соловья, сына Будимировича?“

Отвѣчалъ ему голой Шапъ:

„Я де объ немъ слышалъ,

Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,

У того царя заморскаго;

Соловей у царя въ протаможѣ попалъ

И за то посаженъ въ тюрьму,

А корабли его отобраны

На его же царское величество“.

Туть ласковой Владимиръ князь закручинился,

Скоро вздумалъ о свадьбѣ,

Что отдать Зававу за голаго Шапа Давида Попова.

Тысяцкой—ласковой Владимиръ князь,

Свашела—княгиня Апраксѣвна,
 Въ поѣзду князи и бояра
 Поѣзжали ко церкви Божіи:
 Втапоры-жъ въ Кіевъ флотъ пришелъ
 Богатаго гостя, молода
 Соловья, сына Будимировича,
 Ко городу ко Кіеву,
 Якори метали во быстрой Днѣпрѣ,
 Сходни бросали на крутъ, красенъ бережокъ.
 Выходилъ Соловей со дружиною,
 Изъ сокола корабля съ каливами:
 Во бѣломъ платьѣ сорокъ каликъ со каликою.
 Походили они ко честной вдовѣ Амелѣѣ Тимоее-

евнѣ,
 Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
 Отъ молода Соловья Будимировича,
 Что прибылъ флотъ въ девяностѣ корабляхъ
 И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ
 Кіевомъ.

А оттуда пошли ко ласкову князю Владимиру,
 На княженецкой дворъ,
 И стали во единой кругъ.
 Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
 Владимиръ князь въ домъ свой;
 И пошли во гридни свѣтлыя,
 Садилися за столы бѣлодубовые,
 За яства сахарныя,
 И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою.

Тогда ласковой Владимиръ князь
 Велѣлъ вина имъ заморскія подносить
 И меда сладкіе.

Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали,
 Приводили его ко княженецкому столу.

Сперва говорила Завава Путятишна:

„Гой еси мой, осударь, дядюшка,
 Ласковой осударь Владимиръ князь!

Тоть-то мой прежній обрученной женихъ,

Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ,
 Прямо, осударь, скачу—обезчещу столы“.
 Говорилъ ей ласковой Владимиръ князь:
 „А ты, гой еси, Завава Путятишна!
 А ты прямо не скачи—не безчести столы“.
 Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ.
 Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
 Взяла его за рученьку бѣлую,
 И пошла за столы бѣлодубовы,
 И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто.
 Втапору ласковой Владимиръ князь весель сталъ,
 А княгиня наипаче того,
 Поднимали пирушку великую.

Дюкъ Степановичъ.

Во тоя Индѣи было во богатя,
 Тамъ жилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 Онъ ходилъ-гулялъ по тихимъ по заводямъ,
 Стрѣлялъ сѣрыхъ гусей и стрѣлялъ лебедей;
 Всѣхъ повистрѣлялъ ровно триста стрѣль,
 Ровно триста стрѣль, да еще три стрѣлы.
 Триста-то стрѣламъ онъ цѣну вѣдаетъ,
 Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
 Когда билъ онъ изъ-подъ камня сподъ яхонта са-
 моцвѣтнаго,
 Убилъ три орла и три орловица;
 Онъ не тыхъ убилъ, которы летаютъ на святой
 Руси,
 А тыхъ убилъ, которы летаютъ по синимъ морямъ:
 Онъ сидитъ орелъ на синенькомъ на камешкѣ,
 Ужъ онъ ронитъ орелъ перьяца орлиныя;
 Когда идуть гости-корабельщики,
 Побираютъ перьяцо орлиное,
 Развозятъ это перьяцо на ярмонку,
 Продавають это перьяце орлиное

Подороже-то атласа и рыта бархата;
 Покупали мужики-то индѣйскіе,
 Приносили это перьяце орлиное
 Его Дюкову-то батюшкѣ въ подарочки,
 А онъ самъ убилъ, молодой бояринъ Дюкъ Степа-
 новичъ.

Съ тоя съ великія со радости
 Пошелъ къ государынѣ родной матушкѣ,
 Онъ сталъ просить прощеньице съ благословеньи-
 цемъ:

„Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
 Дай-ка ты прощеньице съ благословеньцемъ
 Вхать ко граду ко Киеву
 Ко ласкову князю ко Владимиру
 Мнѣ прямой дорожкой, не окольною“.
 Говорить государыня родна его матушка,
 Что „не дамъ прощеньице съ благословеньцемъ
 Вхать ко граду ко Киеву
 Ко ласкову князю ко Владимиру
 Прямой дорожкой, не окольной.
 На той прямой дорожкѣ, не окольной,
 Есть три заставы великія.
 Первая застава великая:
 Стоять тутъ горы толкучія;
 Тыи-жъ какъ горы врозь растолкнутся,
 Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся,
 Тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати,
 Тутъ тебѣ, молодому, живу не бывати.
 Есть другая великая тамъ застава:
 Сидятъ тамъ птицы клеучія;
 Тыи птицы тебя съ конемъ сключють;
 Тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати,
 Тутъ тебѣ, молодому, живу не бывать.
 Есть третія великая тутъ застава:
 Лежитъ Змѣище-Горынчище,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ;
 Тоя змѣя тебя съ конемъ сожретъ;

Тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати,
Тутъ тебѣ, молодому, живу не бывать“.

Онѣ, бояринѣ, своей матушки не слушался,
Пошелъ на конюшню на стоялюю,
Береть узду въ руки тесмянную,
Одѣвалъ на мала бурушка-кавурушка;
По колѣнѣ было у бурушка въ землю зарощено.
Онѣ поилъ бурка питьемъ медвянымъ,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Сѣдлалъ коня въ сѣдлышко черкасское,
Онѣ потнички клалъ на потнички,
На потнички кладеть войлочки,
А на войлочки черкасское сѣделышко
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тутихъ подпруговъ,
А тринадцатой клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ коня не вырутилъ.
Подпруги были шелковыя,
Шпеньки были всѣ булатныя,
А пряжки у сѣдла красна золота:
Тогда шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣеть,
Молодецъ на конѣ сидитъ — самъ не старѣеть.
Онѣ садился на добра коня,
Прощался съ государыней родной матушкой.
Говорила ему родна матушка:
— Ахъ ты ей, рожно мое дитятко,
Молодой бояринѣ Дюкѣ Степановичѣ!
Если случить Богъ во градѣ во Кіевѣ,
Ты не хвастай животинками сиротскими,
Сиротскими животинками вдовиными.—
Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу версту,
Онѣ ко земли бурка припадывалъ;
Испровѣщился ему добрый конь,
Ему голосомъ ли человѣческимъ:
Ты ей, хозяинѣ мой любимый!
Опускай-ка ся съ меня со добра коня,

Бери земли сыро-матерой,
 Подвязывай подъ плечико подъ правое
 И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
 Чтобъ не страшно бы сидѣть на добромъ конѣ,
 А я стану, бурушко, поскакивать,
 Съ горы на гору, съ холмы на холму,
 Рѣки и озера перескакивать,
 Гдѣ широкія раздолья — между ногъ пуцать⁴.
 А какъ пріѣхали они ко первой ко заставѣ:
 А стоятъ тутъ горы толкучія,
 Тыи-жъ какъ горы врозь растолкнулись
 И не успѣли горы вмѣстѣ столкуться,
 Онъ первую заставу проскакивалъ.
 Доѣзжалъ до другія до заставы-ль:
 Сидятъ тутъ птицы клевучія,
 Не успѣли птицы крылышекъ расправити,
 Онъ и другу заставу проскакивалъ.
 Онъ ко третьей заставѣ проскакивалъ:
 И лежитъ Змѣище-Горынчище,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ;
 Не успѣла змѣя хоботу расправити,
 Онъ и третью заставу проскакивалъ,
 Онъ ко граду ко Киеву прискакивалъ,
 И заѣдетъ какъ онъ на княженецкій дворъ,
 Оставилъ своего добра коня,
 Добра коня середь бѣла двора,
 Не привязана и не приказана;
 Самъ пошелъ во передню во столовую.
 Онъ крестъ кладетъ пописанному,
 Поклонъ ведетъ да поученому
 На всѣ три-четыре на стороны,
 Княгинѣ-то Апраксіи да въ особину:
 „Здравствуешь, княгиня Апраксія!
 Гдѣ есть солнышко Владимиръ стольно-кѣвскій?“
 Говоритъ княгиня тутъ Апраксія:
 — А солнышко Владимиръ стольно-кѣвскій къ обѣ-
 днѣ споль.—

Онъ пошелъ во церковь тутъ во Божію.
 По тыя по улицы по широкія
 Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
 Да ихъ подлило водою дождевою,
 Сдѣлалась грязь-то по колѣну де,
 Замаралъ онъ сапожки-то зеленъ сафьянъ.
 Приходить во церковь во Божію,
 Крестъ кладеть пописанному,
 Да поклонъ ведеть ноученому
 На всѣ три-четыре стороны,
 А солнышку Владимиру да въ особину:
 „Здравствуешь, солнышко Владимиръ стольно-кѣв-
 скій

Со своей княгиней съ Апраксіей!“
 Говорилъ Владимиръ стольно-кѣвскій:
 — Ты откудашной, удалой добрый молодець,
 Ты коей орды, да ты коей земли,
 Какъ тебя именемъ зовуть,
 Нарекаютъ тебя по отечеству?—
 Говорить удалый добрый молодець,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
 „Я есть изъ Индіи изъ богатыхъ,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
 Отстоялъ дома раннюю заутреню
 И сюда прѣхалъ къ обѣднѣ де“.
 Говорятъ всѣ князи да всѣ бояра,
 Тая-жь говоритъ да вся мелка чета:
 — Что не быть этому молодому боярину,
 Тому же ли Дюку Степановичу,
 А есть какойнибудь дѣтинушка залѣшанинъ.
 Онъ убилъ кушца, либо боярина,
 Надѣлъ платьевъ дѣтина не выдаючи,
 Все онъ, дѣтина, на платьѣ поглядываетъ.—
 Вышли они со Божьей со церкви,
 Вышли они на улицу на широкую,
 На ту дуброву на зелену.
 Говорить молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,
 Что Кіевъ-градъ очень красивъ-добристь,
 Ажно въ Кіевѣ да не понашему:
 Церкви-то у васъ всѣ деревянныя,
 У васъ маковки на церквахъ всѣ осиновыя,
 А мостовыя у васъ черною землею засыпаны,
 Подлило водою ихъ дождевою де,
 Сдѣлалась грязь-то по колѣну де;
 Замаралъ я сапожки-то зелень сафьянъ“.

Какъ приходятъ тутъ въ палаты бѣлокаменны.
 Садились они тутъ за дубовъ столъ,
 За дубовъ столъ хлѣба кушати,
 Они бѣлыхъ калачиковъ рушати.
 Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ мякишъ ѣсть, а корку подъ столъ мечеть.
 Говоритъ Владимиръ стольно-кіевскій,
 Самъ говоритъ да таково слово:
 — Ахъ ты на что же мякишъ ѣшь,
 Корку подъ столъ мечешь?—

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки,
 Что Кіевъ-градъ очень красивъ-добристь,
 Ажно въ Кіевѣ все не понашему:
 У васъ печечки все каменныя,
 Помялчики у васъ сосновыя,
 Пахнутъ калачики крупичаты
 На тую ль на сѣру на сосновую,
 На сосновую на сѣру на капучую;
 Не могу я ѣсть калачиковъ крупичатыхъ.
 Какъ у моей государыни родной матушки,
 У честной вдовы Мамелфы Тимоѣевны,
 Тамъ церкви есть у насъ все каменныя,
 Известочкой онѣ отбѣлены,
 Маковки на церквахъ самоцвѣтныя;
 У насъ крышечки ли въ домахъ золоченыя,
 Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
 Сорочинскія суконца приразостланы,

Не замараешь тутъ сапожковъ-то зеленъ сафьянъ,
Идучись во церковь Божию;

У насъ печечки ли въ домахъ все муравлены,
А помячки у насъ въ домахъ все шелковыя,
Пекеть она все калачики крупичаты;

Калачикъ съѣшь - другой хочется,
Другой съѣшь - по третьемъ душа горить,
Третій съѣшь - четвертый съ ума нейдетъ“.

Говорить Владимиръ стольно-кїевскїй:

— Я вижу, что ты молодець захвасливый;
Ты ударь съ нашимъ Чурилой о великъ закладъ,
Что вамъ ѣхать въ чисто поле поляковать,
Чтобъ на всякой день были кони смѣнные,

Смѣнные кони, перемѣнные,
Снова наново, все на три года,
На три года, да еще на три дня,
Чтобы въ три года такой шерсти не было;

Чтобы на всякій день платья были цвѣтныя,
Цвѣтныя платья, перемѣнные,
Снова наново, все на три года,
И на три года, да еще на три дня,

Чтобы въ три года такого цвѣта не было;
И въ третій день вамъ итти ко Божьей церкви:

Который-то добрѣе у васъ выступить,
Другому голова рубить.—

По тоемъ было Чурилы по Пленковичи
А держали поруку двумя градмы:
Первымъ Кїевомъ, другимъ Чернигомъ;

А потомъ было по молодомъ бояринѣ,
По немъ не было никакой порукушки,
А держалъ по немъ крѣпкую поруку-то

Тотъ владыка Черниговскїй,
Тотъ крестовый его батюшка,

А не спустя боярина домой сгонять
За своимъ за платьицемъ за цвѣтнымъ.

Закручинился бояринъ, запечалился,
Садился скоро на ременчатъ стулъ,

Писалъ онъ скорописчатые ярлыки,
 Полагалъ въ сумки переметныя,
 Отпущалъ онъ мала бурушка-кавурушка.
 Тутъ сталъ его бурушка поскакивать
 Съ горы на гору, съ холмы на холму,
 Рѣки, озера перескакивать,
 Широки раздолья между ногъ пущать.

Какъ будетъ во Индіи во богатя
 У его государыни родной матушки
 На широкомъ дворѣ,
 Заржай голосомъ лошадинымъ;
 Тутъ услышала государыня родна матушка,
 Выбѣгала она на крыльцо на переное,
 Увидала она своего добра коня,
 Сама говоритъ да таково слово:
 „Видно, нѣтъ жива рожинова дитятки,
 Стоитъ у крыльца одинъ добрый конь“.
 Увидала она сумки переметныя,
 Сама говоритъ да таково слово:
 „Что рожино мое дитятко захвасливо,
 Захвасливо, да, знать, захвачено“.
 Снимала она сумки переметныя,
 Вынимала скорописчатые ярлыки,
 Полагала ему платья цвѣтныя,
 По три пары положила на всякій день,
 Ново наново на три года,
 Ай на три года, да еще на три дня,
 Отпущала мала бурушка-кавурушка.

Какъ онъ будетъ во градѣ во Киевѣ
 У ласкова князя у Владимира,
 У Владимира на широкомъ дворѣ,
 Заржай голосомъ лошадинымъ:
 Всѣ во градѣ приужаснулись.
 Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Знать, пришелъ малый бурушка-кавурушка“.
 Получалъ свои платья цвѣтныя.

Тутъ поѣхали они во чисто поле поляковать:
 Тотъ Чурилушка Пленковичъ
 Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Пораньше по утру повыстанеть,
 Бурка въ росы онъ повыкатаетъ,
 На буркѣ-то шерсть перемѣнится.
 Проѣздили они цѣло три года,
 Цѣло три года, да еще по три дня;
 Сегодня имъ итти ко Божьей церкви:
 „А который-то добрѣе изъ насъ выступить,
 Другому изъ насъ голова рубить“.

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ,
 Во своемъ во градѣ ему дѣется,
 Приходилъ какъ въ церковь Божию,
 Тотъ Чурилушка Пленковичъ
 Онъ становился на крылосо на правое,
 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Становился на крылосо лѣвое.
 Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
 Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
 Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
 Какъ отъ пуговки было до пуговки,
 Плыветъ Змѣище Горынчище.
 Тутъ всѣ въ церкви приужаснулись,
 Сами говорятъ таково слово:
 „Что у нашего Чурилушки Пленковича
 Есть отмѣточка противъ молода боярина,
 Противъ молода Дюка Степановича“.
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Повѣсилъ свою буйну голову,
 Утупилъ ясны очи во сыру землю,
 Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
 Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
 Вдругъ заплѣли птицы пѣвучія,
 Закричали звѣрки всѣ рыкучіе;
 А тутъ всѣ въ церкви да о земь пали,

О земь пали, а иные обмерли.
 Говорить Владимиръ стольно-кїевскїй:
 — Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Приуйми-ка птицы ты клеучія,
 Призакличь-ка звѣрей ты рыкучїихъ,
 Оставь людей намъ хоть на сѣмена.—
 Говорилъ молодой Дюкъ Степановичъ:
 „Ахъ ты, солнышко Владимиръ стольно-кїевскїй!
 Не твое я сегодня ѣмъ да кушаю,
 Не хочу я тепереча тебя слушати“.
 Говорить владыка-то Черниговскїй:
 — Ахъ ты ей, крестово мое дитятко,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Приуйми-ка птицы ты клеучія,
 Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучїихъ,
 Оставь людей намъ хоть на сѣмена.—
 Онъ послушалъ крестоваго своего батюшки,
 Онъ приунялъ птицъ тыхъ пѣвучїихъ,
 Призакликалъ звѣрей тыхъ рыкучїихъ,
 Самъ говорилъ таково слово:
 „Ахъ ты, солнышко Владимиръ стольно-кїевскїй!
 Намъ которому съ Чурилой голова рубить?“
 А тутъ говорилъ Чурилушка Пленковичъ:
 „Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Ты ударь-ко о великъ закладъ:
 Переѣхать намъ черезъ Пучай-рѣку,
 А и Пучай-рѣка на два поприща;
 Который-то не можетъ перескочить,
 Тому изъ насъ и голова рубить“.
 Поѣхали они чрезъ Пучай-рѣку.
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Твоя похвальба напередъ зашла,
 Поѣзжай черезъ рѣку ты попереди“.
 Какъ поѣхалъ Чурила чрезъ Пучай-рѣку,
 О полу-рѣки Чурила въ воду вверзился,
 А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Скоро-наскоро скочилъ чрезъ Пучай-рѣку,

Еще того скорѣе поворотъ держалъ,
 О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
 Повытащилъ Чурилу съ конемъ съ воды,
 А самъ говоритъ таково слово:
 „Ты, солнышко Владимиръ стольно-кѣвскій!
 Намъ которому съ Чурилой голова рубить?“
 Говорилъ Владимиръ стольно-кѣвскій:
 — Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилы буйной головы,
 А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.—
 Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
 Пусть ты княземъ ты Владимиромъ упрошенный,
 Пусть ты кѣвскими бабами уплаканный,
 Не ѣзди съ нами, со бурлаками,
 А сиди во градѣ во Кѣвѣ,
 Ты во Кѣвѣ во градѣ между бабами!“

Тутъ солнышко Владимиръ стольно-кѣвскій,
 Онъ сталъ отправлять туда *) оцѣнщиковъ,
 Его Дюковыхъ животовъ описывать:
 Онъ стараго казака Илью Муромца,
 Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича,
 А во третьихъ Алешу Поповича.
 Испроговорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Не посылайте-ка Алешеньки Поповича,
 А его глазишечки поповскіе,
 Поповскіе глазишечки завидливы,
 А ему отголь да вѣдь не выѣхать.
 Посылайте-ка стараго казака Илью Муромца,
 Въ другихъ молода Добрынюшку Никитича;
 Не берите-ка бумаги на три мѣсяца,
 А вы берите-ка бумаги на три года,
 А на три года, да еще и на три дня“.

Какъ отправились они въ Индію во богатую,
 Подѣхали подѣ Индію подѣ богатую,

*) Въ Индію,

Побытали на гору на высокую,
 Увидѣли Индію тую богатую,
 Сами говорятъ да таково слово:
 „Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ послалъ, знать, туда вѣсточку на родину,
 Чтобы зажигали Индію ту богатую:
 Ай, горитъ Индія та богатая!“
 Какъ подѣхали они поближе де:
 У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
 У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
 Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
 Сорочинскія суконца приразостланы.
 Пришли они въ палаты бѣлокаменны,
 Ай, сидитъ жена стара-матера,
 Стара-матера сидитъ жена вся въ золотѣ.
 Они бьютъ челомъ да поклоняются:
 „Ты здравствуешь, Дюковая матушка!“
 Говоритъ жена стара-матера:
 — Что я есть не Дюковая матушка. —
 Пришли они въ покои въ другіе:
 Сидитъ жена стара-матера,
 Еще болѣе того она въ золотѣ,
 Она въ золотѣ да она въ серебрѣ.
 Они бьютъ челомъ да поклоняются:
 „Ты здравствуешь, Дюковая матушка!“
 Говоритъ жена стара-матера:
 — Что я есть не Дюковая матушка,
 А есть Дюкова калачница. —
 Говорятъ послы да княженецкіе:
 „Гдѣ же есть Дюкова матушка?“
 Говоритъ жена да стара-матера:
 — Что ушла она къ обѣдни ко долгія. —
 Идетъ она изъ церкви изъ Божія,
 Двое-трое ю ведутъ подъ руки,
 Она бьетъ челомъ, поклоняется:
 — Вы здравствуйте, мужики вы общѣнники!
 Вы зачѣмъ сюда теперь пріѣхали?

Знать, сиротскихъ животишечекъ описывать?—
 Садилися они за дубовъ столъ хлѣба кушати,
 Они стали ѣсть калачиковъ крупчатыхъ:
 Калачикъ-отъ съѣдятъ — другаго хочется,
 Другой съѣдятъ—по третьемъ душа горить,
 Третій съѣдятъ — четвертый съ ума нейдетъ.
 Вышли изъ-за стола изъ-за дубоваго.
 Проводила она ихъ во погреба,
 Посадила она ко сбруямъ ко лошадинымъ:
 Писали они тутъ по три года,
 По три года они писали, по три дня,
 Не могли обцѣнить однѣхъ сбруй лошадиныхъ.
 Повела она ихъ по погребамъ да по глубокимъ:
 Висятъ бочки красна золота,
 А другія висять чиста серебра,
 А третьи висять скатна жемчуга.
 Повывела она на широкій дворъ:
 А течеть тутъ струйка золоченая,
 А тутъ не могли они смѣты дать.
 Говорила мужикамъ она обцѣнщикамъ:
 — Вы скажите-ка солнышку Владимиру,
 Пушай попродасть на бумагу весь Кіевъ градъ,
 На чернила продасть весь Черниговъ градъ,
 Тожно пусть пріѣдетъ животишечковъ описывать. —
 Какъ пріѣхали ко граду ко Кіеву,
 Къ тому ли ко солнышку ко Владимиру,
 Сами говорятъ таково слово:
 „Ахъ ты, солнышко Владимиръ стольно-кіевскій!
 Наказывала тебѣ Дюкова матушка:
 Велѣла на бумагу продать она весь Кіевъ градъ,
 На чернила продать весь Черниговъ градъ,
 Тожно пріѣхать животишечковъ описывать“.
 Говорилъ Владимиръ стольно-кіевскій:
 — Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 За твою за великую за похвальбу
 Ты торгуй въ нашемъ во градѣ во Кіевѣ,
 Во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безъ пошрины,—

Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ поѣхалъ къ государынѣ родной матушкѣ,
Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.

Василій Буслаевичъ.

I.

Жилъ Буславьюшка—не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожное,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ.
Сталъ Васенька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ, рука прочь,
За ногу возьметъ, нога прочь;
А котораго ударить по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
И говорятъ мужики новгородскіе:
„Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
Тебѣ съ эстою удачей молодецкою
Наквасити рѣка будетъ Волхова“.

Идетъ Василій въ широкія улочки,
Не весель домой идетъ, не радошень,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честная вдова Авдотья Васильевна:
—Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожное,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ,
Что идешь не весель, не радошень?
Кто же ты на улушкѣ приобидѣлъ? —
„А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ:
Я кого возьму за руку, рука прочь,
За ногу кого возьму, нога прочь,
А котораго ударю по горбу,

Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
 А говорили мужики новгородскіе,
 Что мнѣ съ эстою удачею молодецкою
 Наквасити рѣка будетъ Волхова“.
 И говорить мать таковы слова:
 —Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
 Прибирай-ка себѣ дружину хоробрую,
 Чтобъ никто тя въ Новѣградѣ не обидѣлъ.—
 И налилъ Василій чашу зелена вина,
 Мѣрой чашу полтора ведра;
 Ставилъ чашу среди двора
 И самъ ко чашѣ приговаривалъ:
 „Кто эту чашу приметъ одной рукой
 И выпьетъ чашу за единъ духъ,
 Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!“
 И сѣдился на ременчатъ стулъ,
 Писалъ скорописчатые ярлыки;
 Въ ярлыкахъ Васенька прописывалъ:
 „Зоветь-жалуетъ на почестенъ пиръ“;
 Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ
 И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.
 И пошли мужики новгородскіе
 Изъ тоя изъ церкви изъ соборныя;
 Стали стрѣлочки похаживать,
 Господа стали стрѣлочки посматривать:
 „Зоветь-жалуетъ Василій на почестенъ пиръ“.
 И собиралися мужики новгородскіе уваламы,
 Уваламы собиралися, переваламы,
 И пошли къ Василью на почестенъ пиръ.
 И будутъ у Василья на широкомъ на дворѣ,
 И сами говорятъ таковы слова:
 „Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
 Мы теперъ стали на твоємъ дворѣ,
 Всю мы у тя ѣству выѣдимъ,
 И всѣ напитки у тя выпьемъ,
 Цвѣтно платице повиносимъ,
 Красно золото повиытачимъ“.

Этыя рѣчи ему не слюбились.
 Выскочилъ Василій на широкій дворъ,
 Хваталь-то Василій черленый вязъ
 И зачалъ Василій по двору похаживати:
 Куда махнетъ—туды улочка,
 Перемахнетъ—переулочекъ;
 И лежать-то мужики уваламы,
 Уваламы лежать, переваламы,
 Набило мужиковъ, какъ погодую.
 И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
 Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ
 Ко Васильюшкѣ на широкій дворъ.
 Идетъ-то Новоторжанинъ
 Ко той ко чары зелена вина
 И бралъ-то чару одной рукой,
 Выпилъ эту чару за единый духъ.
 Какъ выскочилъ Василій со новыхъ сѣней,
 Хваталь-то Василій черленый вязъ,
 Какъ ударилъ Костю-то по горбу:
 Стоитъ-то Костя—не крянется,
 На буйной головы кудри не ворохнутся.
 „Ай же ты, Костя Новоторжанинъ!
 Будь моя дружина хоробрая,
 Поди въ мои палаты бѣлокаменны“.
 Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ.
 Идетъ-то Потанюшка Хроменькій
 Ко Василію на широкій дворъ,
 Ко той ко чары зелена вина,
 Бралъ тое чару одной рукой
 И выпилъ чару за единый духъ.
 Какъ выскочитъ Василій со новыхъ сѣней,
 Хваталь Василій черленый вязъ,
 Ударитъ Потанюшку по хромымъ ногамъ:
 Стоитъ Потанюшка—не крянется,
 На буйной головы кудри не ворохнутся.
 „Ай же, Потанюшка Хроменькій!
 Будь моя дружина хоробрая,

Поди въ мои палаты бѣлокаменны⁴.
 Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ.
 Идетъ-то Хомушка Горбатенькій
 Ко той ко чары зелена вина.
 Бралъ-то чару одной рукой
 И выпилъ чару за единый духъ.
 Того и бить не шелъ со новыхъ сѣней:
 „Ступай-ка въ палаты бѣлокаменны,
 Пить намъ напитки сладкіе,
 Ъства-то ѣсть сахарныя,
 А бояться намъ въ Новѣградѣ некого!“
 И бралъ Василій три дружины въ Новѣградѣ.
 И завелся у князя новгородскаго почестенъ пиръ
 На многихъ князей, на бояръ,
 На сильныхъ могучихъ богатырей,
 А молодца Василя не почествовали.
 Говорить матери таковы слова:
 „Ай же ты, государыня матушка,
 Честна Авдотья Васильевна!
 Я пойду къ князьямъ на почестенъ пиръ“.
 Возговорить Авдотья Васильевна:
 — Ай же ты, мое чадо милое,
 Милое чадо роженое!
 Званому гостю мѣсто ѣсть,
 А незваному гостю мѣста нѣтъ. —
 Онъ, Василій, матери не слушался,
 А взялъ свою дружину хоробрую
 И пошелъ къ князю на почестенъ пиръ.
 У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
 Прямо шелъ во гридню столовую,
 А правой ногой за дубовый столъ,
 За дубовый столъ, въ большой уголъ,
 И тронулся на лавочку къ пестно-углу,
 И попехнулъ Василій правой рукой,
 Правой рукой и правой ногой:
 Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ,

Другіе гости перепалися,
 Отъ страху по домамъ разбѣжались.
 И зашелъ Василій за дубовый столъ
 Со своей дружиною хороброю.
 Опять всѣ на пиръ собиралися,
 Всѣ на пиру наѣдалися,
 Всѣ на почетномъ напивалися
 И всѣ на пиру порасхвастались.
 Возговоритъ Костя Новоторжанинъ:
 — А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати;
 Я остался отъ батюшки малешенекъ,
 Малешенекъ остался и зеленешенекъ.
 Развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати:
 Ударить съ вами о великѣ закладъ
 О буйной головы на весь на Новгородъ,
 Окромѣ трехъ монастырей —
 Спаса Преображенія,
 Матушки Пресвятой Богородицы
 Да еще монастыря Смоленскаго. —
 Ударили оны о великѣ закладъ,
 И записи написали,
 И руки приложили,
 И головы приклонили:
 Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ,—
 Хотъ свалятъ Василья до мосту,
 Вести на казнь на смертную,
 Отрубить ему буйна голова;
 Хотъ свалятъ Василья у моста,
 Вести на казень на смертную,
 Отрубить ему буйна голова;
 Хотъ свалятъ Василья посередь моста—
 Вести на казень на смертную,
 Отрубить ему буйна голова.
 А ужъ какъ пройдетъ третью заставу,
 Тожно больше дѣлать нечего.
 И пошелъ Василій со пира домой,
 Не веселъ идетъ домой, не радошень,

И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:

— Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо роженое!

Что идешь не весель, не радошень?—

Говорить Васильюшка Буславьевичъ:

„Я ударилъ съ мужиками о великъ закладъ —

Итти съ утра на Волховъ мостъ:

Хоть свалять меня до моста,

Хоть свалять меня у моста,

Хоть свалять меня посередь моста,

Вести меня на казень на смертную,

Отрубить мнѣ буйна голова.

А ужъ какъ пройду третью заставу,

Тожно больше дѣлать нечего“.

Какъ услышала Авдотья Васильевна,

Запирала Василья въ клѣточку желѣзную.

Подперла двери желѣзныя

Тымъ ли вязомъ черленимъ,

И налила чашу красна золота,

Другую чашу чиста серебра,

Третью чашу скатна жемчуга,

И понесла въ даровья князю новгородскому,

Чтобы простилъ сына любимаго.

Говорить князь новгородскій:

„Тожно прошу, когда голову срублю!“

Пошла домой Авдотья Васильевна,

Закручинилась, пошла, запечалилась,

Разсѣяла красно золото и чисто серебро,

И скатень жемчугъ по чисту полю,

Сама говорила таковы слова:

— Не дорого мнѣ ни злато, ни серебро, ни ска-
тень жемчугъ,

А дорога мнѣ буйная головушка

Своего сына любимаго,

Молода Васильюшка Буслаева.—

И спить Василій, не пробудится.

Какъ собирались мужики уваламы,
Уваламы собирались, переваламы,
Съ тыма шалыгамы подорожныма,
Кричатъ они во всю голову:

„Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мость,
Рушай-ка завѣты великіе!“

И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
И убилъ-то онъ силы за другое сто,
Убилъ-то онъ силы за третье сто,
Убилъ-то онъ до пяти сотъ.

На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій
И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.

И мыла служанка Васильевна, портомойница,
Платьца на рѣкѣ на Волховѣ,
И стало у дѣвушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать,
Убило силы-то за цѣло сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то до пяти сотъ.

И прискочила ко клѣточкѣ желѣзныя,
Сама говоритъ таковы слова:

— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!

Ты спишь, Василій, не пробудишься,

А твоя дружина хоробрая

Во крови ходить, по колѣнъ бродить.—

Со сна Василій пробуждается,

А самъ говоритъ таковы слова:

„Ай же ты, любезная моя служаночка,

Отопри-ка двери желѣзныя“.

Какъ отперла ему двери желѣзныя,

Хваталъ Василій свой черленый вязъ

И пришелъ къ мосту ко Волховскому,

Самъ говоритъ таковы слова:

— Ай же, любезна моя дружина хоробрая,

Поди-тко теперъ опочивъ держать,

А я теперъ стану съ ребятами поигрывать.—

И зачалъ Василій по мосту похаживать,
 И зачалъ онъ вязомъ помахивать;
 Куды махнетъ—туды улица,
 Перемахнетъ—переулочекъ;
 И лежать-то мужики уваламы,
 Уваламы лежать, переваламы,
 Набило мужиковъ, какъ погодую.
 И встрѣчу идетъ крестовый братъ,
 Во рукахъ несетъ шалыгу девяноста пудъ,
 А самъ говорить таковы слова:
 „Ай же ты, мой крестовый брателко,
 Молодой курень, не попархивай,
 На своего крестоваго брата не наскакивай!
 Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
 Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ,
 И нынѣ-то я надъ тобой буду большій братъ“.
 Говорить Василій таковы слова:
 — Ай же ты мой крестовый брателко!
 Тебя ли чортъ несетъ на встрѣчу мнѣ?
 А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
 Головамы, братецъ, играемся.—
 И ладитъ крестовый его брателко
 Шалыгой хватить Василья въ буйну голову,
 Василій хватилъ шалыгу правой рукой
 И билъ-то брателка лѣвой рукой,
 И пиналъ-то онъ лѣвой ногой:
 Давно у брата и души нѣтъ;
 И самъ говорилъ таковы слова:
 „Нѣтъ на друга на стараго,
 На того ли на брата крестоваго,
 Какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ“.
 И пошелъ Василій по мосту съ шалыгою,
 И на встрѣчу Васильюшкѣ Буслаеву
 Идетъ крестовый батюшка, Старичище Пилигри-
 мище:
 На буйной головы колоколъ пудовъ во тысячу,
 Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ.

Говорить Старичице Пилигримице:
 — Ай же ты, мое чаделко крестовое,
 Молодой курень, не попархивай,
 На своего крестоваго батюшка не наскакивай!—
 И возговорить Василий Буславьевичь:
 „Ай же ты, мой крестовый батюшка!
 Тебя ли чортъ несетъ во той поры
 На своего любимаго крестничка?
 А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
 Головамы, батюшка, играемся“.
 И здынулъ шалыгу девяноста пудъ,
 Какъ хлыстнулъ своего батюшка въ буйну голову,
 Такъ рассыпался колоколь на ножевые черенья,
 Стоитъ крестный не скренется,
 Желтыя кудри не ворохнутся.
 Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
 И хлестнулъ-то крестнаго батюшка
 Въ буйну голову промежь ясны очи:
 И выскочили ясны очи, какъ пивни чаши,
 И напустился тутъ Василий на дома на каменные.
 „Ай же ты, Авдотья Васильевна!
 Закличь своего чада милаго,
 Милаго чада рононаго,
 Молода Васильюшка Буслаева:
 Хоть бы оставилъ народу на сѣмена“.
 Выходила Авдотья Васильевна со новыхъ сѣней,
 Закликала своего чада милаго.

II.

Приходить Василий Буслаевичь
 Ко своему двору дворянскому,
 Ко своей сударынѣ матушкѣ,
 Матерой вдовѣ Авдотѣ Васильевнѣ,
 Какъ вьюнъ околом ея увивается,
 Просить благословеніе великое:

„А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
 Матера вдова Авдотья Васильевна!
 Дай мнѣ благословеніе великое.—
 Итти мнѣ, Василью, въ Ерусалимъ-градъ,
 Со всею дружиною хораброю,
 Мнѣ ко Господу помолитися,
 Святой святынѣ приложитися,
 Во Ердани-рѣкѣ искупатися“.

Что возговорить матера вдова,
 Матера Авдотья Васильевна:
 — Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Василій Буслаевичъ!
 То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
 Тебѣ дамъ благословеніе великое;
 То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
 И не дамъ благословенія великаго,
 А и не носи Василья сыра земля.—
 Камень отъ огня разгорается,
 А булатъ отъ жару растопляется,
 Материно сердце распущается;
 И даетъ она много свинцу, пороху,
 И даетъ Василью запасы хлѣбныя,
 И даетъ оружье долгомѣрное:

„Побереги ты, Василій, буйну голову свою“.

Скоро молодцы собираются
 И съ матерой вдовой прощаются.
 Походили они на червленъ корабль,
 Подымали тонки парусы полотняные,
 Побѣжали по озеру Ильмену;
 Бѣгутъ они ужъ сутки другія,
 А бѣгутъ уже недѣлю другую,—
 Встрѣчу имъ гости-корабельщики:
 — Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
 Куда, молодець, поизволилъ погулять?—
 Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
 „Гой еси вы, гости-корабельщики!
 А мое-то вѣдь гулянье неохотное:

Съ молоду бито много, граблено,
 Подъ старость надо душа спасти;
 А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого пути
 Ко святому граду Іерусалиму“.

Отвѣчаютъ ему гости-корабельщики:

— А и гой еси, Василій Буслаевичъ!

Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ-градъ

Бѣжать семь недѣль,

А окольной дорогою полтора года.

На славномъ морѣ Каспійскимъ,

На томъ острову на Куминскимъ,

Стоитъ застава крѣпкая,

Стоять атаманы казачіе,

Не много, не мало ихъ—три тысячи;

Грабятъ бусы, галеры,

Разбиваютъ червленые корабли.—

Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:

„А не вѣрую я, Васенька, ни въ сонъ, ни въ
 чохъ,

А и вѣрую въ свой червеной вязъ;

А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ“...

Будутъ они во Ердань-рѣкѣ,

Бросали якоря крѣпкіе,

Сходни бросали на круть бережокъ.

Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ

Со своею дружиною хораброю

Въ Іерусалимъ-градъ;

Пришелъ во церкву соборную,

Служилъ обѣдни за здравіе матушки

И за себя, Василья Буслаевича;

И обѣдню съ панихидою служилъ

По родимомъ своемъ батюшкѣ

И по всему роду своему;

На другой день служилъ обѣдни съ молебнами

Про удалыхъ добрыхъ молодецвъ,

Что съ молоду бито много, граблено.

И ко святой святынѣ приложился онъ.

И расплатился Василій съ ꙗѡпами и съ дьяко-
нами,

И которые старцы при церкви живутъ,
Дають золотой казны не считаючи.
И походить Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.
Какъ у молода Васильюшки Буславьева
Богатырско его сердце пожадѣлося,
Пожадѣлося сердце и разгорѣлося
Съѣздить со дружиною хороброю
На тую на матушку Ердань-рѣку
И во Ердань-рѣкѣ окупатися,
А на Ѡаворь-горѣ осушитися,
Со своей дружиной со хороброей.

И вся его дружина хоробрая
Купались въ Ердань-рѣкѣ во рубашечкахъ,
А онъ же Василій Буславьевичъ,
Купался Василій нагимъ тѣломъ.
А его свѣтъ государыня матушка,
Честная вдова Авдотья Васильевна
По поѣздѣ его давала родительско благословеніе:
„Ай же ты, мое чадо милое!
Будешь ты у матушки Ердань-рѣки,
Не куплись, Васильюшка, нагимъ тѣломъ:
Нагимъ тѣломъ купался самъ Исусъ Христосъ“.
А онъ же, Васильюшка Буславьевичъ,
Нарушилъ родительско благословеньице,
Не послушалъ государыни матушки:
Окупался Василій нагимъ тѣломъ.
Скоро сѣдѣли на добрыхъ коней
И поѣхали на славну на Ѡаворь-гору,
Ко тому ко каменю ко Латырю,
И ко той ко церкви соборныя,
Которая стоить со двѣнадцатью престолами,
У того у камня у Латыря,
На которомъ камени преобразился самъ Исусъ Хри-
стосъ.

Не дойдучись до камня до Латыря,
 На томъ на раздолѣ на широкомъ
 Увидѣлъ Васильюшка Буславьевичъ
 Лежащую кость богатырскую,
 И началъ Васильюшка Буславьевичъ
 Кость богатырскую попинывать,
 Плеткой шелковой похлестывать.
 Воспроговорить кость богатырская:
 „Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
 Ты почто меня ножкою попинываешь,
 Почто меня плеткой похлестываешь?
 Хотя ѣдешь ты во церковь въ соборную
 Ко тому ко Латырю ко камению,
 Ко тому ко образу Преображенскому,
 То не доѣхать ти до церкви соборнїя
 И до того до камня до Латыря,
 И до того образа Преображенскаго“.
 Плюнулъ Васильюшка Буславьевичъ
 На тую на кость на богатырскую,
 А самъ говорилъ таковы слова:
 — Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!—
 И такъ Васильюшка повѣздъ держаль
 Ко той ко церкви ко соборнїя,
 Ко тому ко камению ко Латырю.

Не дойдучись до церкви до соборнїя,
 Увидѣлъ предъ собою бѣлъ и великъ камень,
 И на камени подпись подписана:
 „Кто перескочитъ трожды черезъ бѣлъ камень,
 Тотъ достигнетъ церкви соборнїя
 И тому образу Преображенскому;
 А кто не перескочитъ черезъ бѣлъ камень,
 Тотъ не достигнетъ церкви соборнїя
 И тому образу Преображенскому“.
 Говорить Василій таково слово:
 — Ай же ты, дружина моя хоробрая!
 Скачите черезъ бѣлъ горючъ камень.—
 И вся его дружина хоробрая

Трожды перескочила черезъ бѣль камень.
 Тутъ-то Васильюшка Буславьевичъ
 Въ слѣдъ дружины своя хоробрый
 Началь черезъ бѣль камень перескакивать.
 Разъ скочилъ и другой скочилъ,
 И на третій говорить дружины хоробрый:
 — Я на третій разъ не передомъ, задомъ пере-
 скочу.—

Скочилъ задомъ черезъ бѣль горючъ камень,
 И задѣла за камень ножка правая,
 И упалъ Васильюшка Буславьевичъ
 О жестокъ камень своимъ плечмы богатырскимъ.
 И тутъ Василью славы поють,
 И во вѣки тоя слава не минуетъ.

Садко, богатый гость.

Въ славномъ во Новѣградѣ
 Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
 А прежде у Садка имущества не было:
 Однѣ были гусельки яровчаты;
 По пирамъ ходилъ—игралъ Садко.
 Садка день не зовутъ на почестень пирь,
 Другой не зовутъ на почестень пирь
 И третій не зовутъ на почестень пирь.
 По томъ Садко соскучился:
 Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
 Садился на бѣль-горючъ камень
 И началъ играть въ гусельки яровчаты.
 Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
 Тутъ-то Садко перепался,
 Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
 Садка день не зовутъ на почестень пирь,
 Другой не зовутъ на почестень пирь
 И третій не зовутъ на почестень пирь.
 По томъ Садко соскучился.
 Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,

Садился на бѣль-горючъ камень
 И началъ играть въ гусельки яровчаты.
 Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
 Тутъ-то Садко перепался,
 Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
 Садка день не зовуть на почестень пирь,
 Другой не зовуть на почестень пирь
 И третій не зовуть на почестень пирь.
 По томъ Садко соскучился.

Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
 Садился на бѣль-горючъ камень
 И началъ играть въ гусельки яровчаты.
 Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
 Показался царь морской,
 Вышелъ со Ильменя со озера,
 Самъ говорилъ таковы слова:

— Ай же ты, Садко новгородскій!
 Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
 За твои за утѣхи за великія,
 За твою-то игру нѣжную:

Аль безсчетной золотой казной?
 А не то ступай во Новгородъ
 И ударь о великъ закладъ,
 Заложь свою буйну голову,
 И выряжай съ прочихъ купцовъ
 Лавки товара краснаго,
 И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
 Есть рыба—золоты перья.

Какъ ударишь о великъ закладъ,
 И поди, свяжи шелковой неводъ,
 И пріѣзжай ловить въ Ильмень-озерѣ:
 Дамъ три рыбины—золоты перья.
 Тогда ты, Садко, счастливъ будешь.—

Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
 Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
 Позвали Садко на почестень пирь.
 Какъ тутъ Садко новгородскій

Сталъ играть въ гусельки яровчаты.
 Какъ тутъ стали Садко попаивать,
 Стали Садку поднашивать,
 Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастьвать:
 „Ай же вы, купцы новгородскіе,
 Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень-озерѣ:
 А есть рыба—золоты перья въ Ильмень-озерѣ“.
 Какъ тутъ-то купцы новгородскіе
 Говорять ему таковы слова:
 —Не знаешь ты чуда чуднаго,
 Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба—золоты
 перья.—

„Ай же вы, купцы новгородскіе!
 О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
 Ударимъ-ка о великъ закладъ:
 Я заложу свою буйну голову,
 А вы залагайте лавки товара краснаго“.
 Три купца повыкинулись,
 Заложили по три лавки товара краснаго.
 Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
 И поѣхали ловить въ Ильмень-озерѣ,
 Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
 Добыли рыбку—золоты перья;
 Закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
 Добыли другую рыбку—золоты перья;
 Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
 Добыли третью рыбку—золоты перья.
 Тутъ купцы новгородскіе
 Отдали по три лавки товара краснаго.
 Сталъ Садко поторговывать,
 Сталъ получать барыши великіе.
 Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
 Устроилъ Садко все понебесному:
 На небѣ солнце, и въ палатахъ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.

* * *

Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
 Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
 Тыхъ мужиковъ новгородскихъ
 И тыхъ настоятелей новгородскихъ:
 Ому Назарьева и Луку Зиновьева.
 Всѣ на пиру наѣдались,
 Всѣ на пиру напивались,
 Похвальбамы всѣ похвалялися.
 Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
 Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
 Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
 Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодецествомъ,
 Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
 Безумный хвастаетъ молодой женой.
 Говорятъ настоятели новгородскіе:
 „Всѣ мы на пиру наѣдались,
 Всѣ мы на почестномъ напивались,
 Похвальбамы всѣ похвалялися.
 Что же у насъ Садко ничѣмъ не похваляется,
 Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?“
 Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 —А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
 Чѣмъ мнѣ, Садку, похваляться?
 У меня-ль золота казна не тощится,
 Цвѣтно платьице не носится,
 Дружина хоробра не измѣняется.
 А похвастать не похвастать безсчетной золотой
 казной:

На свою безсчетну золоту казну
 Повыкуплю товары новгородскіе,
 Худые товары и добрые!“
 Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
 Какъ настоятели новгородскіе

Ударили о великъ закладъ,
 О безсчетной золотой казнѣ,
 О денежкахъ тридцати тысячахъ:
 Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
 Худые товары и добрые,
 Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ
 не было.

Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
 Будилъ свою дружину хоробрую,
 Безъ счета давалъ золотой казны
 И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
 А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ,
 Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
 Худые товары и добрые
 На свою безсчетну золоту казну.
 На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
 Будилъ свою дружину хоробрую,
 Безъ счета давалъ золотой казны
 И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
 А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
 Вдвойнѣ товаровъ привезено,
 Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
 На тую на славу на великую новгородскую.
 Опять выкупалъ товары новгородскіе,
 Худые товары и добрые
 На свою безсчетну золоту казну.
 На третій день ставалъ Садко ранымъ рано,
 Будилъ свою дружину хоробрую,
 Безъ счета давалъ золотой казны
 И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
 А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
 Втройнѣ товаровъ привезено,
 Втройнѣ товаровъ принаполнено,
 Подоспѣли товары московскіе
 На ту на великую на славу новгородскую.
 Какъ тутъ Садко пораздумался:
 „Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:

Още повыкуплю товары московскіе,
 Подоспѣють товары заморскіе.
 Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,—
 Побогаче меня славный Новгородъ“.
 Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ
 Денежекъ онъ тридцать тысячей.

* * *

На свою безсчетну золоту казну
 Построилъ Садко тридцать кораблей,
 Тридцать кораблей, тридцать черленыхъ;
 На ты на корабли на черленые
 Свалилъ товары новгородскіе,
 Поѣхалъ Садко по Волхову,
 Со Волхова во Ладожско,
 А со Ладожска во Неву рѣку,
 А со Невы рѣки во сине море.
 Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
 Воротилъ онъ въ Золоту орду,
 Продавалъ товары новгородскіе,
 Получалъ барыши великіе,
 Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста
 серебра,

Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
 Поѣзжалъ онъ по синю морю.
 На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
 Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ,
 А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
 Ломаеть кораблики черленые;
 А корабли нейдуть съ мѣста на синемъ морѣ.
 Говорить Садко купецъ, богатый гость,
 Ко своей дружины ко хоробрый:
 „Ай же ты, дружинушка хоробрая!
 Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
 А морскому царю дани не плачивали:
 Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,

Требуеть дани во сине море.
 Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Взимаите бочку сороковку чиста серебра,
 Спускайте бочку во сине море“.
 Дружина его хоробрая
 Взимали бочку чиста серебра,
 Спускали бочку во сине море:
 А волной-то бьеть, паруса рветь,
 Ломаеть кораблики черленые;
 А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
 Тутъ его дружина хоробрая
 Брали бочку сороковку красна золота,
 Спускаль бочку во сине море,
 А волной-то бьеть, паруса рветь,
 Ломаеть кораблики черленые;
 А кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
 Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 „Видно, царь морской требуетъ
 Живой головы во сине море.
 Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,
 Я самъ сдѣлаю на красномъ на золотѣ,
 Всякъ свои имена подписывайте,
 Спускайте жеребья на сине море:
 Чей жеребей ко дну пойдетъ,
 Таковому итти въ сине море“.
 Дѣлали жеребья вольжаны,
 А самъ Садко дѣлалъ на красномъ на золотѣ,
 Всякъ свое имя подписывалъ,
 Спускали жеребья на сине море;
 Какъ у всей дружины хоробрыя
 Жеребья гоголемъ по воды пловуть,
 А у Садка купца ключемъ на дно.
 Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 „Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Этые жеребья неправильны:
 Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
 А я сдѣлаю жеребей вольжаный“.

Дѣлали жеребья на красномъ на золотѣ,
 А самъ Садко дѣлалъ жеребей вольжанный,
 Всякъ свое имя подписывалъ,
 Спускали жеребья на сине море:
 Какъ у всей дружины хоробрый
 Жеребья гоголемъ по водѣ пловать,
 А у Садка купца ключемъ на дно.
 Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 „Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Видно, царь морской требуетъ
 Самого Садка богатаго въ сине море.
 Несите мою чернилицу вальяжную,
 Перо лебединое, листъ бумаги гербовый“.
 Несли ему чернилицу вальяжную,
 Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
 Онъ сталъ имѣннице отписывать:-
 Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
 Иное имѣнье нищей братіи,
 Иное имѣнье молодой жены,
 Остатнее имѣнье дружины хоробрый.
 Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
 „Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Давайте мнѣ гусельки яровчаты,
 Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
 Больше мнѣ въ гусельки не игрывати,
 Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?“
 Свалили дощечку дубовую на воду,
 Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
 Полетѣли, какъ черные вороны.

Остался Садко на синемъ морѣ.
 Со тоя со страсти со великія
 Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
 Проснулся Садко во синемъ морѣ,
 Во синемъ морѣ на самомъ днѣ,
 Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
 Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Увидѣлъ Садко—во синемъ морѣ
 Стоитъ палата бѣлокаменная;
 Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну:
 Сидитъ въ палатѣ царь морской,
 Голова у царя, какъ куча сѣнная.
 Говоритъ царь таковы слова:
 — Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
 Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
 Мнѣ царю дани не плачивалъ,
 А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
 Скажутъ, мастеръ играть въ гусельки яровчаты:
 Поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты.—
 Какъ началъ играть Садке въ гусельки яровчаты,
 Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
 Какъ расплясался царь морской,—
 Игралъ Садко сутки, игралъ и другія,
 Да игралъ оцѣ Садко и третія,
 А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
 Во синемъ морѣ вода всколебалася,
 Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
 Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
 Стало много гинуть имѣнницевъ,
 Стало много тонуть людей праведныхъ:
 Какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому,
 Какъ тронуло Садка въ плечо во правое:
 — Ай же ты, Садко новгородскій!
 Полно играть въ гусельшки яровчаты!—
 Обернулся, глядитъ Садко новгородскій:
 Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
 Говорилъ Садко новгородскій:
 „У меня воля не своя во синемъ морѣ,
 Приказано играть въ гусельки яровчаты“.
 Говоритъ старикъ таковы слова:
 — А ты струночки повырывай,
 А ты шпенечки повыломай.
 Скажи: „у меня струночекъ не случилось,
 А шпенечковъ не пригодилось,

Не во что больше играть:

Приломались гусельки яровчаты“.

Скажетъ тебѣ царь морской:

„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ

На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?“

Говори ему таковы слова:

„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.

Опять скажетъ царь морской:

„Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,

Выбирай себѣ дѣвицу красавицу“.

Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,

Такъ перво триста дѣвиць пропусти,

И друго триста дѣвиць пропусти,

И третье триста дѣвиць пропусти:

Позади идетъ дѣвица красавица,

Красавица дѣвица Черनावушка,—

Бери тую Чернаву за себя замужь...

Будешь, Садко, въ Новѣградѣ.

А на свою безсчетну золоту казну

Построй церковь соборную Миколѣ Можайскому.—

Садко струночки въ гуселькахъ повыдернулъ,

Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.

Говорить ему царь морской:

— Ай же ты, Садко новгородскій!

Что же не играешь въ гусельки яровчаты?—

„У меня струночки во гуселькахъ выдернулись,

А шпенечки во яровчатыхъ повыломались,

А струночекъ запасныхъ не случилось,

А шпенечковъ не пригодилось“.

Говорить царь таковы слова:

— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ

На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?—

Говорить ему Садко новгородскій:

„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.

Опять говоритъ царь морской:

— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,

Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.—

Вставалъ Садко поутру ранешенько,
 Поглядить—идеть триста дѣвушекъ красныхъ:
 Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
 И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
 И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
 Позади шла дѣвица красавица,
 Красавица дѣвица Чернавушка:
 Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.
 Какъ прошелъ у нихъ столованье почестень пиръ,
 Какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
 О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
 Какъ поглядить—ажно бѣжать
 Свои черленые корабли по Волхову.
 Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
 — Не бывать Садку со синя моря!—
 А дружина поминаетъ одного Садка:
 „Остался Садко во синемъ морѣ!“
 А Садке стоитъ на крутомъ кряжу,
 Встрѣчаетъ свою дружинишку со Волхова.
 Тутъ его ли дружина сдивовалася:
 „Остался Садко во синемъ морѣ,
 Очутился впереди насъ во Новѣградѣ,
 Встрѣчаетъ дружину со Волхова!“
 Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
 И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
 Тутъ его жена зрадовалася,
 Брага Садка за бѣлы руки,
 Цѣловала во уста во сахарнія.
 Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
 Имѣнище—безсчетну золоту казну.
 Какъ повыгрузилъ со черленыхъ кораблей,
 Состроилъ церкву соборную Миколѣ Можайскому.
 Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,
 Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

Отчего перевелись витязи на Руси.

Выѣзжали на Сафать-рѣкѣ
 На закатѣ краснаго солнышка
 Семь удалыхъ русскихъ витязей,
 Семь могучихъ братьевъ названыхъ:
 Выѣзжалъ Гордено Блудовичъ,
 Да Василій Казимировичъ,
 Да Василій Буслаевичъ,
 Выѣзжалъ Иванъ Гостиной сынъ,
 Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
 Выѣзжалъ Добрыня молодець,
 Выѣзжалъ и матерой казакъ,
 Матерой казакъ Илья Муромецъ.

Передъ ними раскинулось поле чистое,
 А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
 Старый дубъ стоитъ, кряковастый.
 У того ли дуба три дороги сходятся:
 Ужъ какъ первая дорога ко Новгороду,
 А вторая-то дорога къ стольному Кіеву,
 А что третія дорога ко синю моря,
 Ко синю морю далекому,—
 Та дорога прямоѣзжая,
 Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
 Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года.
 Становились витязи на распутіи,
 Разбивали бѣль-полотнянъ шатерьъ,
 Отпускали коней погулять по чисту полю:
 Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
 Зеленую травку пощипываютъ,
 Золотой уздечкой побрякиваютъ;
 А въ шатрѣ полотняномъ витязи
 Опочивъ держать.
 Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,

Вставалъ Добрыня молодець раньше всѣхъ,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чудну образу:
 Видитъ Добрыня за Сафать-рѣвкой
 Бѣль-полотнянъ шатерьъ;
 Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченкокъ,
 Злой татаринъ, басурманченкокъ,
 Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
 Ни ѣзжалаго добраго молодца.
 Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
 Кладъ на него онъ потнички,
 А на потнички коврички,
 Кладъ сѣдельцо черкасское,
 Бралъ копейцо урзамецкое.
 Бралъ чингалище булатное
 И садился на добра коня;
 Подъ Добрыней конь осержается,
 Отъ сырой земли отдѣляется,
 Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
 Высоки мечетъ по сѣнной копьѣ.
 Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
 И кричитъ зычнымъ голосомъ:
 „Выходи-ка, татарченкокъ,
 Злой татаринъ, басурманченкокъ!
 Станемъ мы съ тобой честный бой держать“.
 Вталоры выходить татаринъ изъ бѣла шатра
 И садился на добра коня.
 Не два вѣтра на полѣ слеталися,
 Не двѣ тучи на небѣ сходилися:
 Слеталися, сходилися два удалые витязя.
 Ломалися копыя ихъ острия,
 Разлеталися мечи ихъ булатные;
 Сходили витязи съ добрыхъ коней
 И хваталися въ рукопашный бой.
 Правая ножка Добрыни ускользнула,
 Правая ручка Добрыни угрогнула,

И валился онъ на сыру землю.
 Скакаль ему татаринъ на бѣлы груди,
 Порожь ему бѣлы груди,
 Вынималъ сердце съ печеню.
 Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
 Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чудну образу.
 Видитъ онъ коня Добрынина:
 Стоитъ борзый конь осѣдланый и взнузданный,
 Стоитъ борзый конь, только невеселъ,
 Потушилъ очи во сыру землю,
 Знать, тоскуеть онъ по хозяинѣ,
 Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
 Садился Алеша на добра коня:
 Осержался подъ нимъ добрый конь,
 Отдѣлялся отъ сырой земли,
 Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
 Металъ высоки по сѣнной копнѣ,
 Что не бѣлъ во поляхъ забѣлѣлася:
 Забѣлѣлася ставка богатырская;
 Что не синь во поляхъ засинѣлася:
 Засинѣлися мечи булатные;
 Что не красъ во поляхъ покраснѣлася:
 Закраснѣлася кровь съ печеню.
 Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,
 У того ли шатра спитъ Добрыня молодець:
 Очи ясныя закатилися,
 Руки сильныя опустилися,
 На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
 И кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
 „Вылѣзай-ка ты, татаринъ злой,
 На честный бой, на побраночку!“
 Отвѣчаетъ ему татарченокъ:
 — Охъ вы гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

Ваши роды не уклончивы,
 Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
 Что не стать тебѣ со мной бой держать!—
 Возговорить на то Алеша Поповичъ младъ:
 „Не хвались, на пирѣ идучи,
 А хвались, съ пиру идучи!“
 Втапоры выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
 И садится на добра коня.
 Не два вѣтра въ полѣ слетались,
 Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
 Сходилися, слетались два удалые витязя.
 Ломались копья ихъ острые,
 Разлетались мечи ихъ булатные;
 И сходили они съ добрыхъ коней,
 И хватались въ рукопашный бой.
 Одолѣлъ Алеша татарина:
 Валилъ его на сыру землю,
 Скакалъ ему на бѣлы груди,
 Хотѣлъ пороть ему бѣлы груди,
 Вынимать сердце съ печенью.
 Отколь тутъ ни взялся черный воронъ,
 И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
 „Ой ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
 Ты послушай меня, чернаго ворона:
 Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей.
 А летаю я на сине море,
 Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
 Вспрыснемъ Добрыню живой водой,
 Тутъ и очнется добрый молодецъ“.
 Втапоры Алеша ворона послушался,
 И леталъ воронъ на сине море,
 Приносилъ мертвой и живой воды;
 Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой:
 Сросталося тѣло его бѣлое,
 Затягивались раны кровавыя;
 Вспрыскивалъ его живой водой:

Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна;
Отпускали они татарина.

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ—черезъ Сафать-рѣку
Переpravляется сила басурманская:
И той силы добру молодцу не объѣхать,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
Удалые братья названные!“
Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,
Какъ садились на добрыхъ коней,
Какъ бросались на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубять,
Сколько добрые кони ихъ топчуть;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.

И стали витязи похваляться:
„Не намахались наши могутныя плечи,
Не уходились наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!“
И говорить Алеша Поповичъ младъ:
„подавай намъ силу нездѣшнюю,—
Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ вами, витязи, бой держать!
Не смотрите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей.

Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
 Поднялъ онъ коня борзаго,
 Налетѣлъ на воителей
 И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало четверо — и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодець,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало восьмеро — и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе — и живы всѣ.
 Бросились на силу всѣ витязи,
 Стали они силу колоть-рубить,
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Не столько витязи рубятъ,
 Сколько добрые кони ихъ топчуть,
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Бились витязи три дня,
 Бились три часа, три минуточки,
 Намахалися ихъ плечи могутныя,
 Уходилися кони ихъ добрые,
 Притупилися мечи ихъ булатныя,
 А сила все растеть да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ.
 Испугались могучіе витязи,
 Побѣжали въ каменныя горы,
 Въ темныя пещеры:
 Какъ подбѣжить витязь къ горѣ,
 Такъ и окаменѣеть;
 Какъ подбѣжить другой,
 Такъ и окаменѣеть;
 Какъ подбѣжить третій,
 Такъ и окаменѣеть.
 Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Историческія пѣсни.

Историческими называются пѣсни о дѣйствительныхъ, историческихъ лицахъ и событіяхъ. По своему внѣшнему складу онѣ совершенно похожи на былины, но въ сущности отъ нихъ отличаются, а именно слѣдующимъ. Въ былинахъ историческая дѣйствительность въ высшей степени затемнена неправдоподобнымъ вымысломъ, въ пѣснѣ же вымысла гораздо меньше, и потому она яснѣе, прозрачнѣе: тутъ можно видѣть, о какомъ событіи или лицѣ она повѣствуетъ. Въ былинахъ дѣйствуютъ богатыри со своею вполнѣ чудесною обстановкою. Въ исторической же пѣснѣ рѣчь идетъ о дѣйствительныхъ, историческихъ событіяхъ и лицахъ, и если бываетъ вымыселъ, то большею частію правдоподобный, не заключающій въ себѣ ничего невѣроятнаго. Историческія пѣсни относятся къ порѣ болѣе поздней, чѣмъ былины. Онѣ стали появляться у насъ лишь со временъ татарщины и затѣмъ во всѣ вѣка продолжали слагаться, отражая въ себѣ тѣ событія, которыя производили на народъ особенно сильное впечатлѣніе: такъ появились пѣсни о покореніи Казани, о завоеваніи Сибири, о Петрѣ Великомъ.

Послѣ разоренія Кіева и Кіевской Руси татарами, средоточіемъ русскихъ областей и государственной жизни сдѣлался сначала городъ Владимиръ, а потомъ Москва. Около Москвы возникли и народныя пѣсни, какъ прежде онѣ развивались около Кіева. Какъ въ былинахъ Кіевъ и кіевскій князь Владимиръ слу-

жать средоточіемъ, вокругъ котораго собираются всѣ богатыри, такъ и въ историческихъ пѣсняхъ всѣ сказанія примыкають къ Москвѣ и Московскому царству. Ярче всѣхъ временъ въ историческихъ пѣсняхъ выставляется царствованіе Грознаго; но рядъ ихъ начинается еще пѣснями о татарскомъ игѣ, которыми онѣ и связываются съ кіевскими былинами, и потомъ продолжаются пѣснями о временахъ Грознаго, смутной порѣ самозванцевъ, царствованіи Алексѣя Михайловича и Петра Великаго.

Пѣсни о татарщинѣ связываютъ собою кругъ собственно историческихъ пѣсенъ съ богатырскими. Татарскія нашествія оставили такое сильное и страшное впечатлѣніе въ народѣ, что татары сдѣлались для него знакомъ вообще всякой непріятельской силы, и время татарскаго господства соединилось въ его воображеніи со временемъ князя Владимира и его богатырей, сражавшихся съ различными врагами Русской земли. Съ особенною яркостью ужасъ и тяжесть татарскихъ нашествій изображаются въ пѣснѣ о царѣ Калинѣ. Изъ времени татарщины также замѣчательна пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ. Эта пѣсня основана на дѣйствительномъ событіи, которое записано въ лѣтописи подъ 1327 годомъ. Въ ней изображается, какъ безжалостно поступали со всѣми татарскіе посланые, собиравшіе дань для своихъ хановъ. Подъ Щелканомъ здѣсь разумѣется Шевкаль Дуденевъ, посоль хана Узбека, который въ пѣснѣ названъ Азвякомъ, бывший въ Твери въ 1327 году, при князѣ Александрѣ Михайловичѣ. Тверитяне возмутились противъ Шевкала за его жестокость при сборѣ дани и убили его.

Изъ московскаго періода ни одно лицо не обратило на себя такого вниманія народныхъ пѣвцовъ,

какъ Иоаннъ Грозный. Причина этого вниманія заключается въ томъ, что Грозный возвысилъ санъ царя московскаго, распространилъ и усилилъ Русское царство огромными завоеваніями, а жестокость его народъ объясняетъ необходимостью — вывести измѣну изъ царства, т. е. укротить боярское самоуправствіе. Пѣсни не только не скрываютъ гнѣвнаго и жестокаго характера Грознаго, но какъ бы желаютъ выставить его съ особенною силою. Пѣсня „Оговоръ царевича передъ Грознымъ“ рассказываетъ намъ, что царь не пожалѣлъ даже собственнаго сына, приказавъ казнить его, чтобы только вывести измѣну изъ Москвы. Но народъ не могъ помириться съ сыноубійствомъ царя, и пѣсня спасаетъ его отъ этого страшнаго преступленія. Бояринъ Никита Романовичъ, какъ ангель-хранитель грѣшнаго царя, не позволилъ Малютѣ Скурать (Скурлатовичу) исполнить царское повелѣніе и взялъ царевича подъ свою охрану. Потомъ опальный царевичъ былъ возвращенъ грозному отцу, который несказанно обрадовался, увидавъ сына здоровымъ и невредимымъ.

Въ пѣснѣ „О взятіи Казанскаго царства“ рассказывается о самомъ послѣднихъ событіяхъ войны, о взрывѣ подкоповъ подъ крѣпостною стѣною и о плѣненіи казанской царицы Елены.

О покорителѣ Сибири Ермакѣ сохранилось много пѣсень. Всѣ онѣ могутъ быть раздѣлены на два разряда. Къ первому разряду относятся былины объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимофеевичѣ; ко второму — собственно историческія пѣсни, посвященныя преимущественно одному Ермаку и завоеванію имъ Сибири. Въ былинахъ Ермакъ является лицомъ совершенно сказочнымъ, какъ созданіе богатаго народнаго воображенія; въ историческихъ пѣсняхъ, на-

противъ, найдется очень много такого, что вполне согласное съ исторической действительностью. Въ былинахъ Ермакъ восхваляется наряду съ Ильей Муромцемъ и другими могучими богатырями, совершающими свои необычайные подвиги при князѣ Владимирѣ. Народъ записалъ Ермака въ родство съ княземъ Владимиромъ и „старымъ казакомъ“ Ильей Муромцемъ: тому и другому Ермакъ приходится племянникомъ. Въ былинахъ Ермакъ является однимъ изъ дѣятельныхъ защитниковъ Русской земли и ея стольнаго города Кіева отъ нашествій „собаки“ татарскаго царя Калина и его силы невѣрной. Кромѣ того, по одной былинѣ, Ермаку приходилось также сражаться за Русскую землю съ Бабищей Мамаишной и татарскимъ царемъ Мамаемъ. Хотя по былинамъ Ермакъ отличается не меньшею богатырскою удалью, чѣмъ его „дяденька“ Илья Муромецъ и другіе богатыри, однако онъ постоянно называется „младшимъ“, ребенкомъ „отъ роду двѣнадцати лѣтъ“ или семнадцати.

Собственно историческія пѣсни объ Ермакѣ, по содержанію ихъ, распадаются на три отдѣла. Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить пѣсни, въ которыхъ изображается разбойничья, воровская, казацкая жизнь и дѣятельность Ермака, разгуливавшаго со своими молодцами по Волгѣ, Дону и по морю Каспійскому или Хвалынскому. Въ пѣснѣ изъ этого отдѣла, извѣстной подъ названіемъ „На Бузанѣ островѣ“, личность Ермака, какъ вольнаго казака, обрисована въ высшей степени ярко. Эта пѣсня заслуживаетъ особеннаго вниманія и по важности высказанныхъ въ ней народныхъ воззрѣній на Ермака можетъ быть поставлена на первомъ мѣстѣ въ ряду пѣсенъ о вольной жизни атамана. Другой отдѣлъ составляютъ пѣсни о томъ, какъ донской атаманъ Ермакъ со своими удалыми товарищами-

казаками помогать царю Ивану Грозному при завоеваніи Казани. Здѣсь, какъ видимъ, народнымъ воображеніемъ искажена исторія: извѣстно, что Ермакъ не принималъ никакого участія въ покореніи Казани. Наконецъ къ третьему отдѣлу относятся историческія пѣсни о знаменитомъ и всѣмъ извѣстномъ подвигѣ Ермака — о завоеваніи имъ Сибирскаго царства. Какъ на главную въ числѣ этихъ пѣсень, слѣдуетъ указать на пѣсню „Ермакъ взялъ Сибирь“, замѣчательную по законченности содержанія и многимъ подробностямъ. Въ этой пѣснѣ заключаются свѣдѣнія, большею частію вполне согласныя съ данными, которыя можно извлечь изъ сибирскихъ лѣтописей о походѣ Ермака.

Отъ смутнаго времени сохранилось нѣсколько пѣсень. Въ пѣснѣ о Гришкѣ Отрепьевѣ разсказывается, какъ Лжедмитрій съ женою своею Мариною презиралъ народные обычаи, не уважалъ народнаго благочестія и какъ онъ погибъ. Когда стрѣльцы изловили Лжедмитрія въ его верхнихъ покояхъ, Марина вылетѣла изъ окна, обернувшись сорокою. Замѣчательны по своей изобразительности, но теплотѣ чувства двѣ пѣсни о царевнѣ Ксеніи Годуновой. Эти пѣсни, вмѣстѣ съ четырьмя другими, найдены въ Англии въ сборникѣ англичанина Ричарда Джемса, вывезшаго ихъ изъ Россіи, гдѣ онъ записаны были для него; это — единственныя пѣсни, записанныя у насъ въ самую пору ихъ возникновенія. Ричардъ Джемсъ былъ въ Россіи священникомъ при посольствѣ въ 1619 году. Пѣсни о Ксеніи живыми чертами рисуютъ образъ несчастной царевны. Она сокрушается въ нихъ о жизни, которую вела при отцѣ, плачетъ о своей горькой участи, о томъ, что ее хотятъ постричь противъ воли. Существуетъ нѣсколько пѣсень о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ. Въ одной пѣснѣ, послѣ описанія под-

виговъ Скопина, рассказываетъ о причинѣ его внезапной смерти. На крестинахъ у князя Воротынского Скопинъ похвалился, что онъ очистилъ отъ враговъ Россійское царство; эта похвальба не понравилась князьямъ и боярамъ, и они, тутъ, же въ медь, которымъ угощали Скопина, положили яду. Внезапную смерть Скопина народная молва приписала зависти бояръ къ его славѣ. Въ другой пѣснѣ ничего не говорится ни о подвигахъ Скопина, ни объ обстоятельствахъ его смерти, а изображается только плачь по немъ московскихъ людей и швейскихъ (шведскихъ) нѣмцевъ.

Изъ времени царствованія Алексѣя Михайловича дошло до насъ много пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ и его бунтѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ рассказываетъ о его разбояхъ на Волгѣ, въ другихъ описывается его смерть. Въ большей части казацкихъ и разбойничьихъ пѣсенъ героемъ является Стенька Разинъ со своими товарищами. Воровскія и разбойничьи шайки особенно стали появляться въ Московскомъ государствѣ съ XIV вѣка послѣ татарскаго ига; въ XVII вѣкѣ разбойничество было страшнымъ общественнымъ зломъ. Воры, бѣглые боярскіе холопы и всякаго рода отверженные люди, большею частію подъ именемъ казаковъ, нападали на села и деревни, побивали бояръ и дѣтей боярскихъ, жгли и грабили дома и пытали людей, чтобы узнать, гдѣ спрятаны ихъ деньги и пожитки. Между тѣмъ, народныя пѣсни относятся къ такимъ людямъ даже съ замѣтнымъ сочувствіемъ. Разбойники называются въ пѣсняхъ удалыми добрыми молодцами, а ихъ грабежи и разбой — подвигами отваги и удалства. Такое печальное явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находился простой народъ въ XVII вѣкѣ и которое, можетъ быть, всего болѣе и способствовало осо-

бенному усиленію и самаго разбойничества. Многочисленные тяжелые налоги на всякую торговлю и промышленность, жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными холопами, неправосудіе и вымогательство судей, наконецъ частыя войны производили въ народѣ такую нищету и такое озлобленіе, что цѣлыя толпы уходили въ лѣса и начинали грабить на дорогахъ или присоединялись къ разбойничьимъ шайкамъ понизовой вольницы. Въ грабежѣ и разбоѣ этихъ людей народъ видѣлъ стремленіе отомстить за разныя притѣсненія и бѣдствія, которыя онъ испытывалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, былъ понятъ народомъ бунтъ Стеньки Разина, который потому только и получилъ такую силу, что народъ считалъ Разина своимъ защитникомъ. Въ пѣсняхъ Разинъ является настоящимъ героемъ, иногда похожимъ на древнихъ богатырей. Въ одной пѣснѣ онъ даже соединяется вмѣстѣ съ любимымъ народнымъ богатыремъ, Ильей Муромцемъ, который называется его есауломъ. Кромѣ необычайной силы, мужества и храбрости, ему приписывается еще волшебство, при помощи котораго онъ спасается отъ всякихъ бѣдъ и опасностей. Такъ, однажды, силою волшебства, Разинъ освободился изъ тюрьмы, уплывъ на лодкѣ, которая образовалась изъ простого рисунка на стѣнѣ; онъ заговаривалъ пушки и ружья, такъ что они нисколько не могли вредить ему. Составленіе пѣсни о кончинѣ Разина приписывается ему самому.

Прославляя дикую, отчаянную удалъ разбойниковъ, народная пѣсня, однакожь, помнить, къ какой судьбѣ эта удалъ неизбѣжно приводитъ ихъ. Эта неизбѣжная судьба весьма живописно изображается въ извѣстной разбойничьей пѣснѣ: „Не шуми, мати, зеленая дубровушка, не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати, какъ завтра мнѣ,

доброму молодцу, во допросъ итти передъ грознаго судю, самого царя“...

.Пѣсни о Петрѣ Великомъ очень однообразны и бѣдны по содержанію, особенно сравнительно съ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ его царствованія. Въ нихъ отразилось только общее впечатлѣніе, какое производили на народъ такія событія, какъ стрѣлецкіе бунты и казни стрѣльцовъ, и вообще вѣшнія дѣла Петра, особенно его войны; внутреннія же событія, разныя государственныя преобразованія Петра были непонятны для народа и потому не вошли въ его пѣсни. Лучшими можно назвать пѣсни „Рожденіе Петра“ и „Плачь войска“, объ устройствѣ котораго Петръ заботился съ особенною любовью.

и
съ
его
общее
такія
грѣль-
ю его
судар-
онятны
и. Луч-
тра“ и
Петръ

Илья Муромецъ и Батый Батыевичъ

Изъ-за моря, моря Синяго,
Изъ-за Синяго моря, изъ-за Чернаго
Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ.
Собралъ собака силы трехъ годовъ,
Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
За сыномъ было силы сорокъ тысячей;
За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
Сорокъ королей, королевичей.
Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
Сопушалъ собака якори булатные,
Выпушалъ шеймы шелковыя,
Выметывалъ сходенки дубовыя,
Выходилъ на крутъ-красенъ бережокъ,
Раздернулъ бѣль-полотняный шатеръ,
Поставилъ въ шатеръ дубовый столъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Скричалъ зычнымъ голосомъ, богатырскимъ,
Созывалъ своихъ мурзовъ-бурзовъ, татаровей
„Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, чел-
ческимъ
Кто бы създилъ ко тому городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ с-
писчаты
Поголовно молчать мурзы-бурзы, татаровя.
Закричалъ онъ по второй наконъ:
„Ой вы гой еси, мурзы-бурзы, татаровя!

Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣ-
ческимъ?

Кто бы съѣздилъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Отвезъ бы ему посольный листъ, ярлыкъ скоро-
писчатый?«

Тутъ выскочилъ мурза-бурза татаровичъ:

Старъ, горбатъ, напередъ поклѣпъ,
Синь кафтанъ, голубой карманъ;
Говорилъ самъ таково слово:

— Ужь ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичъ!
Умѣю я говорить русскимъ языкомъ, человѣче-
скимъ,

Отвезу ему посольный листъ, ярлыкъ скоронис-
чатый.—

„Поѣзжай ты, мурза-бурза, татаровичъ,

Поѣзжай не путемъ, не дорогою,

Черезъ лѣса дремучіе,

Черезъ луза дыбучіе,

Поѣзжай ты ко Кіеву

Перескочи черезъ стѣну городовую,

Черезъ ту башню наугольную,

Брось своего коня середь двора,

Не привязана, не приказана,

Иди во грядни княженецкія,

Двери грудью на пяту бери,

Положь ярлыкъ на дубовъ столъ,

Оборотясь, приступи крѣпко, вонъ поди,

Приступи, чтобъ спѣли свѣтлыя оконницы!«

Видѣли, какъ молодецъ коня сѣдлалъ,

Двѣнадцать подпрутъ со подпругою натягалъ,

Не для басоты молодецкія, для крѣпости богатыр-
скія.

Никто не видѣлъ поѣздочки богатырскія;

Конь горы и доли промежь ноги бралъ,

А маленькія рѣчки хвостомъ устигалъ.

Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,

Перескочилъ черезъ стѣну городовую,
 Черезъ тѣ башни наугольныя,
 Бросилъ своего коня середь двора,
 Не привязана, не приказана,
 Шелъ во грядни княженецкія,
 Двери грудью на пяту бралъ,
 Положилъ ярлыкъ на дубовъ столъ,
 Оборотясь, приступилъ толь вѣрнко, самъ воиъ
 пошелъ.

Тутъ Владимиръ стольный кievскій
 Со своей женой Апраксіей
 Кричатъ сильныхъ-могучихъ богатырей:
 „Ужь вы гой есте, Добрыня Никитичъ и Алеша
 Поповичъ младъ!

Вы примайте ярлыки, распечатавайте,
 Поскорѣ того прочитывайте,
 Не утайте вы слова едного!“
 Говорили Добрыня Никитичъ съ Алешей Попо-
 вичемъ:

„Ярлыкъ, князь батюшко, не радостный:
 Изъ-за моря, моря Синяго,
 Изъ-за Синяго моря, изъ-за Чернаго
 Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
 Со своимъ сыномъ Таракашкомъ,
 Со любимымъ зятемъ со Ульюшкомъ.
 Собралъ собака силы трехъ годовъ,
 Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
 За сыномъ было силы сорокъ тысячей,
 За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
 Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
 Сорокъ королей, королевичей.
 Подошелъ собака подъ стольный Кіевъ градъ,
 Просить Батый у насъ трехъ сильныхъ-могучихъ
 богатырей:

Богатыря стараго казака Илейку Муромца,
 Другого богатыря Добрыню Никитича,
 Третьяго богатыря Алешу Поповича.

Похваляется: дашь—не дашь, за боемъ возьму,
 Сильныхъ богатырей подь мечь склоню,
 Князя со княгинею въ полонъ возьму,
 Божьи церкви на дымъ спущу,
 Чудны иконы по плавь рѣки,
 Добрыхъ молодець полоню станицами,
 Красныхъ дѣвушекъ плѣницами,
 Добрыхъ коней табунами“.
 Надѣвалъ Владимиръ платье черное,
 Черное платье, печальное,
 Походилъ ко Божьей церкви Богу молитися;
 Въ стрѣту идетъ нищя калика перехожая:
 — Ужь ты здравствуй, Владимиръ стольный кі-
 евскій!

Ты зачѣмъ надѣлъ черное платье, печальное?
 Что у васъ во Кіевѣ учинилося?—
 „Молчи, нищя калика перехожая,
 Не хорошо у насъ во Кіевѣ учинилося:
 Изъ-за моря, моря Синяго,
 Изъ-за Синяго моря, изъ-за Чернаго
 Подымался Батый царь, сынъ Батыевичъ,
 Со своимъ сыномъ съ Таракашкомъ,
 Со любимымъ зятемъ со Улюшкомъ.
 Собралъ собака силы трехъ годовъ,
 Силы трехъ годовъ и трехъ мѣсяцевъ;
 За сыномъ было сорокъ тысячей,
 За зятемъ было силы сорокъ тысячей;
 Однихъ было сорокъ царей, царевичей,
 Сорокъ королей, королевичей.
 Подошелъ собака подь стольный Кіевъ градъ,
 Просить Батый у насъ трехъ сильныхъ-могучихъ
 богатырей:

Богатыря стараго казака Илейку Муромца,
 Другаго богатыря Добрыню Никитича,
 Третьяго богатыря Алешу Поповича.
 Похваляется: дашь—не дашь, за боемъ возьму,
 Сильныхъ богатырей подь мечь склоню,

Князя со княгинею въ полонъ возьму,
 Божьи церкви на дымъ спущу,
 Чудны иконы по плавь рѣки,
 Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
 Красныхъ дѣвушекъ плѣницами,
 Добрыхъ коней табунами“.

— Не зови меня нищей каликой перехожею,
 Назови меня старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ. —
 Билъ челомъ Владимиръ до сырой земли:
 „Ужъ ты здравствуй, старъ казакъ Илья Муромецъ!

Постарайся за вѣру христіанскую,
 Не для меня, князя Владимира,
 Не для-ради княгини Апраксіи,
 Не для церквей и монастырей,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!“
 Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
 — Ужъ давно намъ отъ Кіева отказано,
 Отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ. —

„Не для меня ради, князя Владимира,
 Не для-ради княгини Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!“
 Проводилъ Владимиръ Илейку во грядни княже-
 нецкія,
 Посылалъ его ко царю Батыю, сыну Батыевичу.
 Бралъ Илейко съ собою Алешу Поповича и Добрынюшку,

Брали они много злата-серебра,
 Поѣзжали ко Батыю съ подарками.
 Увидали ихъ мурзы-бурзы, татаровя,
 Говорили сами таковы рѣчи:
 „Ѣдетъ Владимиръ стольный кіевскій,
 Везетъ намъ Илейку во подарочки!“
 Подъѣзжаетъ Владимиръ стольный кіевскій
 Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ
 Ко Батыю царю, сыну Батыевичу.
 Подаютъ ему они подарочки,

Сами просять сроку на три года,
 На три года, на три мѣсяца.
 Даетъ Батый сроку только на три дня.
 Наливаетъ чару зелена вина,
 Не велику чару—въ полтора ведра,
 Подавалъ чару князю Владимиру:
 Принималъ Владимиръ чашу въ обѣ-ручь,
 Прикушалъ изъ чаши съ пивной стаканъ;
 Подаетъ чару Ильѣ Муромцу:
 Принимаетъ онъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ онъ чару на единой духъ;
 Расходилися плечи могучія,
 Раскипѣлося сердце богатырское:
 „Ты прощай, Батый царь Батыевичъ!“
 Отправлялися въ путь-дороженьку,
 Къ своему ко граду стольну Киеву.
 Говорилъ казакъ Илейко Муромецъ:
 „Запирай, князь, ворота крѣпко-на-крѣпко,
 Засыпай ихъ желтымъ пескомъ, сѣрымъ камеш-
 комъ;
 Я поѣду, добрый молодецъ, на Почай-рѣку,
 Я поѣду созывать сильныхъ богатырей“.
 Приѣзжалъ онъ на Почай-рѣку,
 На Почай-рѣкѣ богатырей не наѣхалъ;
 Поѣзжалъ Илейко на Дунай-рѣку,
 Тутъ богатыри сидятъ во бѣломъ шатрѣ:
 „Поѣдѣте, братцы, отстаивать Киевъ градъ
 Не для-ради князя Владимира,
 Не для-ради княгини Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!“
 Добры молодцы собиралися,
 Садилися по своимъ добрымъ конямъ,
 Поѣзжали братаны за Дунай-рѣку.
 Подъѣзжаютъ братаны ко Дунай-рѣкѣ:
 Первый скочилъ племянникъ Самсонъ Кольвановичъ,
 Скочивши погрязъ посередь рѣки.

Разскачился дядюшка *) Самсона Колывановича,
 Вытянулъ племянника и съ лошадыю.
 Всѣ богатыри переѣхали.
 Подъѣзжали ко граду стольну Кіеву,
 Метали жеребей промежь себя:
 Кому изъ нихъ ѣхать въ руку правую,
 Кому изъ нихъ ѣхать въ руку лѣвую,
 Кого поставить въ середку силы, въ матицу;
 Доставалася Самсону рука правая,
 Никитѣ съ Алешей рука лѣвая,
 Илейкѣ доставалась середка силы, матица.

Бьются, рубятся двѣнадцать дней,
 Не пиваючи, не ѣдаючи,
 Добрымъ конямъ вздоха не даваючи;
 Поѣхали добры молодцы опочивъ держать;
 Не поѣхалъ Илейко опочивъ держать.
 Проговорилъ его добрый конь по-человѣчьему:
 — Ужь ты, старъ казакъ Илья Муромецъ!
 Есть у татаръ въ полѣ накопаны рвы глубокіе,
 Понатыканы въ нихъ копыя мурзамецкія,
 Копыя мурзамецкія, сабли вострыя:
 Изъ перваго подкопа я вылечу,
 Изъ другого подкопа я выскочу,
 А въ третьемъ останемся ты и я!—
 Билъ Илья коня по крутымъ ребрамъ:
 „Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
 Ты не хочешь служить за вѣру христіанскую!“
 Пала лошадь во третей подкопъ,
 Остался Илейко во подкопѣ.
 Набѣжали злые татаровя,
 Оковали Илеюшку желѣзами,
 Ручными, ножными и заплечными,
 Проводили ко Батыю Батыевичу.
 Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичъ:
 — Ужь ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!

*) Илья Муромецъ.

Послужи мнѣ-ка такъ же, какъ Владимиру,
 Вѣрою неизмѣнною ровно три года!—
 Отвѣчалъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
 „Нѣтъ у меня съ собой сабли вострыя,
 Нѣтъ у меня копыя мурзамецкаго,
 Нѣтъ у меня палицы боевыя:
 Послужилъ бы я по твоей по шеѣ по татарскія!“
 Говорилъ Батый царь, сынъ Батыевичъ:
 — Ой вы, слуги мои вѣрные!
 Вы ведите Илейку на широкой лугъ,
 Вы стрѣляйте его стрѣлами калеными!—
 То Илеюшкѣ не поглянулося,
 Говорилъ онъ таково слово:
 „Ой ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичъ!
 Ты такъ казни, какъ на Руси казнятъ богатырей.
 У насъ выведутъ на поле на Куликово,
 Положатъ голову на плашку на липову,
 По плечъ отсѣкутъ буйну голову;
 Не толь старику будетъ смерть страшна!“
 То Батыю слово показалось:
 — Выводите его на поле Куликово,
 Положите голову на плаху на липову,
 По плечъ срубите буйну голову!—
 Возмолился старъ казакъ Илья Муромецъ
 Тому угоднику Божьему Николаю:
 „Погибаю я за вѣру христіанскую!“
 У Илейки силы вдвое прибыло;
 Рвалъ онъ оковы желѣзныя,
 Хваталъ онъ погананаго татарина,
 Который покрѣпче, который на жилѣ не рвется,
 Взялъ татариномъ помахивать:
 Въ которую сторону махнетъ—улица.
 Подбѣгаетъ къ Илеюшкѣ добрый конь,
 Садился онъ на добра коня,
 Билъ татаръ чуть не до одинаго.
 Убирался Батый царь съ большими убытками,
 Съ большими убытками, съ малыми прибытками,

Съ малыми прибутками, со срамотою вѣчною,
На мелкихъ судахъ, на павозкахъ.

Илья Муромецъ и царь Калинъ.

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичъ,
Ко стольному городу ко Киеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Киева за семь версть,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто версть,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяць, солнце померкнуло,
Не видитъ луна свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру, —
И выбралъ татарина выше всѣхъ,
А мѣрю тоть татаринъ трехъ сажень,
Голова на татаринѣ съ пивной котель,
Который котель сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что возьметъ Калинъ царь стольный Киевъ-градъ,
А Владимира князя въ полонъ помонить,
Божьи церкви на дымъ пустить.
Даетъ тому татарину ярлыки скорописчаты

И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
 Садился татаринъ на добра коня,
 Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю Владимиру;
 А и будетъ онъ татаринъ, въ Кіевѣ,
 Среди двора княженецкаго.
 Соскакалъ татаринъ съ добра коня,
 Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
 Бѣжитъ онъ во гридию во свѣтлую,
 А Спасову образу не молится,
 Владимиру князю не кланяется,
 А въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
 Бросалъ ярлыки на круглый столъ
 Передъ великаго князя Владимира.
 Отшедъ татаринъ слово выговорилъ:
 „Владимиръ князь стольный кіевской!
 А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ-градъ
 Безъ бою, безъ драки великія
 И безъ того кроволитія напраснаго“.
 Владимиръ князь запечалился,
 А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
 Глядячи въ ярлыки, заплакалъ свѣтъ:
 По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
 Богатырей въ Кіевѣ не случилось,
 А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ,
 А съ Калиномъ силы напасено
 Не много, не мало—на сто версть
 Во всѣ четыре стороны.
 Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
 Сорокъ королей съ королевичемъ;
 Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три
 тысячи,
 По праву руку его зять сидить,
 А зятя зовутъ у него Сартакомъ;
 А по лѣву руку сынъ сидить,
 Сына зовутъ Лоншекомъ.
 И то у нихъ дѣло не окончено,

Татаринъ изъ Кіева не вы́халъ.
 Втапоры Василій пьяница
 Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
 Береть онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
 Калену стрѣлу переную,
 Наводилъ онъ трубками нѣмецкими,
 А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь.
 И тотъ-то Василій пьяница
 Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина царя;
 Не попалъ во собаку Калина царя,
 Что попалъ онъ въ зятя его Сартава:
 Угодила стрѣла ему въ правой глазъ,
 Ушибъ его до смерти.
 И тутъ Калину царю за бѣду стало,
 Что перву бѣду не утушили,
 А другую бѣду они загрезили,
 Убили зятя любимаго
 Съ тоя башни со стрѣльня.
 Посылалъ другого татарина
 Ко тому князю Владимиру,
 Чтобы выдалъ того виноватаго.
 А мало время замѣнкавши,
 Съ тоя стороны полуденныя,
 Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
 Какъ бѣлой кречеть перепархиваетъ,
 Бѣжитъ поленица удалая,
 Старой казакъ Илья Муромецъ.
 Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ-градъ,
 Среди двора княженецкаго
 Соскочилъ Илья со добра коня,
 Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
 Идетъ во гридию во свѣтлую;
 Онъ молится Спасу со Пречистою,
 Бьетъ челомъ князю со княгинею
 И на всѣ четыре стороны,
 А самъ Илья усмѣхается:
 „Гой еси, сударь Владимиръ князь!

Что у тебя за болванъ пришелъ,
 Что за дуракъ неотесаной?⁴
 Владимиръ, князь стольной кievской,
 Подаетъ ярмыки скорописчаты;
 Принялъ Илья, самъ прочитывалъ.
 Говорилъ тутъ ему Владимиръ князь:
 „Гой еси, Илья Муромецъ!
 Пособи мнѣ думушку подумати,
 Сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ-градъ,
 Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
 Безъ того кроволитія напраснаго?“
 Говоритъ Илья таково слово:
 „Владимиръ, князь стольной кievской!
 Ни о чемъ ты, государь, не печалуйся:
 Боже-Спасъ оборонитъ насъ,
 А не что, Пречистой и всѣхъ сохранить.
 Насыпай ты мису чиста серебра,
 Другую красна золота,
 Третью мису скатнаго жемчугу;
 Поѣдемъ со мной ко Калину царю,
 Со своими честными подарками,
 Тотъ татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ“.
 Наряжался князь тутъ поваромъ,
 Замарался сажею котельною;
 Поѣхали они ко Калину царю,
 А прямо ихъ татаринъ въ лагеря ведетъ.
 Приѣхалъ Илья ко Калину царю,
 Въ его лагеря татарскіе;
 Соскочилъ Илья со добра коня,
 Калину царю поклоняется,
 Самъ говоритъ таково слово:
 „А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ!
 Прими наши дороги подарочки
 Отъ великаго князя Владимира:
 Перву мису чиста серебра,
 Другую красна золота,
 Третью мису скатнаго жемчуга;

А дай ты намъ сроку на три дни:
 Въ Кіевѣ намъ приуправиться,
 Отслужить обѣдни съ панихидами,
 Какъ де служить по усопшимъ душамъ,
 Другъ съ дружкой проститися“.

Говорить тутъ Калинъ таково слово:

„Гой еси ты, Илья Муромецъ!
 Выдайте вы намъ виноватаго,
 Которой стрѣлялъ съ башни со стрѣльняа,
 Убилъ моего зятя любимаго“.

Говорить ему Илья таково слово:

„А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
 Прими наши дороги подарочки
 Отъ великаго князя Владимира;
 Гдѣ намъ искать таково челоуѣка и вамъ отдать?“

И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
 Нечестно у него, самъ прибраниваетъ.

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
 Что не далъ сроку на три дни и на три часа,

Говорилъ таково слово:

„Собака, проклятой ты, Калинъ царь!
 Отойди съ татарами отъ Кіева.
 Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?“

И тутъ Калину царю за бѣду стало,
 Велѣлъ татарамъ сохватать Илью;

Связали ему руки бѣлыя
 Во крѣпки чембуры шелковые.

Втапоры Ильѣ за бѣду стало,

Говорилъ таково слово:

„Собака, проклятой ты, Калинъ царь!
 Отойди прочь съ татарами отъ Кіева.
 Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?“

И тутъ Калину за бѣду стало,

И плюетъ Ильѣ во ясны очи:

„А русской людъ всегда хвастливъ,
 Опутанъ весь, будто лысой бѣсъ,
 Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ“.

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
 За великую досаду показалось,
 Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
 Вскочилъ въ полѣ-древа стоячаго,
 Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ.
 Не допустить Илью до добра коня
 И до его-то до палицы тяжкія,
 До мѣдны литы въ три тысячи.
 Схватилъ Илья татарина за ноги,
 Которой ѣздилъ во Кіевъ-градъ,
 И зачалъ татаринѡмъ помахивати:
 Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
 Куды отвернетъ—съ переулками,
 А самъ татарину приговариваетъ:
 „А и крѣпокъ татаринъ, не ломится,
 А жиловать, собака, не изорвется“.
 И только Илья слово выговорилъ,
 Оторвется глава его татарская,
 Угодила та глава по силѣ вдоль,
 И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губить;
 Достальные татара на побѣгъ пошли,
 Въ болотахъ, рѣкахъ притонули всѣ,
 Оставили свои возы и лагери.
 Воротился Илья онъ ко Калину царю,
 Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
 Самъ Калину приговариваетъ:
 „Вась-то царей не бьютъ, не казнятъ,
 Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ“.
 Согнетъ его корчагою,
 Воздымалъ выше буйны головы своей,
 Ударилъ его о горючъ камень,
 Расшибъ его въ крохи.
 Достальные татара на побѣгъ бѣгутъ,
 Сами они заклинаются:
 „Не дай, Богъ, намъ бывать ко Кіеву,
 Не дай, Богъ, намъ видать русскихъ людей!
 Неужто во Кіевѣ всѣ таковы:

Одинъ человекъ всѣхъ татаръ прибилъ?“
 Пошелъ Илья Муромецъ
 Искать своего товарища,
 Того ли Василья пьяницу Игнатьева,
 И скоро нашель его на кружалъ Петровскимъ,
 Привель ко князю Владимиру.
 А пьетъ Илья довольно зелена вина
 Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,
 И называетъ Илья того пьяницу
 Василья братомъ названнымъ.

Нашествіе монголовъ.

Изъ-подъ той бѣлой березы кудреватя,
 Изъ-подъ чуднаго креста Леванидова,
 Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,
 И шли они, бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ,
 И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
 И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
 И по той стѣнѣ городовя
 И ходить-гуляетъ душа красная дѣвица,
 Въ рукахъ держитъ Божью книгу, евангеліе,
 Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.
 Побѣжали туры прочь отъ Кіева,
 И встрѣтили турицу, родну матушку,
 И встрѣтили турицу, поздоровались:
 „Здравствуй, турица, родна матушка!“
 — Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
 Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали? —
 „Шли мы, бѣжали мимо Кіевъ, славенъ градъ,
 Мимо ту, мимо стѣнку городовую,
 Мимо тѣ башни городовя,
 И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
 И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
 И по той по стѣнѣ городовя

Ходить-гуляетъ душа красная дѣвица,
 Во рукахъ держитъ Божью книгу, евангеліе,
 Сколько ни читаетъ, вдвое плачетъ“.
 Говорить тутъ турица, родна матушка:
 — Ужь вы, глушыя туры златорогіе!
 Ничего вы, дѣточки, не знаете:
 Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣнѣ,
 А ходила та Мать Пресвята Богородица,
 А плакала стѣна-мать городова,
 По той ли по вѣрѣ христіанскія:
 Будеть надъ Кіевъ-градъ погибелье.

Татарскій полонѣ.

Какъ за рѣчкою
 Да за Дарбею
 Злы татарове
 Дуванъ дуванили.
 На дуваньцѣ
 Доставалася,
 Доставалася
 Теща зятю.
 Вотъ повезъ тещу зять
 Во дикую степь,
 Во дикую степь
 Къ молодой женѣ.
 „Ну, и вотъ, жена,
 Тѣ работница,
 Съ Руси русская
 Полоняночка.
 Ты заставь ее
 Три дѣль дѣлати:
 Первое дѣло —
 Куделю прясть,
 Другое дѣло —
 Лебедей стеречь,

А и третье дѣло —
 Дитю качать“.
 Полоняночка
 Съ Руси русская
 Она глазками
 Лебедей стерезеть,
 А ручками
 Кудель прядетъ,
 А ножками
 Колыбель колышетъ,
 Охъ качаетъ дитя,
 Прибаюкиваетъ:
 „Ты баю, баю,
 Боярскій сынъ!
 Ты по батюшкѣ
 Золь татарченокъ,
 А по матушкѣ
 Ты русеночекъ,
 А по роду миѣ
 Ты внученочекъ,
 И моихъ черевъ
 Ты урывочекъ.“

Вѣдь твоя-то мать
 Мнѣ родная дочь,
 Семи лѣтъ она
 Во полонѣ взята,
 На правой груди въ ней
 Есть и родинка,
 На лѣвой ногѣ
 Нѣтъ мизинчика.
 Мнѣ бить тебя,
 Такъ грѣхъ будетъ;
 Мнѣ дитей назвать,
 Мнѣ вѣра не та!“
 Услыхали то
 Дѣвки сѣнныя,
 Прибѣжали онѣ
 Къ своей барынѣ:
 „Государыня
 Наша барыня!
 Полоняночка
 Съ Руси русская
 Она глазками
 Лебедей стережетъ,
 А ручками
 Кудель прядетъ,
 А ножками
 Колыбель колышетъ,
 Охъ качаетъ дитя,
 Прибаюкиваетъ:
 „Ты баю, баю,
 Боярскій сынъ!
 Ты по батюшкѣ
 Золъ татарченокъ,
 А по матушкѣ
 Ты русеночекъ,
 А по роду мнѣ
 Ты внученочекъ,
 И моихъ черевъ

Ты урывочекъ.
 Вѣдь твоя-то мать
 Мнѣ родная дочь,
 Семи лѣтъ она
 Во полонѣ взята,
 На правой груди въ ней
 Есть и родинка,
 На лѣвой ногѣ
 Нѣтъ мизинчика.
 Мнѣ бить тебя,
 Такъ грѣхъ будетъ;
 Мнѣ дитей назвать,
 Мнѣ вѣра не та!“
 Что стучить, грючить,
 По сѣнямъ бѣжить,
 По сѣнямъ бѣжить
 И дрожа дрожить,—
 Дочка къ матери
 Повалилася,
 Повалилася
 Во рѣзвы ноги:
 „Государыня
 Моя матушка!
 Не спознала тебя,
 Моя родная!
 Ты бери ключи,
 Ключи золоты,
 Отпирай ларцы,
 Ларцы кованы,
 Ты бери казны,
 Сколько надобно;
 Ты ступай-ко, мать,
 Во конюшенку,
 Ты бери коня
 Что ни лучшаго,
 Ты бѣги, бѣги, мать,
 На святую Русь“.

— Не поѣду я
На святую Русь,

Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.

Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялося въ ордѣ,
Передѣялося въ Большой:
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидить тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;
Суды рассуживаеъ
И ряды разряживаеъ,
Костылемъ размахиваеъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ:
Его дома не случилось,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты.

Съ князей брагъ по сту рублевъ,
 Съ бояръ по пятидесять,
 Съ крестьянъ по пяти рублевъ, —
 У котораго денегъ нѣтъ,
 У того дитя возьметъ;
 У котораго дитя нѣтъ,
 У того жену возьметъ;
 У котораго жены-то нѣтъ,
 Того самого головой возьметъ.
 Вывезъ младъ Щелканъ
 Дани, выходы,
 Царскія невыплаты;
 Вывелъ младъ Щелканъ
 Коня во сто рублевъ,
 Сѣдло во тысячу,
 Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
 Не тѣмъ узда дорога,
 Что вся узда золота,
 Она тѣмъ узда дорога —
 Царское жалованье,
 Государево величество,
 А, нельзя дескать,
 Тое узды ни продать, ни промѣнять
 И друга дарить.
 Проговорить младъ Щелканъ,
 Младъ Дудентьевичъ:
 „Гой еси, царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ!
 Пожаловалъ ты молодцовъ,
 Любимыхъ шуриновъ:
 Василья на Плесу,
 Гордея къ Вологдѣ,
 Ахрамея къ Костромѣ;
 Пожалуй ты, царь Азвякъ,
 Пожалуй ты меня
 Тверью старою,
 Тверью богатою,

Двамя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи.
 Проговоритъ царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ:
 „Гой еси, шуринъ мой
 Щелканъ Дудентьевичъ!
 Заколи-тко ты сына своего,
 Сына любимаго,
 Крови ты чашу нацѣди,
 Выпей ты крови тоя,
 Крови горячія,
 И тогда я тебя пожалую
 Тверью старую,
 Тверью богатою,
 Двамя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи“.
 Втапоры младъ Щелканъ
 Сына своего закололъ,
 Чашу крови нацѣдилъ,
 Крови горячія,
 Выпилъ чашу тоя крови горячія.
 А втапоры царь Азвякъ
 За то его пожаловалъ
 Тверью старую,
 Тверью богатою,
 Двамя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи.
 А втапоры младъ Щелканъ
 Онъ судьею насѣлъ
 Въ Тверь ту старую,
 Въ Тверь ту богатую,
 А немного онъ судьею сидѣлъ:
 И вдовы-то безчестити,
 Красны дѣвицы позорити,
 Надо всѣми наругатися,
 Надъ домами насмѣхатися.
 Мужики-то старые,

Мужики-то богатые,
 Мужики посадские,
 Они жалобу приносили
 Двумъ братцамъ родимымъ,
 Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
 Отъ народа они съ поклономъ
 Пошли, съ честными подарками,
 И понесли они честные подарки
 Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
 Изошли его въ домъ у себя
 Щелкана Дудентьевича;
 Подарки принялъ отъ нихъ,
 Чести не воздалъ имъ.
 Втапору младъ Щелканъ
 Зачванился онъ, загординился,
 И они съ нимъ раздорили —
 Одинъ ухватилъ за волосы,
 А другой за ноги,
 И тутъ его разорвали.
 Тутъ смерть ему случилася,
 Ни на комъ не сыскалося.

Оговоръ царевича предъ Іоанномъ Грознымъ.

Прикажи, Господи, намъ старину сказать,
 Старину сказать да стародавнюю,
 Стародавнюю старинушку бывалую
 Про того царя Ивана да Васильевича.
 У того царя Ивана да Васильевича
 Заводилася бесѣда тиха-смирная,
 Собиралися князи-бояра да со всѣхъ сторонъ,
 Князи-бояра да вся удалая поляница.
 Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,
 Въ полу-пирѣ да хлѣба рушаютъ,

Въ полу-пирѣ да прирасхвастались:
 Иной хвастаетъ да кони добры,
 Другой хвастаетъ да золотой казной,
 Третій хвастаетъ да молодой женой.

А грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
 По палатушкѣ похаживаетъ:

„Ужъ вы гой еси, князи и бояра,
 Ужъ вы хвастаете небылью-небылицею.
 Ужъ чѣмъ я, грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
 Чѣмъ же я, добрый молодецъ, похвастаю?
 Я похвастаю да я измѣною:
 Ужъ какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева,
 Ужъ какъ выведу я измѣнушку изъ Новагорода,
 Ужъ я выведу измѣнушку изъ матушки каменной
 Москвы!“

Тѣ князи-бояре да ему рѣчь говорятъ:

„Ужъ не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
 И не вывести измѣнушки изъ Новагорода,
 Да изъ матушки да каменной Москвы,
 А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
 Кто за однимъ съ тобой столомъ сидитъ,
 За столомъ сидитъ да хлѣба кушаетъ,
 Милой сынъ твой Федоръ Ивановичъ“.

На то грозенъ царь Иванъ Васильевичъ осер-
 жается,

И выходилъ онъ да на Красно крыльцо,
 И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ
 Своимъ пилатамъ да немилостивымъ.
 И тѣ пилатушки да испужались,
 По каменной Москвѣ да разбѣжались;
 Одинъ Малюта Скуратовъ да не утрашился,
 Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,
 Прибѣжавъ къ нему, низко кланялся:
 — Ужъ ты гой еси, грозенъ царь Иванъ Василье-
 вичъ!

На что ты горы-гаркаешь,
 На что меня кликъ-кликаешь? —

„Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!
 Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,
 За бѣлы руки, за златы перстни,
 И поведи его на то поле на Куликово,
 Ко той ямѣ да кровавья,
 Ко той доскѣ да ко дубовья,
 Снеси ему да буйну голову,
 Принеси мнѣ сабельку кровавую!“
 И онъ взялъ его за бѣлы руки,
 И повелъ его во чисто поле да во Куликово.

Увидалъ его любезный шуринъ Никита Рома-
 новичъ,

Онъ садился на добра коня,
 И посадилъ за себя молодаго клюшничка,
 Погналъ на то поле на Куликово
 И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
 — Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!
 Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!
 Ужь ты на-тко да насытися
 Моимъ молодымъ клюшничкомъ! —
 Онъ взялъ ему, клюшничку, срубилъ буйну голову
 И понесъ-то сабельку кровавую
 Ко тому царю Ивану Васильевичу.

А у грозна царя Ивана Васильевича
 И пиръ пошелъ, да не навеселѣ,
 Въ барабаны били, да не на радости,
 Не на радостяхъ, да не постарому,
 Изъ пушекъ палять, да не попржнему,
 А изъ мелкаго оружія—да обсѣгаются.
 А у его любимаго шурина Никиты Романовича,
 У него пиръ-то идетъ да повеселому,
 Въ барабаны бьютъ да все постарому,
 А изъ пушекъ палять да все попржнему,
 А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
 Посылаетъ къ нему грозенъ царь
 Иванъ Васильевичъ скорыхъ пословъ:

„И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Романовича!“

И привели его, Никиту Романовича, къ нему на дворъ:

— На что же ты меня, любезный зятюшка, Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ, требуешь? —

„Къ чему радошенъ, да къ чему радъ,
Мой любезный шурина, Никита Романовичъ?
Моему-то развѣ безвременьицу?

У меня одна была жемчужина, и та скатилася.

И пиръ у тебя идетъ повеселому,
Въ барабаны у тя бьютъ да все постарому,
Изъ пушекъ-то палать все попрежнему,
Изъ мелкаго оружія не утихается!“

— Ужъ ты гой еси, грозенъ царь Иванъ Васильевичъ!

Есть въ гостяхъ небывалый гость,
Небывалый гость—Федоръ Ивановичъ. —

„Гой ты еси, мой любезный шурина,
Мой любезный шурина, Никита Романовичъ!
Обратилъ ты мое да ретиво сердце,
Возвеселилъ мою да буйну голову,
Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!“

И пошелъ у него пиръ да повеселому,
Въ барабаны били да все постарому,
Изъ пушекъ палать да все попрежнему,
Изъ мелкаго оружія не утихается.

Взятіе Казанскаго царства.

Среди было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни бѣлокаменной палаты
Ото сна тутъ царица пробудилася.
Царица Елена Симеону царю она сонъ рассказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!

Что ночесъ мнѣ, царицѣ, мало спалося,
 Въ сновидѣнницѣ много видѣлося:
 Какъ отъ сильнаго Московскаго царства,
 Кабы сизый орлище встрепенулся,
 Кабы грозная туча подымалась,
 Что на наше вѣдь царство наплывала“.

А изъ сильнаго Московскаго царства
 Подымался великій князь московскій,
 А Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
 Со тѣми ли пѣхотными полками,
 Что со старыми славными казаками.

Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать
 версть,

Становились они подкопью подъ Булакь-рѣку,
 Подходили подъ другую подъ рѣку подъ Казанку,
 Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,

А и подъ гору ихъ становили,
 Подводили подъ Казанское царство.

Воску яраго свѣчу становили,
 А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:

Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
 А въ землю-то идетъ свѣча тишѣе.

Воспалился тутъ великій князь московскій,
 Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,

И началъ канонеровъ тутъ казнити,
 Что началась отъ канонеровъ измѣна;

Что большой за меньшаго хоронится,
 Отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣту.

Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:

„Ты, великій, сударь, князь московскій!

Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:

Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,

А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе“.

Позадумался князь московскій,

Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,

Еще какъ бы это дѣло оттянути.

Они тѣ-то рѣчи говорили,

Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
 До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,
 Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
 Подымало высокую гору,
 Разбросало бѣлокаменны палаты.
 И бѣжалъ тутъ великій князь московскій
 На тое ли высокую гору,
 Гдѣ стояли царскія палаты.
 Что царица Елена догадалась,
 Она сыпала соли на ковригу,
 Она съ радостью московскаго князя встрѣчала,
 А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя.
 И за то онъ царицу пожаловалъ
 И привелъ въ крещеную вѣру,
 Въ монастырь царицу постригли,
 А за гордость царя Симеона,
 Что не встрѣтилъ великаго князя онъ,
 И вынялъ ясны очи со косицами;
 Онъ и взялъ съ него царскую корону
 И снялъ царскую порфиру,
 Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
 И въ то время князь воцарился
 И насѣлъ въ Московское царство,
 Что тогда де Москва основалася.
 И съ тѣхъ поръ великая слава.

Ермакъ Тимофеевичъ.

I.

На Бузанъ островъ.

На славной Волгѣ рѣкѣ на верхней,
 На изголовьи, на Бузанъ островъ,
 На крутомъ красномъ берегу,
 На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ
 А стояли бесѣды, что бесѣды дубовыя,

Исподернуты бархатомъ.

Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли атаманы казачіе
 Ермакъ Тимоѣевичъ, Самбуръ Андреевичъ, Аноф-
 рій Степановичъ.

Они думушку думали за единое,
 Какъ про дѣло ратное, про добычу казачую.
 Что есаулъ ходитъ по кругу по Донскому, Яицкому,
 Есаулъ кричитъ голосомъ, во всю буйну голову:

„А и вы гой еси, братцы, атаманы казачіе!
 У насъ кто на морѣ не бывалъ,
 Морской волны не видалъ,
 Не видалъ дѣла ратнаго, человекъ кроваваго,
 Отъ желанья тѣ Богу не маливались;
 Оставайтесь таковы молодцы на Бузанѣ островѣ“.

И сажидися молодцы во свои струги легкіе;
 Они грянули, молодцы, внизъ по матушкѣ
 Волгѣ рѣкѣ, по протокѣ по Ахтубѣ.

А не ярые гоголи на сине море выплыли,
 Выгребали тутъ казаки среди моря синяго,
 Противъ Матицы острова

Легки струги выдергивали
 И веселечки разбрасывали,

Майданы разставливали,

Ковры раздергивали, ковры тѣ сорочинскіе,

И бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ;

А играли казаки золотыми тавлеями

Дорогими, вальящатыми.

Посмотрятъ казаки они на море синее

Отъ того зеленаго, отъ дуба крековистаго:

Какъ бы бѣлъ забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,

Забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные,

И зачернѣлися на морѣ тутъ двѣнадцать кораблей.

А бѣгутъ тутъ по морю

Славны гости турецкіе со товары заморскими.

А увидали казаки тѣ корабли червленые

И бросали казаки на свои струги легкіе,

А хватали казаки оружье долгомѣрное

И три пушечки мѣдныя,
 Напускалися казаки на двѣнадцать кораблей:
 Въ три пушечки гунули, а ружьемъ вдругъ грянули.
 Турки, гости богатые,
 На корабляхъ отъ того испужались,
 Въ сине море металися;
 А тѣ товары заморскіе
 Казакамъ доставалися,
 А и двѣнадцать кораблей.
 А на тѣхъ корабляхъ одна не пужалася
 Душа красная дѣвица,
 Молода Урзамовна, мурзы дочь турскаго.
 Что стоворить дѣвица: „не троньте меня, казаки,
 Не губите моей красоты,
 А и вы везите меня, казаки,
 Къ сильну царству Московскому, государству Рос-
 сійскому,
 Приведите, казаки, меня въ вѣру крещеную“.
 Не тронули казаки душу красну дѣвицу
 И посадили во свои струги легкіе.
 А и будутъ казаки на протокъ на Ахтубѣ
 И стали казаки на крутомъ красномъ бережку,
 Майданы разставливали, майданы тѣ терскіе,
 Ковры сорочинскіе, а бесѣды разставливали,
 А бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ,
 А столы дорогъ рыбій зубъ;
 А и кушали казаки тутъ они кушанье разное
 И пили питья медвяныя, питья все заморскія.
 И будутъ казаки на великихъ на радостяхъ со до-
 бычи казачія,
 Караулы ставили, караулы крѣпкіе, отхожіе,
 Сверху матки Волги и снизу таковые-жъ стоятъ.
 Запилися молодцы, а все они до одинаго.
 А втапоры и во то время на другой сторонѣ
 Становилса стоять персидской посоль
 Карамышевъ Семенъ Константиновичъ
 Со своими солдаты и матросами.

Казачи были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ,
Напущались на нихъ, дрались
Ради корысти своея.

Вѣдалъ ли, не вѣдалъ о томъ персидской посоль,
Какъ у нихъ драка сочинилася;

Въ той было дракъ персидскаго посла

Солдатъ пятьдесятъ человекъ,

Тѣхъ казаки прибили до смерти,

Только едва остались три человекъ,

Которые могли убѣждать на корабль

Къ своему послу сказывати;

Не разобралъ того дѣла персидской посоль,

О чемъ у нихъ драка сочинилася.

Послалъ онъ сто человекъ

Всю ту правду разспрашивати.

И тѣмъ солдатамъ показалось,

Что тѣ люди стоятъ недобрые;

Зачали съ казаками драться.

Втапоры говорилъ имъ большой

Атаманъ Ермакъ Тимоѣевичъ:

„Гой вы еси, солдаты хорошіе,

Слуги царя вѣрные!

Почто съ нами деретесь?

Корысть ли отъ насъ получите?“

Тутъ солдаты безумные

На его слова не сдавались

И зачали драться

Боемъ-то смертнымъ,

Что дракою некорыстною.

Втапоры доложилъ о томъ

Большой есаулъ Стафій Лаврентьевичъ:

„Гой вы еси, атаманы казачіе!

Что намъ съ ними дѣлати?

Солдаты упрямые, лѣзутъ къ намъ съ дракою въ
глаза“.

И на тѣ его слова большой

Атаманъ Ермакъ Тимоѣевичъ

Приказалъ ихъ до смерти бити
 И бросати въ матку Волгу рѣку.
 Зачали казаки съ ними драться
 И прибили ихъ всѣхъ до смерти,
 Только изъ нихъ единъ ушелъ
 Капралъ островской и, прибѣжавши на свой корабль
 Къ послу персидскому Семену Константиновичу
 Карамышеву,

Сталъ обо всемъ ему рассказывать,
 Кака у нихъ съ казаками драка была.
 И тотъ персидской посоль
 Не размыслилъ ничего,
 Подымался онъ со всею гвардіею своею
 На тѣхъ Донскихъ казаковъ;
 Втапоры-жъ подымалися
 Атаманы казачіе Ермакъ Тимофеевичъ,
 Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ,
 И стала у нихъ драка великая
 И побоище смертное,
 А атаманы казачіе
 Сами они не дралися,
 Только своимъ казакамъ цыкнули—
 И прибили всѣхъ солдатъ до смерти,
 Ушло ли, не ушло съ десятокъ челоуѣкъ,
 И въ той же дракѣ убили самого посла персидскаго
 Семена Константиновича Карамышева.
 Втапоры казаки всѣ животы посла персидскаго.
 Взяли себѣ,—платье цвѣтное
 Клади въ гору Змѣевую.
 Пошли они, казаки, по протокъ по Ахтубѣ,
 Внизъ по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
 А и будутъ казаки у царства Астраханскаго,
 Называется тутъ Ермакъ со дружиною
 Купцами заморскими,
 А явили въ таможиѣ товары разные
 И съ тѣхъ товаровъ платили пошлину
 Въ казну государеву

И тѣми своими товарами
Торговали безъ запрещенія.

II.

Ермакъ взялъ Сибирь.

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,
Донскіе славны атаманы казачіе
Ермакъ Тимоѣевичъ, Самбуръ Андреевичъ и Аноф-
рій Степановичъ,

И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ казакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѣевичъ:
„А и вы гоѣ еси, братцы, атаманы казачіе!
Не корыстна у насъ шутка зашучена;
Гуляли мы по морю синему,
И стояли на протокъ на Ахтубѣ,
Убили мы посла персидскаго
Со всѣми его солдатами и матросами,
И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани жить нельзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикѣ итти—переходъ великъ,
Въ Казань итти—грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичъ;
Въ Москву итти—перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.
Пойдемте мы въ Усоля ко Строгоновымъ,
Ко тому Григорью Григорьевичу,

Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ,
Возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣб-
наго“.

И будутъ они въ Усольѣ у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу, пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать.
И нашли они пещеру каменну
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ ка-
меню;

И зашли они сверхъ того каменю,
Опускалися въ ту пещеру казаки,
Немного-немало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣ,
На другой сторонѣ въ такую-жъ они пещеру уби-
ралися.

И тутъ имъ было хорошо зима зимовать.
Та зима: проходить, весна настаеть.
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебряной рѣкѣ.
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами,
По Серебряной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки;
На той Баранченской переволокѣ
Одну тащили, да надсѣлися,
Тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, обрадова-
лись,

Подѣлали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ
И скоро они выплыли въ Тагиль-рѣку;
У того Медвѣдя камня Магницкаго у горы стано-
вились,

А на другой сторонѣ было у нихъ плодбище;
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.

Жили они тутъ казаки съ весны до Троицева дня,
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися.

И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку;
И тутъ они жили до Петрова дня.

Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ
И нашили на нихъ платье цвѣтное;
Было у Ермака дружины триста человекъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли,
Тутъ они князька полонили небольшого,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскихъ на изголови стано-
вилися

И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку крѣпко заедино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхнимъ,
Самбуръ Андреевичъ—устьемъ среднимъ,
Анофрій Степановичъ—устьемъ нижнимъ,
Которое устье впало противъ самой горы Тоболь-
скія.

И выплыли два атамана казачіе
Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ
Со своими товарищами на Иртышъ-рѣку,
Подъ самую высокую гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая
Со тѣми татары Котовскими;
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ, какъ часты дожди,
А казакамъ взять не можно ихъ.

И была баталія цѣлой день,
 Прибили казаки тѣхъ татаръ не мало число.
 И тому татары дивовалися,
 Каковы русски люди крѣпкіе,
 Что ни единого убить не могутъ ихъ;
 Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ, какъ въ снопики, налѣ-
 плено,

Только казаки всѣ невредимы стоятъ,
 И тому татары дивуются наипаче того.
 Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимо-
 оеевичъ

Со своею дружиною тою лукою Сауксанскою;
 Дошелъ до устья Сибирки рѣки
 И въ то время полонилъ Кучума царя татарскаго,
 А перваго князька пойманнаго
 Отпустилъ со извѣстіемъ
 Ко тѣмъ татарамъ Котовскіимъ,
 Чтобы они въ дракѣ съ казаками помирились:
 Ужъ де царя вашего въ полонъ взяли
 Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимооеевымъ.
 И таковы слова услыша, татары сократилися,
 И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
 Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ си-
 бирскіихъ,

И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
 А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака та-
 тарина

И далъ ему полномочіе владѣть ими.
 И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
 До зимняго Николина дня.
 Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
 Нахтармами вмѣстѣ шивалъ,
 А теплые мѣхи на верхъ обѣихъ сторонъ;
 Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.
 И убравши Ермакъ со всѣми казаки
 Отѣзжалъ въ каменну Москву
 Ко грозному царю Ивану Васильевичу.

И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,
 Наканунѣ праздника Христова дня;
 Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
 Большаго боярина Никиту Романовича,
 Чтобы доложилъ объ немъ царю Грозному.
 На самой праздникъ Христовъ день,
 Какъ изволилъ царь государь итти отъ заутрени,
 Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичъ:
 Что де атаманы казачіе,
 Ермакъ Тимоѣевъ съ товарищи,
 Къ твоему царскому Величеству съ повинностью
 пришли

И стоять на Красной площади.
 И тогда царь государь
 Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
 Того атамана Ермака Тимоѣева,
 Со тѣми его товарищи;
 Тотчасъ ихъ ко царю представили
 Въ тѣхъ шубахъ соболиныхъ.
 И тому царь удивляется,
 И не сталъ больше спрашивати,
 Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ
 До того часу, когда спросятъ.
 Втапоры царю праздникъ радощенъ былъ,
 И было пированіе почестное
 На великихъ на радостяхъ,
 Что полонилъ Ермакъ Кучума, царя татарскаго
 И вся сила покорилася тому царю Грозному,
 Царю Ивану Васильевичу.
 И по прошествіи того праздника
 Приказалъ царь государь
 Того Ермака предъ себя привести;
 Тотчасъ ихъ собрали
 И ко царю представили.
 Вопросыеть тутъ ихъ царь государь:
 „Гой ты еси, Ермакъ, Тимоѣевъ сынъ!
 Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ?”

И напрасныхъ душъ губиль,
 И какимъ случаемъ татарскаго
 Кучума царя полонилъ
 И всю его татарскую силу
 Подъ мою власть покорилъ?«
 Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ царемъ на ко-
 лѣни палъ
 И письменное извѣстiе обо всемъ своемъ похо-
 жденiи подавалъ,
 И при томъ говорилъ таковыя слова:
 „Гой еси, вольной царь, царь Иванъ Васильевичъ!
 Приношу тебѣ, осударь, повинность свою.
 Гуляли мы, казаки, по морю синему
 И стояли на протокъ на Ахтубѣ;
 И въ то время годилося мимо итти
 Послу персидскому Карамышеву Семену Констан-
 тиновичу

Со своими солдаты и матросами,
 И они напали на насъ своею волею,
 И хотѣли отъ насъ поживитися.
 Казаки наши были пьяные,
 А солдаты упрямые,
 И тутъ персидскаго посла устукали
 Со тѣми его солдаты и матросами“.
 И на то царь государь не прогнѣвался,
 Но и паче умилосердился,
 Приказалъ Ермака пожаловати.
 И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую
 Ко тѣмъ татарамъ Котовскимъ,
 Братъ съ нихъ дани, выходы въ казну государеву.
 И по тому приказу государеву
 Поѣхалъ Ермакъ Тимоѣевичъ
 Со своими казаками въ ту сторону Сибирскую.
 И будетъ онъ у тѣхъ татаръ Котовскихъ;
 Сталъ онъ ихъ наибольше
 Подъ власть государеву покоряти,
 Дани, выходы безъ запущенiя избирати.

И годъ, другой тому времени поизодучи,
 Тѣ татары взбунтовалися,
 На Ермака Тимоеева
 Напущалися на той большой Енисей *) рѣкѣ.
 Втапору у Ермака были казаки разосланы
 По разнымъ дальнымъ странамъ,
 А при немъ только было казаковъ на дву коломен-
 кахъ,

И билися, дралися съ татарами время не малое.
 И для помощи своихъ товарищевъ
 Онъ, Ермакъ, хотѣлъ перескочити
 На другую свою коломенку,
 И ступилъ на переходню обманчивую,
 Правую ногою поскользнулся онъ,
 И та переходня съ конца верхняго
 Подымалася и на его опускалася,
 Расшибла ему буйну голову
 И сбросила его въ тое Енисей *), быстру рѣку:
 Тутъ Ермаку такова смерть случилася.

Князь Михайло Скопинъ-Шуйскій.

Какъ бы малое время замѣшгавши,
 А во той же славной каменной Москвѣ,
 У того ли было князя Воротынскаго,
 Крестили молодого князевича,
 А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
 А кума была дочь Малютина,
 Того Малюты Скурлатова.
 У того ли князя Воротынскаго
 Какъ будетъ и почетной столъ,
 Туто было много князей и бояръ и званыхъ го-
 Будетъ пиръ во полу-пирѣ, стей.
 Княженецкой столъ въ полу-столъ,
 Какъ пьяненьки тутъ расхвастались:

*) Ермакъ погибъ не на р. Енисей, а на р. Иртышъ, притокъ р. Оби.

Сильный хвастаетъ силою,
 Богатый хвастаетъ богатствомъ.
 Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
 А не пилъ онъ зелена вина,
 Только одно пиво пилъ и сладкій медъ,
 Не съ большаго хмеля онъ похваляется:
 „А вы, глупый народъ, неразумные!
 А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
 Я, Скопинъ Михайло Васильевичъ,
 Могу князь похвалиться,
 Что очистилъ царство Московское
 И велико государство Россійское;
 Еще ли мнѣ славу поють до вѣку,
 Отъ стараго до малаго,
 Отъ малаго до вѣку моего“.
 А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
 Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали:
 Поддержали зелья лютаго,
 Подсыпали въ стаканъ, въ меду сладкіе,
 Подавали кумѣ его крестовыя,
 Малютиной дочи Скурлатовой.
 Она знавши, кума его крестовая,
 Подносила стаканъ меду сладкаго
 Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
 Примаеть Скопинъ, не отпирается,
 Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
 А самъ говорилъ таково слово
 (Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ):
 „А и ты съѣла меня, кума крестовая,
 Малютина дочь Скурлатова!
 А зазнаючи мнѣ со зельемъ стаканъ подала,
 Съѣла ты меня, змѣя подколодная!“
 Голова съ плечъ покатилася,
 Онъ и тутъ Скопинъ скоро съ пиру пошелъ,
 Онъ садился Скопинъ на добра коня,
 Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
 А только успѣлъ съ нею проститися,

А матушка ему пеняť стала:
 „Гой еси, мое чадо милое,
 Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
 Я тебѣ приказывала,
 Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому,
 А и ты меня не послушался.
 Лишила тебя свѣту бѣлаго
 Кума твоя крестовая,
 Малютина дочь Скурлатова“.
 Онъ къ вечеру Скопинъ и представился.

Убіеніе царевича Димитрія.

Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
 Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится:
 То орелъ летитъ поднебесью,
 Зорко смотритъ онъ на Москву-рѣку,
 На палатушки бѣлокаменные,
 На сады ея зеленые,
 На золотой дворець стольна города.
 Не лютая змѣя воздыбалася,
 Воздыбался собака булатный ножъ,
 Упалъ онъ не на воду, не на землю,
 Упалъ онъ царевичу на бѣлу грудь,
 Да тому ли царевичу Димитрію.
 Убили же царевича Димитрія,
 Убили его на Углищи,
 На Углищи, на игрищи,
 Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ночью.
 Коршунъ свилъ гнѣздо къ коршунятами.
 Ужъ какъ тотъ орелъ Димитрій царевичъ,
 Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
 Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
 Царилъ же онъ, злодѣй, ровно семь годовъ.
 Не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
 Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится:

То идетъ грозный Божій гнѣвъ
 За православную Русь,
 И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
 Его пухъ прошелъ по поднебесью,
 Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

Гришка Разстрига.

Ты, Боже, Боже, Спасъ милостивый!
 Къ чему рано надъ нами прогнѣвался—
 Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
 Злаго Разстригу Гришку Отрепьева?
 Уже ли онъ, Разстрига, на царство сѣлъ?
 Называется Разстрига прямымъ царемъ,
 Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ!
 Не долго Разстрига на царствѣ сидѣлъ,
 Похотѣлъ Разстрига жениться;
 Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
 Бралъ онъ Разстрига въ проклятой Литвѣ
 У Юрья пана Сендомирскаго
 Дочь Маринку Юрьеву,
 Злу еретницу, безбожницу.
 На вешній праздникъ Николинъ день,
 Въ четвергъ у Разстриги свадьба была,
 А въ пятницу праздникъ Николинъ день...
 Выходитъ Разстрига на Красный крылецъ,
 Кричитъ, реветъ зычнымъ голосомъ:
 „Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
 Приспѣвайте кушанье разное,
 А и постное, и скоромное;
 Заутра будетъ ко мнѣ гость дорогой,
 Юрья панъ со паньєю“.
 А втапоры стрѣльцы догадалися,
 За то-то слово спохватилися,
 Въ Боголюбовъ монастырь металися

Къ царицѣ Марѣѣ Матвѣевнѣ:
 „Царица ты, Марѣѣ Матвѣевна!
 Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
 Царевичъ Димитрій Ивановичъ?“
 А втапору царица Марѣѣ Матвѣевна заплакала
 И таковы рѣчи въ слезахъ говорила:
 „А глупы стрѣльцы вы, не догадливы!
 Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
 На царствѣ у васъ сидитъ
 Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
 Потерянъ мой сынъ царевичъ Димитрій Ивановичъ
 На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыхихъ,
 Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ,
 У чудной Софіи Премудрыя;
 У того ли то Ивана Великаго
 Завсегда звонятъ въ царь-колоколъ,
 Соборны попы собираются,
 За всякіе праздники совершаютъ панихиды
 За память царевича Димитрія Ивановича,
 А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда“.
 Тутъ стрѣльцы догадалися,
 Всѣ они собиралися,
 Ко Красному царскому крылечку металися
 И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
 Гришка Разстрига догадается,
 Самъ въ верхни чердаки убирается
 И накрѣпко запирается;
 А злая его жена, Маринка безбожница,
 Сорокою обернулася,
 И изъ палатъ вонъ она вылетѣла.
 А Гришка Разстрига втапору догадивъ былъ,
 Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копы острыя
 Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ,
 И тутъ ему такова смерть случилась.

Ксенія Годунова.

Сплачется младая птичка,
Бѣлая пелепелка:

„Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыя дѣти побити,
Меня, пелепелку, поимати“.

Сплачется на Москвѣ царевна:

„Охте мнѣ молоды горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ Разстрига,
Что хочеть меня полонити,
А полонивъ меня, хочеть постричи,
Чернеческій чинъ наложити.
Ино мнѣ постричися не хочеть,
Чернеческаго чину не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцевъ посмотрити.
Ино, охъ милые наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?“

Стенька Разинъ.

Вы, лѣса-ль мои, лѣсочки, лѣса темные,
Вы, станы-ль мои, станочки, станы теплые!
Ужъ какъ вы-ль, мои станочки, поразломлены,

Всѣ товарищи, всѣ пріятели поразловлены,
 По злодѣйкамъ по тюрьмамъ поразсожены.
 Только я то ли, добрый молодецъ, не пойманъ былъ,
 По прозванію меня звали Стеньга Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ, я не два года,

Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.

Какъ пошелъ-то я ко синю морю,

Ко синю морю, ко Дунай-рѣкѣ;

У Дунай-рѣки перевозъ кричалъ:

„Перевезите-ка меня, добра молодца,

На ту сторону, на бѣлый камешекъ!“

На бѣломъ камешкѣ сталъ скончатися,

При кончинушкѣ сталъ наказывать,

Сталъ наказывать и выговаривать:

„Ахъ вы, милые сотоварищи!

Похороните меня, добра молодца,

Промежду трѣхъ дорогъ: первой Питерской,

Другой Владимирской, третьей Кіевской.

Во-въ правую ручку дайте саблю вострую,

Во-въ лѣвую ручку калену стрѣлу,

Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,

Во-въ ногахъ поставьте воронѣ коня.

Кто нійдетъ, кто ни ѣдетъ мимо молодца,

Мимо молодца, всякъ помолится:

„Что не воръ ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,

Тутъ лежитъ-то Стеньга Разинъ сынъ“.

Приходили тутъ сотоварищи,

Помолилися на чуденъ-дивенъ крестъ,

Тому-то братцы сдивовалися,

Стенькѣ Разину поклонялися:

„Ужъ ты выстанъ-ка, сотоварищъ нашъ,

Ты возьми-ка въ руки саблю вострую,

Во-въ лѣву руку калену стрѣлу,

Ты ударь-ка буйной палицей

По бедрамъ нашимъ широкімъ!

Кабы знали мы, ужъ вѣдали,

Выручили бы съ бѣла камня,

Съ бѣла камня, со Дунай-рѣки,
 Со Дунай-рѣки, со широкоюшкой.
 Покажи-ка намъ златы латы тутъ,
 Златы латы тутъ серпентинныя!“

Погрузили во Дунай-рѣку
 Сотоварищи Стеньку Разина.
 Со Дунай-рѣки сотоварищи
 На Амуръ пошли думу думати.
 У Амуръ-рѣки крута гора,
 Крута гора, высокая;
 На той горѣ распрощались,
 Другъ другу поклонялися:
 „Ужь мы, братцы, разоидемтесь-ка,
 Разоидемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!“

Рожденіе Петра I.

Ужь какъ свѣтель радошень въ Москвѣ
 Ласковый царь Алексѣй сударь Михайловичъ:
 Народилъ ему Господь сына-царевича,
 Что царевича Петра Алексѣевича.
 Какъ всѣ-то русскіе плотнички,
 Что плотнички сами мастера,
 Они ночку не спали—колыбель-люльку дѣлали,
 А нянюшки, мамушки, сѣнны дѣвушки,
 Онѣ ночку не спали—шириночку вышивали
 По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ;
 А втапоры затюремнички они всѣ распущались,
 Царскіе погребы они всѣ растворялись;
 У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
 Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
 Всѣ дворяне ко ласковому соѣзжались,
 Весь народъ Божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, про-
 хлаждаются.

Въ весельи не видали, какъ и дни прошли:

Все для младшаго царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.

Плачь войска по Петрѣ Великомѣ.

Охъ ты, ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вырѣла?
— Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я зарей цвѣла, солнцемъ вырѣла.—
Охъ ты, ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты почто мало позаломана,
Во пучечки перевязана,
По дикой степи поразбросана,
До того ли села Шереметева,
До того ли дворца государева,
До того ли крыльца воскрапонаго?
У того ли дворца государева,
У крыльца было воскрапонаго,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ,
Приздобилъ онъ рѣзвы ноженьки по самы сапо
женьки,
Бѣлы рученьки по самыя костыньки.
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что рѣка льется,
Ужъ и слѣзы льютъ, что ручьи текутъ,
Воздыхаетъ онъ, словно лѣсъ шумить,
Возрыдаетъ онъ, ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи онъ возговорилъ:
„Вы подуйте съ горь, вѣтры буйные,
Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые,
Растолкните, вѣтры, бѣль-горючъ камень,
Распатайте-ка мать сыру землю
Вы на всѣ на четыре стороны,

Расколите, вѣтры, гробову доску,
Разверните вы золоту парчу,
Распахните вы бѣль-тонкой савань!
Ужь ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку:
Твоя силушка во строю стоять,
Во строю стоять—не шелохнется,
По военному она обучается,
На войну она отлучается“.

Духовные стихи.

Составленіе духовныхъ стиховъ началось у насъ, на Руси, со времени введенія христіанства. Слагались они подъ вліяніемъ Священнаго Писанія, церковныхъ пѣснопѣній и главнымъ образомъ апокрифическихъ (отвергаемыхъ православною церковью) сочиненій, переходившихъ къ намъ изъ Византіи и славянскихъ земель. Духовные стихи пѣлись и нынѣ поются слѣпыми старцами, странниками по святымъ мѣстамъ, водимыми обыкновенно мальчиками. Пѣвцы эти называются „каликами (или калѣками) переходжими“. Слово „калики“ одни понимаютъ въ прямомъ смыслѣ—калѣки, слѣпцы; другіе производятъ отъ слова „калиги“, означающаго обувь, которую носили странники-богомольцы. Калики переходжіе—нищіе и живутъ подаваніемъ, собираемымъ ими за пѣніе стиховъ. Пѣніе ихъ заунывное и однообразное; особенно часто поютъ они такимъ напѣвомъ стихъ о Лазарѣ.

Апокрифическія сочиненія, или апокрифы, главный источникъ духовныхъ стиховъ, возникли въ глубокой древности. Они существовали какъ въ Византіи, такъ и въ Западной Европѣ. Это—полународныя, полукнижныя произведенія; содержаніе ихъ бралось изъ Священнаго Писанія, но истины послѣдняго дополнялись въ нихъ вымыслами, созданными народнымъ воображеніемъ. Въ Библии есть событія и лица, о которыхъ говорится очень мало; эта краткость свѣдѣній возбуждала народное любопытство, и воображеніе дополняло библейскій рассказъ подробностями.

Такъ возникли апокрифы объ Адамѣ и Евъ, о ихъ жизни на землѣ по изгнаніи изъ рая, о Мельхиседекѣ; о царѣ Давидѣ, о Соломонѣ, о пребываніи грѣшниковъ въ аду, о страшномъ судѣ и проч. Сначала апокрифическія сочиненія не были преслѣ-

дуемы церковью; но когда еретики стали пользоваться ими для своихъ цѣлей, церковь начала за-прещать ихъ, отреклась отъ нихъ, Русское ихъ названіе—„отреченныя книги“. Апокрифы были очень распространены, и ихъ любили читать.

Духовные стихи очень разнообразны по содержанию. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ много языческаго, баснословнаго, и они приближаются по характеру содержанія къ сказкамъ. Другіе можно назвать переходными произведеніями отъ былинъ къ духовнымъ стихамъ. Въ третьихъ уже преобладаетъ собственно духовное, христіанское начало.

Языческимъ, баснословнымъ характеромъ отличаются стихи о Голубиной книгѣ и о Егоріи храбрѣ.

Въ стихѣ о Голубиной книгѣ говорится о происхожденіи міра и различныхъ его явленій. Въ стихѣ этомъ мы встрѣчаемъ смѣсь древнихъ языческихъ воззрѣній съ христіанскими вѣрованіями. Наименованіе „Голубиная книга“ объясняютъ двояко: глубокая по содержанию, или вдохновенная Духомъ Святымъ, образомъ (символомъ) котораго служить голубь. Голубиная книга—чрезвычайной величины и упала съ неба; никто не можетъ ее прочесть; только пророкъ Исаія прочелъ изъ нея три листа, и царь Давидъ объявляетъ ея содержаніе по памяти нашему князю Владимиру Владимировичу (въ стихѣ встрѣчаются противорѣчія въ обозначеніи времени событій, много въ немъ и незнанія, простодушно обнаруживаемаго). На вопросы Владимира царь Давидъ объясняетъ, какъ произошли земля, солнце, луна, звѣзды, ночи, вѣтры, дождь. Далѣе въ стихѣ говорится, что различныя сословія произошли отъ различныхъ частей тѣла Адамова: цари пошли отъ главы Адамовой, князья и бояре—отъ „мощей“, крестьяне—отъ колѣна. Затѣмъ князь Владимиръ задаетъ рядъ вопросовъ о первенствѣ

различныхъ лицъ, предметовъ и явленій на землѣ. Отвѣты царь Давидъ даетъ ему въ христіанскомъ и русскомъ отечественномъ духѣ. Такъ, напримѣръ, царемъ надъ царями онъ называетъ „бѣлаго царя“, потому что онъ „держитъ вѣру крещеную“; а „свята Русь земля всѣмъ землямъ мати: на ней строятъ церкви апостольскія“. Въ отвѣтахъ царя Давида встрѣчается иногда удивительное соединеніе чисто языческихъ воззрѣній съ христіанскими. Напримѣръ, кить-рыба названа всѣмъ рыбамъ матерью, потому что „на трехъ рыбахъ земля основана“, и когда кить-рыба повернется, тогда бѣлый свѣтъ покончится; но вслѣдъ затѣмъ стихъ говоритъ: „основана земля Святымъ Духомъ, а содержана словомъ Божиимъ“. Оканчивается Голубиная книга объясненіемъ сна князя Владимира; князь видѣлъ, что два лютые звѣря „промежду собой дрались-билися“. Царь Давидъ объясняетъ, что это боролись Правда съ Кривдою. Правда побѣдила и ушла на небеса, а побѣжденная Кривда распространилась по землѣ: оттого люди стали неправедные и злопамятные. Здѣсь выражается и неприкрашенное пониманіе народомъ дѣйствительности, и возвышенный взглядъ на Правду, на ея торжество если не въ этомъ мірѣ, такъ въ мірѣ будущемъ.

Стихъ о Егоріи храбромъ повѣствуетъ уже не о началѣ всего міра, какъ Голубиная книга, а только о началѣ устройства и просвѣщенія Русской земли, которое приписывается св. Георгію (Егорію). Въ стихѣ о Георгіи можно различать двѣ части. Въ первой части описываются происхожденіе и мученія Георгія. Сказаніе о происхожденіи Георгія отличается страннымъ, противорѣчащимъ исторіи, смѣшеніемъ времени, мѣстъ и лицъ. Св. Георгій жилъ при Діоклетіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину; имя Діоклетіана замѣняется иногда именемъ цари-

ща Демьянища, Дектіанища и проч. Очевидно, здѣсь изображается языческій царь или вообще язычество, гнавшее христіанство. Родился Георгій, по словамъ стиха, въ Иерусалимѣ, который оказывается въ Россіи. По вымыслу народному, матерью Георгія является Софія премудрая, у которой три дочери: въ данномъ случаѣ народъ, вѣроятно, разумѣетъ мученицу Софію и трехъ ея дочерей—Вѣру, Надежду и Любовь. Но всего страннѣе въ стихѣ изображеніе самого Георгія: „по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, по локоть руки въ красномъ золотѣ, голова у Егорья вся жемчужная, по всемъ Егоріи часты звѣзды“. Такими же точно словами въ народныхъ сказкахъ описываются разные богатыри, и потому очень можетъ быть, что народъ смѣшалъ Георгія съ какимъ нибудь древнимъ богатыремъ или языческимъ божествомъ; во второй части стиха онъ дѣйствительно изображается въ видѣ богатыря, развѣзжающаго по Русской землѣ. Но можетъ быть также и то, что такое изображеніе Георгія снято просто съ какой нибудь иконы св. Георгія въ серебряной и позолоченной ризѣ, усѣянной звѣздами и украшенной жемчугомъ. За рассказомъ о происхожденіи слѣдуетъ изображеніе мученій Георгія. Кромѣ житія, принятаго церковью, въ которомъ изображаются мученія Георгія, ходили еще другія (апокрифическія) сказанія о Георгіи. Подъ влияніемъ такихъ сказаній, вѣроятно, и составилось въ стихахъ изображеніе мученій Георгія. Во второй части стиха описывается путешествіе Георгія по землѣ Русской. Русь представилась Георгію совершенно дѣвственной и дикою, ненаселенною и невоздѣланною: повсюду лѣса дремучіе, горы толкучія, рѣки текучія, звѣри рысучіе и змѣи огненные — нельзя ни пройти, ни проѣхать. Однако по молитвѣ Георгія всѣ препятствія были устранены, и онъ наконецъ пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ въ палатахъ бѣлокаменныхъ встрѣ-

тилъ царища Діоклетіанища. Описаніе встрѣчи съ нимъ Георгія очень напоминаетъ встрѣчу Ильи Муромца съ Соловьемъ-разбойникомъ въ былинахъ. Увидѣвъ Георгія, царище, подобно Соловью, кричитъ позвѣриному, визжитъ позмѣиному, такъ что конь Георгія упалъ на сыру землю. Георгій убилъ царища, разрушилъ его жилище, утвердилъ въ Кіевѣ вѣру самому Христу, царю небесному.

Такимъ образомъ изъ мученика за вѣру, какимъ Георгій изображается въ первой части стиха, онъ превращается во второй части въ учредителя порядка, устроителя и просвѣтителя Русской земли. Черты, въ какихъ онъ изображается, очевидно, сняты съ какого нибудь древняго богатыря, хотя его дѣятельность не имѣетъ вполнѣ богатырскаго характера. Онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ вострымъ копьемъ богатырскимъ, но ни разу не употребляетъ его въ дѣло. Только уже въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Діоклетіанищемъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него калену стрѣлу и разрушилъ палицей его палаты, но все путешествіе онъ совершаетъ необыкновенно мирнымъ образомъ. Землю Русскую онъ устрояетъ тѣмъ, что распространяетъ вѣру христіанскую, строитъ церкви соборныя и богомольныя, ѣздитъ повсюду съ книгою-евангеліемъ. Такимъ именно въ высшей степени мирнымъ способомъ, путемъ распространенія христіанской вѣры, дѣйствительно и происходило устроеніе и просвѣщеніе земли Русской. Въ Георгіи, можно думать, народъ представилъ вообще изображеніе тѣхъ духовныхъ богатырей, поборниковъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, просвѣщали дикія племена Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри и пустыни.

Переходнымъ стихомъ отъ былинь собственно къ духовной народной поэзіи можно назвать стихъ о сорока каликахъ со каликою. Здѣсь калики переходіе—настоящіе богатыри; они съ атаманомъ своимъ Касьяномъ Михайловичемъ просятъ у князя Владимира, котораго встрѣтили въ лѣсу на охотѣ, милостыни, — просятъ они такимъ зычнымъ голосомъ, что деревья верхушками къ землѣ преклоняются. Князь отсылаетъ ихъ въ Кіевъ къ княгинѣ; княгиня Апраксѣевна принимаетъ ихъ и угощаетъ, и затѣмъ плѣняется красотой ихъ атамана. Въ этой части стиха замѣтно вліяніе библейскаго разсказа объ Іосифѣ и женѣ Пентефріа. Касьянъ Михайловичъ, какъ Іосифъ, не отвѣчаетъ сочувствіемъ на любовь княгини, и она мститъ ему, тайно положивъ свою серебряную чару въ его дорожную сумку и потомъ пославъ погоню обыскать каликъ. Калики, думая, что атаманъ ихъ въ самомъ дѣлѣ провинился въ кражѣ, зарываютъ его по плечи въ землю и безъ него отправляются въ Іерусалимъ. Но на возвратномъ пути они видятъ его живымъ; онъ выскакиваетъ къ нимъ изъ сырой земли, „какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда“, и они всѣ вмѣстѣ отправляются опять въ Кіевъ. Здѣсь Касьянъ Михайловичъ исцѣляетъ княгиню, всю покрытую ранами, заболѣвшую въ наказаніе Божіе за клевету.

Этотъ стихъ, изображая каликъ въ видѣ богатырей, также показываетъ намъ, что многіе калики выходили изъ богатырей. Послѣ разныхъ подвиговъ удалства и буйства, приходя въ сознаніе своей грѣховности, богатырь отправлялся на богомолье въ Іерусалимъ или другія мѣста, и изъ богатыря становился каликой. Примѣръ такого перехода представляетъ новгородская былина о Василии Буслаевѣ. „Смолоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“, — говоритъ Василій Буслаевъ и отправляется со всей своей богатырской дружиной въ

Иерусалимъ. Выходя изъ богатырей, многіе калики сначала, конечно, удерживали свой прежній, богатырскій характеръ; но потомъ, когда богатыри перешли, они сравнялись съ обыкновенными странниками. Эти послѣдніе, конечно, встрѣчали въ Иерусалимѣ старцевъ, которые распѣвали предъ народомъ священныя пѣсни и житія святыхъ, и это обыкновеніе составляетъ и распѣвать духовныя пѣсни перенесли въ Россію. Такъ, вѣроятно, получили начало духовныя стихи. Одни странники ходили въ Иерусалимъ и прочія святыя мѣста только по обѣту, а другіе ходили или лучше переходили изъ одного мѣста въ другое постоянно, собирая при этомъ подаянія. Это тѣ, которые по старости лѣтъ, по болѣзни или по уродству не могли заниматься трудными дѣлами, чтобы доставить себѣ пропитаніе, и находили средство для этого въ подаяніяхъ и милостынѣ. За этими странниками и осталось названіе калики и стало означать нищаго-слѣпого, хромого или безрукаго — калѣку въ настоящемъ смыслѣ.

Нынѣшніе калики совсѣмъ не помнятъ древняго богатырскаго времени; свое сословіе, какъ убогихъ нищихъ, живущихъ подаяніемъ, они производятъ изъ другаго источника. Начало нищенства каликъ на Руси объясняется въ стихѣ „Съ какихъ поръ появились калики перехожіе“. Наканунѣ Вознесенія нищая братія расплакалась передъ Христомъ: „На кого-то Ты насъ оставляешь? на кого-то Ты насъ покидаешь? Кто насъ поить-кормить станетъ? одѣвати станетъ, обувати, отъ темныя ночи охраняти?“ Тогда Христось говоритъ, что оставитъ имъ „гору крутую золотую“. Но Іоаннъ Златоустый возражаетъ Христу, что золотая гора не поможетъ нищимъ, — узнаютъ о ней сильныя и богатые люди, князья, бояре и торговые гости, и отнимутъ гору у нищихъ. Оставь лучше имъ, — проситъ онъ Христа, —

имя Твое святое“: будутъ они имъ и сыты, и обуты, и одѣты, и „отъ темныя ночи приукрыты“. Христось одобряетъ слова Іоанна и даетъ ему за совѣтъ „уста золотыя“. Это окончаніе стиха очень наивно, какъ наивно и смѣшеніе двухъ Іоанновъ— апостола и позднѣйшаго отца церкви. Но стихъ заключаетъ въ себѣ глубокую и возвышенную мысль: нищія на Руси дѣйствительно жили всегда именемъ Христовымъ.

Къ третьему отдѣлу можно отнести стихи, въ которыхъ преобладаетъ собственно духовное, христіанское начало. Господствующая въ нихъ черта— нравственное направленіе, поучительность, которая служить конечною цѣлью стиха. Всѣ стихи, содержаніе которыхъ примыкаетъ къ священной исторіи вообще, или въ частности къ житіямъ святыхъ, или даже къ русской исторіи, можно назвать нравственно-историческими стихами.

Весьма замѣчательный отдѣлъ народной поучительно-духовной поэзіи составляютъ стихи о кончинѣ міра и страшномъ судѣ. Основую этихъ стиховъ послужило, разумѣется, изображеніе кончины міра и послѣдняго суда въ Евангеліи; но, кромѣ евангельскихъ чертъ, мы встрѣчаемъ здѣсь много картинъ, созданныхъ народнымъ воображеніемъ подъ вліяніемъ разныхъ апокрифическихъ сказаній (духовнаго содержанія, не одобряемаго православною церковью). Но всего сильнѣе, конечно, поражала воображеніе народа извѣстная картина страшнаго суда, которая была принесена къ намъ при самомъ началѣ христіанства; лѣтописецъ Несторъ рассказываетъ, что этою картиною всего сильнѣе подѣйствовалъ греческій проповѣдникъ на князя Владимира, при ознакомленіи его съ истинами христіанской вѣры. Стихи о страшномъ судѣ очень разнообразны: одни начинаются изображеніемъ пришествія антихриста; въ другихъ объ антихристѣ не

говорится, но описывается кончина міра и страшный судъ; въ нѣкоторыхъ изображаются главнымъ образомъ мученія, ожидающія грѣшниковъ въ будущей жизни.

Помѣщаемый въ данномъ сборникѣ стихъ о страшномъ судѣ сложился подъ вліяніемъ апокрифа „Хожденіе Богородицы по мукамъ“. Грѣшники, осужденные Христомъ, обращаются съ мольбою къ Богоматери, чтобы Она помолилась о нихъ, грѣшныхъ, „у своего Сына, у распятаго, у Христа Царя Бога небеснаго“. Пресвятой Дѣвѣ жаль становится грѣшниковъ, и Она проситъ Христа помиловать ихъ ради Нея. Любящій Сынъ Христосъ не можетъ отказать Матери; Онъ говоритъ, что ради Нея Онъ хочетъ ихъ помиловать; но для этого Онъ долженъ вторично пострадать за людей, и Онъ спрашиваетъ Пресвятую Дѣву, въ силахъ ли Она вновь видѣть Его крестныя мученія. Тогда Богоматерь, горячо любящая Сына, отказывается отъ своего ходайства.

Нѣкоторые стихи о страшномъ судѣ называются стихами „о Михаилѣ архангелѣ“. Архангелъ Михаилъ вмѣстѣ съ Гавріиломъ являются главными дѣйствующими лицами во время кончины міра и страшнаго суда. По звуку трубы архангела Михаила мертвые возстанутъ на судъ. Потомъ архангелъ Михаилъ представляется въ стихахъ перевозающимъ души умершихъ чрезъ огненную рѣку. Эта подробность вошла въ стихи, конечно, изъ народныхъ сказаній, гдѣ переходъ изъ здѣшней жизни въ міръ загробный представляется подъ образомъ переѣзда черезъ рѣку, которая находится на границѣ между землею и міромъ загробнымъ. Въ одномъ стихѣ архангелы Михаилъ и Гавріиль называются „судьями праведными“, которые отъ лица Божія указываютъ грѣшникамъ мученія.

Далѣе, можно отмѣтить стихи, въ которыхъ

изображаются мученія грѣшниковъ въ будущей жизни, и при этомъ указываются грѣхи, за которые они будутъ мучиться. Такимъ является стихъ „о великой грѣшницѣ“, подѣ которой разумѣется человѣческая душа, исповѣдывающаяся въ своихъ грѣхахъ.

Собственно къ нравственно-историческимъ стихамъ, содержаніе которыхъ примыкаетъ къ священной исторіи вообще или въ частности къ житіямъ святыхъ, относятся стихи объ Іосифѣ Прекрасномъ, Алексѣѣ, Человѣкѣ Божіемъ, о двухъ Лазаряхъ, о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, о св. князѣ Александрѣ Невскомъ.

Библейская исторія объ Іосифѣ, проданномъ братьями въ Египетъ, дала содержаніе для стиха „объ Іосифѣ прекрасномъ“. Согласно съ библіей въ стихѣ послѣдовательно излагаются всѣ событія этой трогательной исторіи: продажа Іосифа въ Египетъ, жизнь въ Египтѣ у царедворца Пентефрія, несправедливое заключеніе къ темницу, переходъ изъ темницы на первое мѣсто въ государствѣ и свиданіе съ братьями и отцемъ. При этомъ съ особенною силою выставляется на видъ отеческая любовь въ Іаковѣ и сыновня—въ Іосифѣ. Когда купцы, говоритъ стихъ, которымъ былъ проданъ Іосифъ, проѣзжали мимо того мѣста, гдѣ была похоронена мать его, Рахиль, Іосифъ попросилъ ихъ пустить его на могилу матери: „Богатые вы купчаны, отпустите, ослобоните на матушкину могилку, горючихъ я слезъ наточуся, съ родимую матушкою прощуся“.

Далѣе слѣдуетъ самый плачъ Іосифа на могилѣ матери. Эта картина составила на основаніи одного древне-іудейскаго преданія. Другая картина очень своеобразна и, вѣроятно, русскаго происхожденія. Ожидая свиданія съ отцомъ, Іосифъ приказалъ утвердить въ землѣ столбъ и обить его бархатомъ. Когда слѣпного уже Іакова привели къ этому стол-

бу, Иосифъ сталъ за столбъ и, привѣтствуя отца, поклонился ему въ ноги, а Иаковъ, думая обнять сына, прижалъ къ себѣ столбъ такъ сильно, что изъ него „съ обѣихъ сторонъ сокъ выступилъ“. Когда Иосифъ объяснилъ ему, что онъ вмѣсто него обнялъ столбъ, Иаковъ сказалъ: „спасибо, любезное мое чадо, что ты не шелъ теперь ко мнѣ въ руки: зажалъ бы съ тоски тебя до смерти“.

Содержаніе стиха о двухъ Лазаряхъ заимствовано изъ евангельской притчи. Здѣсь богачъ и бѣднякъ притчи оба называются Лазарями и представляются родными братьями; содержаніе притчи въ стихѣ распространено и искажено. Весьма наивентъ рассказъ о кончинѣ братьевъ: за душой добраго Лазаря явились ангелы милостивые, они вынули душу его честно и хвально, черезъ „сахарны уста“, положили ее на пелену и отнесли въ рай. За душой же злого Лазаря явились ангелы немилостивые, вынули его душу нечестно, нехвально, сквозь ребра и бросили ее въ адъ.

Житіе св. Алексѣя, челоуѣка Божія, не могло не поражать народнаго воображенія тѣмъ высокимъ примѣромъ самоотверженія, какой въ немъ представляется. Имя князя и соединенное съ нимъ высокое положеніе въ обществѣ, богатство и роскошь, окружавшія его съ колыбели, любовь родителей и родныхъ и прекрасная любящая супруга, съ которою только что заключенъ союзъ на всю жизнь,— все это отвергнуто св. Алексѣемъ для Бога и спасенія души, все это съ радостію, въ самой цвѣтущей порѣ молодости, промѣнено на имя и жизнь нищаго калѣки, въ рубищѣ переходящаго съ мѣста на мѣсто, подъ дождемъ и вѣтромъ на паперти храма выпрашивающаго милостыню и наконецъ находящаго пріютъ въ убогой кельѣ. Неудивительно, что народъ переложилъ это житіе св. Алексѣя въ стихи, которые сдѣлались его любимыми стихами.

Память свв. Бориса и Глѣба, какъ первыхъ мучениковъ нашей церкви, глубоко почиталась, и житія ихъ составляли предметъ любимаго чтенія у народа. Народъ сложилъ объ этихъ князьяхъ особый стихъ, въ которомъ, впрочемъ, нѣкоторыя обстоятельства ихъ кончины излагаются въ другомъ видѣ, чѣмъ въ житіяхъ. Святополкъ называется въ стихѣ помѣшаннымъ. Намѣреваясь погубить Бориса и Глѣба, онъ написалъ имъ посыльный листъ, приглашая ихъ къ себѣ на пирь-поминки въ честь ихъ покойнаго отца. Мать убѣждала братьевъ не ѣздить, указывая на то, что старшій братъ хочетъ ихъ погубить, чтобы одному завладѣть всей землей Русской, но по любви къ отцу, на поминъ котораго приглашалъ ихъ Святополкъ, они не послушали совѣта матери и поѣхали. Умертвивъ Бориса и Глѣба, Святополкъ началъ хвалиться, что онъ владѣеть теперь всей Русью, но Господь не потерпѣлъ хвалы его, послалъ двухъ ангеловъ и велѣлъ имъ „землю подъ нимъ подрѣзати: вся вселенная ужаснулась, словно въ синіемъ морѣ волны всколыхались; онъ думалъ, злодѣй, рай растворился, анъ самъ сквозь сырой земли провалился“. Существенное отличие стиха отъ житій заключается въ томъ, что житія представляютъ въ Борисѣ и Глѣбѣ примѣръ братской любви, а въ стихѣ главною чертою выставляется въ нихъ сыновняя любовь къ отцу, вслѣдствіе которой они не послушали даже совѣта матери, предостерегавшей ихъ отъ Святополка, поѣхали на поминки отца и погибли.

Въ стихѣ объ Александрѣ Невскомъ этотъ князь согласно съ исторіей представляется защитникомъ и оберегателемъ Русской земли отъ татаръ. Только, по стиху, князь Александръ, одержавъ побѣду надъ врагами, принялъ монашество, чего въ дѣйствительности не было.

Съ какихъ поръ проявились калики перехожіе.

Среди было теплаго лѣта,
Наканунъ Вознесенія Христова
Расплакалась нищяя братья:
„Гой еси, Христось, царь небесный!
На кого-то Ты насъ оставляешь?
На кого-то Ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить-кормить станеть,
Одѣвати станеть, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?“
Проглаголетъ Христось, царь небесный:
„Не плачьте вы, нищяя братья!
Дамъ Я вамъ, нищимъ убогимъ,
Гору крутую золотую;
Умѣйте горою владати,
Промежду собою раздѣляти;
Будете вы сыты и довольны,
Обуты и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты“.
Проглаголетъ Іоаннъ Златоустый:
„Гой еси, Христось, царь небесный!
Благослови меня слово промолвить
За нищюю братью, за убогую:
Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору, золотую;
Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собой раздѣляти.
Зазнають гору князи и бояра,
Зазнають гору пастыри и власти,

Зазнають гору торговые гости,
 Отоймутъ у нихъ гору крутую,
 Отоймутъ у нихъ гору золотую;
 По себѣ они гору раздѣлять,
 По князьямъ золотую разверстають,
 Да нищую братью не допустятъ;
 Много у нихъ будетъ убійства,
 Много у нихъ будетъ кроволитства,
 Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися
 Да нечѣмъ имъ будетъ приодѣтися
 И отъ темныя ночи приукрытися.
 Дадимъ мы нищимъ убогимъ
 Имя Твое святое:
 Будутъ нищіе по міру ходити,
 Тебя, Христа, величати,
 Въ каждой часъ прославляти;
 Будутъ они сыты и довольны,
 Обуты будутъ и одѣты,
 И отъ темныя ночи приукрыты“.
 Проглаголетъ Христось, царь небесный:
 „Исполать тебѣ, Іоаннь Златоустый!
 Умѣлъ ты словечко промолвить
 За нищую братью, за убогую,
 Да вотъ тебѣ уста золотыя!“
 Мы пѣснь поемъ „алилуйя!“

Сорокъ каликъ со каликою.

А изъ пустыни было Ефимьева,
 Изъ монастыря изъ Боголюбова,
 Начинали калики наряжати
 Ко святому граду Іерусалиму,
 Сорокъ каликъ ихъ со каликою;
 Становилися во единый кругъ;
 Они думали думушку единую,
 А едину думушку крѣпкую,

Выбирали большаго атамана,
 Молода Касьяна сына Михайловича.
 А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
 Кладеть онъ заповѣдь великую
 На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодецѣвъ:
 „А итти намъ, братцы, дорога неближняя,
 Итти будетъ ко городу Іерусалиму,
 Святой святынѣ помолитися,
 Господню Гробу приложитися,
 Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
 Нетлѣнной ризой утеретися;
 Идти селами и деревнями,
 Городами тѣми съ пригородками,
 А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
 Кто украдетъ, или кто солжетъ,
 Не скажетъ большому атаману,
 Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,
 Едина оставить во чистомъ полѣ
 И окопать по плеча во сыру землю“.
 И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
 Бѣлыя рученьки исприложены:
 Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичъ,
 Податаманѣ, братъ его родной,
 Молодой Михайло Михайловичъ.
 Пошли калики во Іерусалимъ градъ,
 А идутъ недѣлю уже споряду,
 Идутъ уже время не малое,
 Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ,
 Сверхъ тое рѣки Череги,
 На его потѣшныхъ на островахъ,
 У великаго князя Владимира,
 А и вышли они изъ раменья,
 Встрѣчу имъ-то Владимиръ князь
 Ѣздитъ онъ за охотою,
 Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
 Лисицъ, зайцевъ всѣхъ погониваетъ.

Пригодилось ему ѣхати по близости;
 Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
 Становилися во единый кругъ,
 Ключи-посохи въ землю потыкали,
 А и сумочки исповѣсили,
 Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
 Дрогнетъ матушка сыра земля,
 Съ деревъ вершины попадали,
 Подъ княземъ конь окорачился,
 А богатыри съ коней попадали,
 А спирия сталъ поспиривать,
 Сема сталъ пересемывать;
 Едва пробудится Владимиръ князь,
 Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ.
 Они-то ему поклонилися,
 Великому князю Владимиру,
 Прошашють у него святую милостыню,
 А чѣмъ бы молодцамъ душа спасти;
 Отвѣчаетъ имъ ласковой Владимиръ князь:
 „Гой вы еси, калики перехожіе!
 Хлѣбы съ нами завозные,
 А и денегъ со мною не годилося,
 А и ѣзжу я, князь, за охотою,
 За зайцами и за лисицами,
 За соболи и за куницами,
 И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Перелетныхъ малыхъ уточекъ.
 Изволите вы итти во Кіевъ-градъ,
 Ко душѣ княгинѣ Апраксѣвнѣ;
 Честна роду дочь королевична
 Напоить, накормить васъ, добрыхъ молодцевъ,
 Надѣлать вамъ въ дорогу злата-серебра“.
 Недолго калики думу думали,
 Пошли ко городу ко Кіеву:
 А и будутъ въ городѣ Кіевѣ,
 Среди двора княженецкаго,
 Ключи-посохи въ землю потыкали,

А и сумочки исповѣсили,
 Подсумочья рыта бархата;
 Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
 Съ теремовъ верхи повалялися,
 А съ горницъ охлопья попадали,
 Въ погребяхъ питья всколебалися;
 Становилися во единый кругъ,
 Прошаютъ святую милостыню
 У молоды княгини Апраксѣвны.
 Молода княгиня испужалася,
 А и больно она передрогнула,
 Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
 Звать каликъ во свѣтлу гридню.
 Пришли тутъ стольники и чашники,
 Бьютъ челомъ, поклоняются
 Молоду Касьяну Михайлову,
 Со своими его товарищами:
 Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
 Къ молодой княгинѣ Апраксѣвнѣ.
 А и тутъ Касьянъ не ослушался,
 Походилъ во гридню во свѣтлую,
 Спасову образу молятся,
 Молодой княгинѣ поклоняются.
 Молода княгиня Апраксѣвна,
 Поджавъ ручки, будто турчаночка,
 Со своими нянюшки и мамушки,
 Съ красными сѣнными дѣвушки;
 Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
 Садился въ мѣсто большое;
 Отъ лица его молодецкаго,
 Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго,
 Лучи стоятъ великіе.
 Убирались тутъ всѣ добры молодцы,
 А и тѣ калики перехожіе,
 За тѣ столы убраные.
 А и стольники, чашники
 Поворачиваютъ, пошевеливаютъ

Своихъ они приспѣшиговъ,
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя.
А и тѣ калики перехожіе
Сидятъ за столами убранными,
Убираютъ яства сахарныя,
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя.
И сидятъ они время, часъ другой,
Во третьемъ часу подымались,
Подымавши они Богу молятся,
За хлѣбъ за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ
И всѣмъ стольникамъ и чашникамъ;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксѣевны,
Надѣлила-бъ на дорогу златомъ-серебромъ,
Сходить бы во градъ Іерусалимъ.
А у молодой княгини Апраксѣевны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ:
Пошлетъ Алешеньку Поповича
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ перехожіихъ,
Чтобъ не итти бы имъ сегодня и сего числа.
И сталъ Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зоветь къ княгинѣ Апраксѣевнѣ
На долгіе вечера посидѣти,
Забавныя рѣчи побаяти.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ,
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказалъ онъ Алешѣ Поповичу,
Не идетъ на долгіе вечера
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ
Забавныя рѣчи байти.
На то княгиня осердилася,
Посылаетъ Алешеньку Поповича
Прорѣзать бы его суму рыта бархата,

Запихать бы чарочку серебряну,
 Которой чарочкой князь на прїѣздѣ пьетъ.
 Алеша-то догадливъ былъ,
 Распоролъ суму рыта бархата,
 Запихалъ чарочку серебряну
 И зашивалъ гладехонько,
 Что познать было не можно.
 Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
 Калики съ широка двора,
 Съ молодой княгиней не прощаются,
 А идутъ калики не оглянутся.
 И версть десятокъ отошли они
 Отъ стольнаго города Кіева,
 Молода княгиня Апраксѣвна
 Посылаетъ Алешу въ погонь за ними;
 Молодой Алеша Поповичъ младъ
 Настигъ каликъ во чистомъ полѣ.
 У Алеши вѣжество нерожденное —
 Онъ сталъ съ каликами здорити,
 Обличаетъ ворами, разбойниками:
 „Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
 Кого окрадете, своимъ зовете,
 Покрали княгиню Апраксѣвну,
 Унесли вы чарочку серебряну,
 Которой чарочкой князь на прїѣздѣ пьетъ“.
 А въ томъ калики не даются ему,
 Молоду Алешѣ Поповичу,
 Не давались ему на обыскъ себѣ.
 Поворчалъ Алешенька Поповичъ младъ,
 Поѣхалъ ко городу Кіеву,
 И такъ прїѣхалъ во стольный Кіевъ градъ.
 Въ то же время и во тотъ же часъ
 Прїѣхалъ князь изъ чиста поля,
 И съ нимъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
 Молода княгиня Апраксѣвна
 Позоветь Добрынюшку Никитича,
 Посылаетъ за каликами,

За Касьяномъ Михайловичемъ.
 Втапоры Добрынюшка не ослушался,
 Скоро поѣхаль во чисто поле,
 У Добрыни вѣжство рожденное и ученое —
 Настигъ онъ каликъ во чистомъ полѣ,
 Спочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
 „Гой еси, Касьянъ Михайловичъ!
 Не наведи на гнѣвъ князя Владимира,
 Прикажи обыскать калики переходже,
 Нѣтъ ли промежу васъ глупаго“.
 Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
 Становилъ каликъ во единый кругъ,
 И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать
 Отъ малаго до стараго,
 Отъ стараго и до большаго лица,
 Да себя Касьяна Михайловича.
 Нигдѣ-то чарочка не явилася,
 У молода Касьяна пригодилася.
 Братъ его молодой Михайло Михайловичъ
 Принимался за заповѣдь великую,
 Закопали атамана по плеча во сыру землю,
 Едина оставили во чистомъ полѣ
 Молода Касьяна Михайловича;
 Отдавали чарочку серебряну
 Молоду Добрынюшкѣ Никитичу,
 И съ нимъ написанъ виноватой тутъ
 Молодой Касьянъ Михайловичъ.
 Добрыня онъ поѣхаль во Кіевъ градъ,
 А и тѣ калики въ Іерусалимъ градъ;
 Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ —
 Съ нимъ калики прощаются.
 И будетъ Добрынюшка въ Кіевѣ,
 У младай княгини Апраксѣевны,
 Привезъ онъ чарочку серебряну;
 Виноватаго назначено:
 Молода Касьяна сына Михайлова.
 А съ того время-часу захворала скорбью недоброю,

Слегла княгиня въ великое во гноище.
Ходили калики въ Иерусалимъ градъ,
Впередъ шли три мѣсяца;
А и будутъ во градъ Иерусалимъ,
Святой святынъ помолилися,
Господню Гробу приложилися,
Во Ердани рѣгъ искупалися,
Нетлѣнною ризою утиралися,
А все-то молодцы отправили,
Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тутъ калики не замѣшались,
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову князю Владимиру,
А идутъ назадъ уже мѣсяца два,
На то мѣсто не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою
Его молода Касьяна Михайловича,
Голосокъ наносить помалехоньку,
А и тутъ калики остоялися,
А и мѣсто стали опознавать,
Подалися малехонько и увидѣли
Молода Касьяна сына Михайловича:
Онъ ручкой машеть, голосомъ кричить.
Подошли удалы добры молодцы,
Въ началъ атаманъ родной братъ его
Михайло Михайловичъ,
Пришли всѣ они, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подаетъ онъ Касьянъ ручку правую,
А они-то къ ручкѣ приложилися,
Съ нимъ поцѣловалися,
И всѣ къ нему переходили.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда,

А всѣ они, молодцы, дивуются
 На его лице молодецкое,
 Не могутъ зрѣть добры молодцы,
 А и кудри на немъ молодецкіе, до самага пояса.
 И стояль Касьянъ не мало число,
 Стояль въ землѣ шесть мѣсяцевъ,
 А шесть мѣсяцовъ будетъ полгода.
 Втапоры пошли калики ко городу Кіеву,
 Ко ласкову князю Владимиру,
 Дошли они до чудна креста Леванидова,
 Становилися во единый кругъ,
 Ключи-посохи въ землю потыкали
 И стоять калики потихохоньку.
 Молодой Михайло Михайловичъ
 Атаманомъ еще правилъ у нихъ,
 Посылаеть легкаго молодчика
 Доложитья князю Владимиру:
 Прикажетъ ли итти намъ пообѣдати.
 Владимиръ князь пригодился въ домъ.
 Посылалъ онъ своихъ ключниковъ, ларечниковъ
 Побить челомъ и поклонитися имъ-то, калигамъ,
 Калигамъ пообѣдати,
 И молоду Касьяну на особицу.
 И тутъ ключники, ларечники
 Пришли они къ калигамъ, поклонилися,
 Бьютъ челомъ къ князю пообѣдати.
 Пришли калики на широкій дворъ;
 Среди двора княженецкаго
 Поздравствовалъ ему Владимиръ князь,
 Молоду Касьяну Михайловичу;
 Взялъ его за бѣлы руки,
 Повелъ во свѣтлу гридню.
 А втапоры молодой Касьянъ Михайловичъ
 Спросилъ князя Владимира
 Про молодую княгиню Апраксѣвну:
 „Гой еси, сударь Владимиръ князь!
 Здравствуеть ли твоя княгиня Апраксѣвна!“

Владимиръ князь едва рѣчи выговорилъ:
 „Мы де уже недѣлю другу не ходимъ къ ней“.
 Молодой Касьянъ тому не брезгуеть,
 Пошелъ со княземъ во спальню къ ней,
 А и князь идетъ, свой носъ зажалъ,
 Молоду Касьяну то ничто ему,
 Никакого духу онъ не вѣруеть.
 Отворяли двери у свѣтлы гридни,
 Раскрывали окошечки косящатыя;
 Втапоры княгиня прощалася,
 Что нанесла рѣчь напрасную.
 Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
 А и дунуль духомъ святымъ своимъ
 На младу княгиню на Апраксѣвну,
 Не стало у ней того духу, пропасти,
 Оградилъ ее святой рукой,
 Прощаетъ ея плоть женскую.
 Захотѣлось ей—и пострадала она,
 Лежала въ сраму полгода.
 Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
 Пошелъ къ князю Владимиру во свѣтлу гридню,
 Помолился Спасову образу,
 Со своими каликами переходжими.
 И сажалися за убраны столы,
 Стали пить, ѣсть, потѣшатися.
 Какъ будетъ день въ половина дня,
 А и тѣ калики напивалися,
 Напивалися и наѣдалися;
 Владимиръ князь убивается,
 А калики въ путь наряжаются;
 Просить тутъ ихъ Владимиръ князь
 Пожить, побыть тотъ денегъ у себя.
 Молода княгиня Апраксѣвна
 Вышла изъ кожуха, какъ изъ пропасти,
 Скоро она убиралася,
 Убиралася и наряжалася,
 Тутъ же къ нимъ къ столу пришла

Съ няньками, съ мамками
 И съ сѣнными красными дѣвицами,
 Молоду Касьяну поклоняется
 Безъ стыда, безъ сорому,
 А грѣхъ свой на умѣ держитъ.
 Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
 Тою рученькой правою размахиваетъ
 По тѣмъ яствамъ сахарнымъ,
 Крестомъ ограждаетъ и благословляетъ;
 Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
 Втапору молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
 Вынималъ изъ сумы книжку свою,
 Посмотрѣлъ и число показалъ:
 „Что много мы, братцы, пьемъ, ѣдимъ, прохлажда-
 емся,
 Уже третій день въ доходѣ идетъ,
 И пора намъ, молодцы, въ путь итти“.
 Вставали калики на рѣзвы ноги,
 Спасову образу молятся
 И бьютъ челомъ князю Владимиру
 Съ молодой княгиней Апраксѣвной
 За хлѣбъ за соль его.
 И прощаются калики съ княземъ Владимиромъ
 И съ молодой княгиней Апраксѣвной;
 Собрались они и въ путь пошли,
 До своего монастыря Боголюбова
 И до пустыни Ефимьевы.

Голубиная книга.

Восходила туча сильна грозная,
 Выпадала книга Голубиная,
 И не малая, не великая:
 Долины книга сороку сажень,
 Поперечины двадцати сажень.
 Ко той книгѣ ко божественной

Соходилися, соѣзжались
 Сорокъ царей со царевичамъ,
 Сорокъ князей со князевичамъ,
 Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
 Много народу, людей мелкихъ,
 Христіанъ православныхъ.
 Никто ко книгѣ не приступится,
 Никто ко Божьей не пришатнется.
 Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 До Божьей до книги онъ доступается,
 Передъ нимъ книга разгибается,
 Все божественное писаніе ему объявляется.
 Еще приходилъ ко книгѣ Володимиръ князь,
 Володимиръ князь Володимировичъ:
 „Ты, премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
 Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
 Кто сію книгу написывалъ,
 Голубину кто напечатывалъ?“
 Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 „Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христось,
 Исусъ Христось, царь небесный;
 Читалъ сію книгу самъ Исай пророкъ,
 Читалъ онъ книгу ровно три года,
 Прочиталъ изъ книги ровно три листа“.
 — Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
 Прочти, сударь, книгу Божию,
 Объяви, сударь, дѣла Божіи,
 Про наше житіе, про свято-русское,
 Про наше житіе свѣту вольнаго:
 Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
 Отъ чего у насъ солнце красное?
 Отъ чего у насъ младъ-свѣтель мѣсяць?
 Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
 Отъ чего у насъ ночи темныя?

Отъ чего у насъ зори утренни?
 Отъ чего у насъ вѣтры буйные?
 Отъ чего у насъ дробень дождикъ?
 Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
 Отъ чего наши помыслы?
 Отъ чего у насъ мѣръ-народъ?
 Отъ чего у насъ кости крѣпкія?
 Отъ чего тѣлеса наши?
 Отъ чего кровь-руда наша?
 Отъ чего у насъ въ землѣ цари пошли?
 Отъ чего зачались князья-бояры?
 Отъ чего крестьяне православные?—
 Возговоритъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 „Ой ты гой еси, Володимиръ князь,
 Володимиръ князь Володимировичъ,
 Не могу я прочесть книгу Божію.
 Ужь мнѣ честь книгу—не прочесть Божью:
 Эта книга не малая,
 Эта книга великая;
 На рукахъ держать—не сдержать будетъ;
 На налой положить Божій—не уложится.
 Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
 И очамъ на книгу не обозрети
 Великая книга Голубиная!
 Я по старой по своей по памяти
 Расскажу вамъ, какъ по грамотѣ:
 У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда
 Божія;

Солнце красное отъ лица Божьяго,
 Самого Христа, царя небеснаго;
 Младъ-свѣтель мѣсяць отъ грудей его;
 Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
 Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
 Зори утренни отъ очей Господнихъ;
 Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
 Дробень дождикъ отъ слезъ Христа,

Самого Христа, царя небеснаго.
 У насъ умъ-разумъ самого Христа,
 Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
 У насъ мѣръ-народъ отъ Адамїа;
 Кости крѣпкія отъ камени;
 Тѣлеса наши отъ сырой земли;
 Кровь-руда наша отъ черна моря.
 Оттого у насъ въ землѣ цари пошли:
 Отъ святой главы отъ Адамовой;
 Оттого зачались князья-бояры:
 Отъ святыхъ мощей отъ Адамовыхъ,
 Оттого крестьяны православные
 Отъ свята колѣна отъ Адамова“.
 Возговоритъ Володимиръ князь,
 Володимиръ князь Володимировичъ:
 — Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
 Скажи ты намъ, проповѣдай:
 Который царь надъ царями царь?
 Кая земля всѣмъ землямъ мати?
 Кая глава всѣмъ главамъ мати?
 Который городъ городамъ отецъ?
 Кая церковь всѣмъ церквамъ мати?
 Кая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
 Кая гора всѣмъ горамъ мати?
 Который камень всѣмъ камнямъ мати?
 Кое древо всѣмъ древамъ мати?
 Кая трава всѣмъ травамъ мати?
 Которое море всѣмъ морямъ мати?
 Кая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
 Кая птица всѣмъ птицамъ мати?
 Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?—
 Возговоритъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
 Почему-жъ Бѣлый царь надъ царями царь?
 И онъ держитъ вѣру крещеную,
 Вѣру крещеную, богомольную,

Стоить за вѣру христіанскую,
 За домъ Пречистыя Богородицы:
 Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
 Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати:
 На ней строятъ церкви апостольскія;
 Они молятся Богу распятому,
 Самому Христу, царю небесному:
 Потому свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати.
 А глава главамъ мати—глава Адамова,
 Потому что когда жида Христа
 Распинали на лобномъ мѣстѣ,
 То крестъ поставили на святой главѣ Адамовой.
 Іерусалимъ городъ городамъ отецъ:
 Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
 Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
 Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
 Тутъ у насъ среда землѣ.
 Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати.
 Почему же соборъ-церковь церквамъ мати?
 Стоить соборъ-церковь посреди града Іерусалима;
 Во той во церкви во соборной
 Стоить престолъ божественный:
 На томъ на престолѣ на божественномъ
 Стоить гробница бѣла каменная;
 Во той гробницѣ бѣлой каменной
 Почиваютъ ризы самого Христа,
 Самого Христа, царя небеснаго:
 Потому соборъ-церква церквамъ мати.
 Ильмень озеро озерамъ мати:
 Не тотъ Ильмень, который надъ Новымъ-Градомъ,
 Не тотъ Ильмень, который во Царѣ-Градѣ,
 А тотъ Ильмень, который въ Турецкой землѣ
 Надъ начальнымъ градомъ Іерусалимомъ.
 Почему-жъ Ильмень озеро озерамъ мати?
 Выпадала съ его матушка Іорданъ рѣка.
 Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
 Почему Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?

Окрестился въ ней самъ Исусъ Христось,
 Со силою со небесною,
 Со ангелами со хранителями,
 Со двуднадесятьми апостольми,
 Со Иоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ:
 Потому Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
 Фаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
 Почему Фаворъ гора горамъ мати?
 Преобразился на ней самъ Исусъ Христось,
 Исусъ Христось, царь небесный, свѣтъ,
 Съ Петромъ, со Иоанномъ, со Іаковомъ,
 Съ двуднадесятью апостолами,
 Показалъ славу ученикамъ своимъ:
 Потому Фаворъ гора горамъ мати.
 Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
 На бѣломъ латырѣ на камени
 Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
 Самъ Исусъ Христось, царь небесный,
 Съ двуднадесяти со апостоламъ,
 Съ двуднадесяти со учителямъ;
 Утвердилъ онъ вѣру на камени,
 Распушалъ онъ книгу Голубиную:
 По всей землѣ, по вселенныя:
 Потому латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
 Кипарисъ древо всѣмъ деревьямъ мати.
 Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
 На тѣмъ дрѣвѣ на кипарисѣ
 Объявился намъ животворящій крестъ,
 На тѣмъ на крестѣ на животворящемъ
 Распятъ былъ самъ Исусъ Христось,
 Исусъ Христось, царь небесный свѣтъ:
 Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
 Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.
 Почему Плакунъ всѣмъ травамъ мати?
 Когда жидовья Христа распяли,
 Святую кровь Его пролили,
 Мать Пречистая Богородица

По Иисусу Христу сильно плакала,
 По своему сыну по возлюбленному;
 Ронила слезы пречистыя
 На матушку на сыру землю;
 Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыхъ
 Зарождалася Плакунъ трава:
 Потому Плакунъ трава травамъ мати.
 Океанъ-море всѣмъ морямъ мати.
 Почему океанъ всѣмъ морямъ мати?
 Посреди моря океанскаго
 Выходила церковь соборная,
 Соборная, богомольная,
 Святого Климента, попа римскаго:
 На церкви главы мраморныя,
 На главахъ кресты золотыя.
 Изъ той изъ церкви изъ соборной,
 Изъ соборной, изъ богомольной,
 Выходила царица небесная;
 Изъ океана-моря она омывалася,
 На соборъ-церковь она Богу молилася:
 Оттого океанъ всѣмъ морямъ мати.
 Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
 Почему же китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?
 На трехъ рыбахъ земля основана.
 Стоитъ китъ рыба—не сворохнется;
 Когда-жъ китъ рыба поворотится,
 Тогда мать земля восколыбнется,
 Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится;
 Потому китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
 Основана земля Святымъ Духомъ,
 А содержана Словомъ Божиимъ.
 Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати.
 Почему она всѣмъ птицамъ мати?
 Живеть стратимъ-птица на океанъ-морѣ
 И дѣтей производитъ на океанъ-морѣ.
 По Божьему все повелѣнію,
 Стратимъ-птица вострепенется,

Океанъ-морѣ восколыхнется;
 Топить она корабли гостинные
 Со товарами драгоцѣнными:
 Потому стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати.
 У насъ индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
 Почему индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
 Ходить онъ по подземелью,
 Прочищаетъ ручьи и проточины,
 Куда звѣрь пройдетъ,
 Тута ключъ кипить;
 Куда звѣрь тотъ поворотится,
 Всѣ звѣри звѣрю поклонятся.
 Живетъ онъ во святой горѣ,
 Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ;
 Куды хочеть, идетъ по подземелью,
 Какъ солнышко по поднебесью:
 Потому же у насъ индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ
 отецъ“.

Возговорилъ Володимиръ князь:
 —Ой ты гой еси, премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
 Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
 Мнѣ во снѣ много видѣлось:
 Кабы съ той страны со восточной,
 Кабы съ другой страны со полуденной,
 Кабы два звѣря собиралися,
 Кабы два лютые собѣгалися,
 Промежду собой дрались-билися,
 Одинъ одного звѣрь одолѣть хочеть.—
 Возговорилъ премудрый царь,
 Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
 „Это не два звѣря собиралися,
 Не два лютые собѣгалися:
 Это Кривда съ Правдой соходилися,
 Промежду собой бились-дрались,
 Кривда Правду одолѣть хочеть.
 Правда Кривду переспорила.

Правда пошла на небеса
 Къ самому Христу, царю небесному;
 А Кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
 По всей землѣ по свѣтъ-русской,
 По всему народу христіанскому;
 Отъ Кривды земля восколебалася,
 Отъ того народъ весь возмущается;
 Отъ Кривды сталъ народъ неправильный,
 Неправильный сталъ, злопамятный:
 Они другъ друга обмануть хотять,
 Другъ друга поѣсть хотять.
 Кто не будетъ Кривдой жить,
 Тотъ причалнный ко Господу,
 Та душа и наслѣдуетъ
 Себѣ царство небесное".

Егорій Храбрый.

Во градъ было во Іерусалимѣ,
 При царѣ было при Ѳедорѣ,
 Жила царица благовѣрная,
 Святая Софія премудрая.
 Породила она себѣ три дочери,
 Три дочери да три любимыя,
 Четвертаго сына Егорія,
 Егорія, свѣта, храбраго:
 По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
 По локоть руки въ красномъ золотѣ,
 Голова у Егорія вся жемчужная,
 По всемъ Егоріи часты звѣзды.
 Съ начала было свѣта вольнаго,
 Не бывало на Іерусалимѣ градъ
 Никакой бѣды, ни погибели.
 Наслалъ Господь насланіе
 На Іерусалимѣ градъ:
 Напустилъ Господь царица Діоклетіанища,
 Безбожнаго пса, бусурманища.

Побѣдилъ злодѣй Иерусалимъ городъ:
 Свѣчетъ и рубить и огнемъ палить;
 А благовѣрнаго царя Ѳедора,
 Онъ взялъ его, невѣрный царь, за желты кудри,
 Отводитъ его далече во чисто поле,
 Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.
 Полонилъ злодѣй три отроцы,
 Три отроцы и три дочери,
 А четвертаго чуднаго отроца,
 Святого Егорія храбраго.
 Увозилъ Егорья во свою землю,
 Во свою землю во невѣрную.
 Онъ и сталъ пытатъ, крѣпко спрашивать:
 —А скажи, Егорій, какова роду,
 Какова роду, какова чину:
 Царскаго роду, аль боярскаго,
 Аль того чину княжевинскаго?—
 А ему Егорій отказываетъ,
 А ему храбрый отговариваетъ:
 „Я того роду христіанскаго“.
 —Ты повѣруй вѣру, ты ко мнѣ царю,
 Ты ко мнѣ царю, къ моимъ идоламъ.—
 Святой Егорій свѣтъ глаголетъ:
 „Ты, злодѣй царище бусурманище!
 Я не вѣрую вѣры твоей невѣрной,
 Ни твоимъ богамъ, ко идоламъ,
 Ни тебѣ, царищу бусурманищу!
 Вѣрую въ вѣру крещеную,
 Во крещеную, богомольную,
 Самому Христу, царю небесному,
 Во Мать Пресвятую Богородицу,
 Еще въ Троицу нераздѣлимую!“
 Вынималъ злодѣй саблю острую,
 Хотѣлъ рубить ихъ главы
 По ихъ плеча могучія:
 —Ой вы гой еси, три отроцы,
 Три отроцы царя Ѳедора!

Вы покиньте вѣру христіанскую,
 Повѣруйте мою латынскую,
 Латынскую, бусурманскую,
 Молитесь богамъ моимъ кумирскимъ,
 Поклоняйтесь моимъ идоламъ!—
 Три отроцы и три родны сестры
 Сабли острой убоялися,
 Царицу Діоклетіаницу преклонилися:
 Покидали вѣру христіанскую,
 Начали вѣровать латынскую,
 Латынскую, бусурманскую,
 Молились богамъ кумирскимъ,
 Поклонялися идоламъ.
 Царище Діоклетіанище,
 Безбожный царь, бусурманище,
 Возговорилъ ко святому
 Егорію храброму:
 —Ой ты гой еси, чудный отроце,
 Святый Егорій хорабрый!
 Покинь вѣру истинную, христіанскую,
 Повѣруй вѣру латынскую,
 Латынскую, бусурманскую,
 Молись богамъ моимъ кумирскимъ,
 Поклоняйся моимъ идоламъ!—
 Святый Егорій проглаголетъ:
 „Злодѣй царище Діоклетіанище,
 Безбожный песь, бусурманище!
 Я умру за вѣру христіанскую,
 Не буду вѣровать латынскую,
 Латынскую, бусурманскую,
 Молиться богамъ твоимъ кумирскимъ,
 Поклоняться твоимъ идоламъ!“
 На то царище распалется.
 Повелѣлъ Егорья свѣта мучити
 Онъ и муками разноличными.
 Повелѣлъ Егорья во пилю пилить:
 Но Божьему повелѣнію,

По Егоріеву моленію,
 Не беруть пилы жидовскія,
 У пиль зубья позагнулися,
 Мучители всѣ утомилися,
 Ничего Егорью не вредилося,
 Егорьево тѣло соцѣлялося;
 Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги:
 Поеть стихи херувимскіе,
 Превозноситъ гласы все архангельскіе.
 Возговорить царище Діоклетіанище
 Ко святому Егорью хораброму:
 —Ты покинь вѣру истинную, христіанскую,
 Повѣруй вѣру латынскую,
 Латынскую, бусурманскую,
 Молись богамъ моимъ кумирскимъ,
 Поклоняйся моимъ идоламъ!—
 А святой Егорій проглаголетъ:
 „Я умру за вѣру христіанскую,
 Не покину вѣру христіанскую,
 Не буду вѣровать латынскую,
 Латынскую, бусурманскую,
 Молиться богамъ твоимъ кумирскимъ,
 Поклоняться твоимъ идоламъ!“
 На то царище опалается,
 Въ своемъ сердцѣ разозляется.
 Повелѣлъ Егорья въ топоры рубить;
 Не долѣтъ Егорья въ топоры рубить:
 По Божію повелѣнію,
 По Егоріеву моленію,
 Не беруть Егорью топоры нѣмецкіе;
 По обухъ лезья приломилися,
 А мучители всѣ приутомилися,
 Ничего Егорью не вредилося,
 Егорьево тѣло соцѣлялося;
 Да возстаетъ Егорій на рѣзвы ноги:
 Онъ поеть стихи херувимскіе,
 Превозноситъ гласы все архангельскіе.

Возговоритъ царице Діоклетіанице
Ко Егорію храброму:

— Ой ты гой еси, отче Егорій храбрый,
Повѣруй вѣру латынскую! —

А свѣтъ Егорій проглаголуеть:

„Я умру за вѣру христіанскую,
Не покину вѣру христіанскую,
Не буду вѣровать латынскую,
Латынскую, бусурманскую,
Молиться богамъ твоимъ кумирскимъ,
Поклоняться твоимъ идоламъ!“

Царице Діоклетіанице на него опалется;

Повелѣлъ Егорья въ сапоги ковать,

Въ сапоги ковать гвозди желѣзные;

Не добръ Егорья мастера куютъ:

У мастеровъ руки опускалися,

Ясныя очи помрачалися,

Ничего Егорью не вредилося,

Егорьево тѣло соцѣлялося.

А злодѣй царице Діоклетіанице

Повелѣлъ Егорья во котель сажать,

Повелѣлъ Егорья во смолѣ варить:

Смола кипить, яко громъ гремитъ,

А посверхъ смолы Егорій плаваеть;

Онъ поеть стихи херувимскіе,

Превозноситъ гласы все архангельскіе.

Возговоритъ царице Діоклетіанице:

— Покинь вѣру истинную, христіанскую,

Повѣруй вѣру латынскую,

Латынскую, бусурманскую,

Молись богамъ моимъ кумирскимъ,

Поклоняйся моимъ идоламъ! —

Святой Егорій проглаголуеть:

„Я не буду вѣровать вѣру бусурманскую,

Я умру за вѣру христіанскую“.

На то царице Діоклетіанице опалется;

Повелѣлъ своимъ мучителямъ:

— Ой вы гой еси, слуги вѣрные!
 Вырывайте скоро глубокъ погребъ. —
 Тогда же его слуги вѣрные
 Вырывали глубокъ погребъ:
 Глубины погребъ сорока сажень,
 Ширины погребъ двадцати сажень;
 Посадилъ Егорья въ глубокъ погребъ,
 Закрывалъ досками желѣзными,
 Задвигалъ щитами дубовыми,
 Забивалъ гвоздями полужеными,
 Засыпалъ песками рудожелтыми,
 Засыпалъ онъ и притаптывалъ,
 И притаптывалъ, и приговаривалъ:
 — Не бывать Егорью на святой Руси,
 Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
 Не видать Егорью солнца краснаго,
 Не видать Егорью отца и матери,
 Не слышать Егорью пѣнія церковнаго,
 Не слышать Егорью звона колокольнаго. —
 И сидѣлъ Егорій тридцать лѣтъ.
 А какъ тридцать лѣтъ исполнилось,
 Святому Егорью во снѣ видѣлось:
 Да явилося солнце красное,
 Еще явилася Мать Пресвятая Богородица,
 Святу Егорью, свѣтъ, глаголетъ:
 — Ой ты еси, святой Егорій, свѣтъ храбрый!
 Ты за это ли претерпѣние
 Ты наследуешь себѣ царство небесное! —
 По Божьему повелѣнію,
 По Егорія храбраго моленію,
 Отъ свята града Ерусалима
 Поднималися вѣтры буйные:
 Разносило пески рудожелтые,
 Поломало гвозди полуженые,
 Разметало доски желѣзныя,
 Выходилъ Егорій на святую Русь:
 Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,

Услышалъ звону колокольнаго,
 Обогрѣло его солнце красное.
 И пошелъ Егорій по святой Руси,
 По святой Руси, по сырой землѣ,
 Ко тому граду Ерусалиму,
 Гдѣ его родимая матушка
 На святой молитвѣ Богу молится.
 Приходилъ Егорій во Ерусалимъ городъ.
 Ерусалимъ городъ пустъ-пустехонекъ:
 Вырубили его и выжегли,
 Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго.
 Стоитъ одна церковь соборная,
 Церковь соборная, богомольная;
 И во церкви во соборной
 Стоитъ его матушка родимая,
 Святая Софія премудрая,
 На молитвахъ стоитъ на Исусовыхъ:
 Она Богу молить объ своемъ сыну,
 Помолимши Богу, оглянулася;
 Она узрѣла и усмотрѣла
 Свово чаду, свово милаго,
 Свята Егорія, свѣта храбраго;
 Свѣту Егорью, свѣтъ, глаголетъ:
 — Ровно три года солнце не пекло,
 Но теперъ мнѣ солнце возсіяло.
 Ой ты еси, мое чадо милое,
 Гдѣ ты былъ, гдѣ разгуливалъ? —
 Святый Егорій, свѣтъ, глаголетъ:
 „Ой сударыня моя матушка,
 Святая премудрая Софія!
 Былъ я у злодѣя царица Діоклетіаница,
 Претерпѣлъ я муки разныя.
 Государыня моя матушка,
 Воздай мнѣ свое благословеніе:
 Поѣду я по всей землѣ свѣтло-русской
 Утвердить вѣру христіанскую.
 Благослови, родимая родная матушка,

Меня иттить ко злomu царю Діоклетіанищу,
Отплатить ему дружбу прежнюю,
Отлить мнѣ кровь своего батюшки“.

Возговорить Егорью родная матушка:

— Мое дитятко ты премладое!

Гдѣ-жъ тебѣ иттить ко злomu царю Діоклетіанищу!—

Возговорить Егорій своей родной матери:

„Благословишь—пойду, и не благословишь—пойду!“

Свѣту Егорію мать глаголетъ:

— Ты поди, мое чадо милое,

Ты поди далече во чисты поля:

Ты возьми коня богатырскаго

Со двѣнадцать цѣпей желѣзныхъ

И со збруею богатырскою,

Со вострымъ копьемъ со булатнымъ

И со книгою со евангельемъ. —

Тутъ же Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Бусурманскую вѣру побѣждаючи,

Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:

Лѣса съ лѣсами совивалися,

Вѣтя по землѣ разстилалися;

Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.

Святой Егорій глаголетъ:

„Вы, лѣсы, лѣсы дремучіе!

Встаньте и расшатнитесь,

Расшатнитесь, раскачитесь:

Порублю изъ васъ церкви соборныя,

Соборныя да богомольныя,

Въ васъ будетъ служба Господняя.

Зароститесь вы, лѣса,

По всей землѣ свѣтло-русской,

По крутымъ горамъ по высокимъ“.

По Божьему все повелѣнію,

По Егоріеву все моленію,

Разрослись лѣса по всей землѣ,

По всей землѣ свѣтло-русской,

Ростуть лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
 Еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
 На быстрыя, на текучія:
 Нельзя Егорью проѣхати,
 Нельзя святому подумати.
 „Ой вы еси, рѣки быстрыя,
 Рѣки быстрыя, текучія!
 Протеките вы, рѣки, по всей землѣ,
 По всей землѣ свято-русскаѣй,
 По крутымъ горамъ по высокіимъ,
 По темнымъ лѣсамъ по дремучимъ.
 Теките вы, рѣки, гдѣ вамъ Господь повелѣлъ“.
 По Божьему велѣнію,
 По Егоріеву моленію,
 Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
 Святой Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Наѣзжалъ на горы на толкучія:
 Гора съ горой столкнулися,
 Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
 Егорій святой проглаголывалъ:
 „Вы, горы, горы толкучія!
 Станьте вы, горы, постарому:
 Поставлю на васъ церковь соборную,
 Въ васъ будетъ служба Господня“.
 Святой Егорій проѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
 На сѣрыхъ волковъ на рыскачійхъ;
 И пастыть стадо три пастыря,
 Три пастыря да три дѣвицы,
 Егорьевы родныя сестрицы.
 На нихъ тѣла, яко еловая кора,
 Власъ на нихъ, каѣъ ковыль трава.
 Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.

Егорій святой проглаголывалъ:
 „Вы, волки, волки рыскучіе!
 Разойдитесь, разбредитесь
 По два, по три, по единому,
 По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
 А ходите вы повременно,
 Пейте вы, ѡщипте повелѣнное,
 Отъ свята Егорья благословенное!“
 По Божьему все повелѣнію,
 По Егоріеву моленію,
 Разбѣгалися звѣри по всей землѣ,
 По всей землѣ свѣтло-русскіей:
 Они пьютъ-ѣдятъ повелѣнное,
 Повелѣнное, благословенное
 Отъ Егорія храбраго.
 Еще же Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
 Назжалъ Егорій на стадо на змѣиное:
 Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
 Егорій святой проглаголывалъ:
 „Ой вы гой еси, змѣи огненныя!
 Разсыптесь, змѣи, по сырой землѣ
 Въ мелкіе, дробныя черенъицы,
 Пейте и ѡщипте изъ сырой земли“.
 Святой Егорій проѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Пріѣзжалъ Егорій
 Къ тому ко городу Кіеву.
 На тѣхъ вратахъ на херсонскіихъ
 Сидитъ черногарь - птица,
 Держитъ въ когтяхъ осетра-рыбу:
 Святому Егорью не проѣхать будетъ.
 Святой Егорій глаголетъ:
 „Охъ ты, черногарь - птица!
 Возвейся подъ небеса,
 Полети на океанъ-море,

Ты и пей и ѡшь въ океанъ-морѣ!“
 По Божьему повелѣнію,
 По Егорьеву моленію,
 Поднималась черногоръ - птица подъ небеса,
 Полетѣла она на океанъ-море,
 Она пѣть и ѣсть на Океанъ-морѣ.

Святой Егорій проѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 Наѣзжалъ палаты бѣмы-каменны,
 Да гдѣ же пребываетъ царище Діоклетіанище,
 Безбожный пѣть, бусурманище.
 Увидѣлъ его царище Діоклетіанище,
 Выходилъ онъ изъ палаты бѣлокаменной;
 Кричитъ онъ позвѣриному,
 Визжитъ онъ позмѣиному,
 Устрашился у Егорія богатырскій конь,
 Палъ конь на сыру землю.
 Вынимаетъ Егорій палицу боевую,
 Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
 Пробиваетъ кости до мозгу.
 Отвѣчалъ ему конь человѣчьимъ голосомъ:
 — Гой еси, Егорій, святыи храбрыи!
 Вынимай свой тугой лукъ
 И вкладывай калену стрѣлу,
 Пускай злодѣю въ челюсти,
 Отбей у него легкое съ печенью,
 Пролей кровь за батюшку и за матушку,
 И за родныхъ сестеръ.—
 Вынималъ Егорій тугой лукъ,
 Кладывалъ калену стрѣлу,
 Пушалъ въ царища Діоклетіанища,
 Подымалъ палицу богатырскую,
 Разрушилъ палаты бѣлокаменныя,
 Очистилъ землю христіанскую,
 Утвердилъ вѣру самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному,
 Владычицѣ Богородицѣ,

Святой Троицѣ нераздѣлимыя.

Онъ беретъ свои три родныхъ сестры,
Приводитъ къ Иордань-рѣкѣ:

„Ой вы, мои три родныхъ сестры!

Вы умойтеся, окреститесь,

Ко Христову гробу приложитесь:

Набрались вы духу нечистаго,

Нечистаго, бусурманскаго;

На васъ кожа, какъ еловая кора,

На васъ власы, какъ камышь трава.

Вы повѣруйте вѣру самому Христу,

Самому Христу, царю небесному“.

Умывались, окрещались,

Камышь трава съ нихъ свалилася,

И еловая кора опустилася.

Приходилъ Егорій

Къ своей матушкѣ родимой:

„Государыня моя матушка родимая,

Премудрая Софья!

Вотъ тебѣ три дочери,

А миѣ три родныхъ сестры!“

Егорьева много похождения,

Велико его претерпѣніе:

Претерпѣлъ муки различныя

Все за наши души многогрѣшныя.

Поемъ славу свята Егорія,

Свята Егорія, свѣтъ, хорабраго.

Во вѣки его слава не минуется

И во вѣки вѣговъ, аминь.

О страшномъ судѣ.

Вступилась, расплакалась

Матушка сыра земля

Передъ Господомъ Богомъ:

„Тяжелъ-то миѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ;

Тяжелъ—много грѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ“.
 Речеть же самъ Господь сырой землѣ:
 —Потерпи же ты, матушка сыра земля!
 Не придуть ли рабы грѣшники
 Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?
 Ежели придуть, прибавлю Я имъ свѣту вольнаго,
 Царство небесное.
 Ежели не придуть ко Мнѣ, къ Богу,
 Убавлю Я имъ свѣту вольнаго,
 Прибавлю Я имъ муки вѣчныя“.

Спадуть съ неба на землю часты звѣзды,
 Небо и земля потрясется,
 То каменные грады разрушатся,
 Ключи, источники истекнутъ.
 Да солнце, мѣсяцъ померкнутъ,
 Луна съ кровью претворится,
 Отъ небесъ моря возмутятся,
 Тогда ангелы, архангелы всѣ устрашатся,
 Херувимы и серафимы всѣ подвигнутся,
 Небесная сила восколыбнется.
 Со небесъ сойдетъ Мати всепѣтая,
 Госпожа Владычица Богородица
 Со своею силой со небесною,
 Со ангелами, со архангелами,
 Со всѣми херувимами.
 Среди земли престолъ Божій поставится,
 На престолъ сойдетъ самъ Исусъ Христось,
 Самъ Исусъ Христось, небесный царь, судья пра-
 ведный.

Возглаголетъ Господь ко грѣшникамъ
 Со престолу со Божьяго:
 „Вы, грѣшныя рабы, беззаконныя!
 Отойдите прочь, рабы проклятыя!
 Не могу Я васъ, грѣшныхъ рабовъ, навидѣти.
 Изготовлена вамъ мука вѣчная,
 Огонь-пламя неугасимое,

Вамъ пропасти неисповѣдимыя!⁴
 И расплачутся многи грѣшныя
 Со ночну страну:
 „Нась, Господи, грѣшныхъ рабовъ, помилуй!
 Ой ты, Мати наша всепѣтая,
 Госпожа Владычица и Богородица!
 Помолися Ты о насъ, о грѣшникахъ,
 У Своего Сына у распятаго,
 У Христа, царя Богонебеснаго“.⁵
 Притечеть Мати всепѣтая
 Ко престолу ко Божьему;
 Проглаголетъ Мати всепѣтая,
 Госпожа Владычица и Богородица:
 „Иисусъ Христось, пресладкій Сынъ,
 На престолѣ судья праведный!
 Моги ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать
 Отъ злыя муки вѣчныя,
 Отъ огня-пламя неугасимаго,
 Отъ пропасти неисповѣдимыя“.⁶
 Проглаголетъ Господи къ Матери
 Со престолу со Божьяго:
 „Ой ты, Мати Моя всепѣтая,
 Госпожа Владычица и Богородица!
 Могу ради Тебя грѣшныхъ рабовъ помиловать
 Отъ злыя муки вѣчныя,
 Отъ огня-пламя неугасимаго,
 Отъ пропасти неисповѣдимыя
 Да все ради Тебя,
 Госпожи Владычицы и Богородицы;
 Да можешь ли, Мати, Меня видѣти
 Вовторое на Христовѣ на распятии?“
 И расплачется Мати всепѣтая
 Надъ многими надъ грѣшными.
 Проглаголетъ Мати всепѣтая:
 „Иисусъ Христось, пресладкій Сынъ,
 На престолѣ судья праведный!
 Не могу Я Тебя видѣти

Вовторое на Христовъ на распятіи;
 Не могу забыть Твое прежнее помученіе;
 Не могу Я ту чару вышити,
 Горькими слезами плачучи.
 Не жаль Мнѣ таковаго народа многогрѣшнаго,
 А жаль Мнѣ Своего Сына родимаго,
 Христа, царя Богонебеснаго“.

Отъ востока солнца до западу
 Протечеть рѣка Сіонъ огненная,
 Протечеть она, яко громъ прогремить.
 Тогда ангелы, архангелы приуграшатся,
 Херувимы, серафимы приужаснутся,
 И вся сила небесная
 Вострепещется, восколеблется.
 Понесеть сія рѣка огненная
 Человѣка многогрѣшнаго
 По мукамъ по различнымъ;
 Повелитъ Господь вѣмъ ангеламъ, архангеламъ
 Брега съ моста содвигнути,
 Повелитъ Господь перстемъ засыпати,
 Святымъ духомъ замуравити,
 Чтобъ отъ грѣшныхъ было не слышати
 Ни зыку, ни кригу, ни рыданія.

Было добро, да миновалось,
 Будеть добро, того долго ждатель.
 И речеть Пресвятая Богородица,
 Святая Мать милосердія:
 „Рабы де вы мои христіанлюбивые!
 Поимѣйте вѣру христіанскую,
 И вѣрою и любовію
 Поимѣйте другъ друга и братъ брата
 И сынъ отца и мать свою.
 За вашу вѣру христіанскую
 Сошлетъ Господь пророчество:
 Илью пророка и Онофія,

И стануть святыя пророчити,
 И соидеть на землю бездушный богъ,
 Бездушный богъ, Антихристовъ;
 Онъ исколетъ святое пророчество.
 Отъ той-то отъ святой отъ крови
 Загорится матушка сыра земля,
 Съ восхода загорится до запада,
 Съ полудня загорится да до ночи:
 И выгорять горы со раздольями,
 И выгорять лѣсы темныя,
 И сошлетъ Господь потопя,
 И на три дни, на три мѣсяца,
 И вымоютъ матушку сыру землю,
 Аки харатью бѣлую,
 Аки скорлупу яичную,
 Аки дѣвицу непорочную,
 Аки вдовицу благочестивую“.

О Михаилѣ архангелѣ.

Еще зналъ бы человекъ житіе вѣку себѣ,
 Своей бы силой поработалъ,
 Равное свое житіе-бытѣ бы пораздавалъ
 На нищю на братію на убогю.
 Речеть Михаилъ архангелъ,
 Грозныхъ силъ воевода:
 „Еще кто у насъ, братія,
 У Христа есть во плоти?
 У Христа есть во плоти свѣтъ Илья пророкъ.
 Взошелъ онъ на гору на Сионскую,
 Указалъ онъ многимъ грѣшнымъ муку и рай,
 Всякому человеку мѣсто изготовлено,
 Тѣмъ вораѣмъ и разбойникаѣмъ,
 Еретникаѣмъ, клеветникаѣмъ, ненавистникаѣмъ.
 Течеть имъ рѣка огненная
 Отъ востоку солнца до запада,

Пламя пышетъ отъ земли до небеси.
 Праведные идутъ черезъ огненную рѣку,
 Идутъ они ровно посуху и ровно по землѣ,
 Огнемъ ихъ, пламенемъ лице не пожираетъ,
 Поютъ они пѣсню херувимскую,
 Еще поютъ серафимскую,
 Гласы гласятъ все поангельскому,
 Свѣтъ несутъ побожественному,
 Хвалятъ Христа-Царя, Бога Небеснаго,
 Надѣются на Спаса на пречистаго,
 На Мать Божию, Богородицу,
 Хвалу несутъ дѣти отцу-матери:
 „Спасибо тебѣ, батюшка со матушкой!
 Умѣли насъ вспоить-вскормить,
 Умѣли на добрыя дѣла научить,
 Призрили намъ царство небесное-рай“.
 Грѣшныя рабы беззаконныя
 Оставались за рѣкой за огненною,
 Вопіяли во многіе разные голоса:
 „Свѣтъ нашъ Михаилъ архангелъ,
 Грозныхъ силъ воевода!
 Переведи насъ черезъ огненную рѣку,
 Возьми ты отъ насъ злата-серебра,
 Мелкаго скатнаго жемчугу;
 Пускай насъ во царство, во небесный рай“.
 Речетъ имъ Михаилъ архангелъ,
 Грозныхъ силъ воевода:
 „Вы гой еси, многогрѣшныя рабы, беззаконныя!
 Здѣсь судья вамъ не подсудливая,
 Здѣсь судья вамъ съ Богомъ праведная.
 Судъ судимъ мы поправедному,
 Дѣлаемъ повелѣнное,
 Не беремъ ни злата, ни серебра,
 Ни скатнаго мелкаго жемчугу,
 А беремъ только души праведныя,
 Отдаемъ во царство небесное
 Къ святому Абрамію, отцу праведному“.

Речеть Михаилъ архангелъ,

Грозныхъ силъ воевода:

„Гой еси, многогрѣшныя рабы, беззаконныя!

У васъ тамъ было на вольномъ на свѣту,

У васъ были судьи немилостивые,

Судъ судили не поправедному,

Дѣлали неповелѣнное,

Праватаго ставили въ виноватыя,

Виноватаго ставили во правые;

Съ виноватаго брали злата-серебра,

Копили казну себѣ несчетную;

Ваша казна будетъ явится

На второмъ на Христовомъ пришествіи“.

Пошли грѣшныя въ огненну рѣку,

Они плачучи и возрыдаючи,

Въ тоскахъ тѣлеса свои обрываючи,

Къ сырой землѣ припадаючи,

Клянуть-бранять дѣти отца съ матерью:

„Не спасибо вамъ, отецъ съ матерью!

Умѣли вы насъ породити

И умѣли вспоить-вскормить,

Да не умѣли на добрыя дѣла научить,

Призрили намъ муку превѣчную“.

Воцѣлили грѣшныя

Во многіе разныя голоса:

„Свѣтъ нашъ Михаилъ архангелъ,

Грозныхъ силъ воевода!

Зачѣмъ мы на томъ свѣту родилися?

Не слышать бы намъ, грѣшнымъ, слова грознаго,

Не терпѣть бы муки превѣчныя“.

Речеть имъ Михаилъ архангелъ,

Грозныхъ силъ воевода:

„Вы гой еси, многогрѣшныя рабы, беззаконныя!

Теперь, рабы, вы расплакалися,

Теперь, рабы, вы воспокаялися.

Некогда вамъ, грѣшнымъ, душа спасти,

Некогда вамъ, грѣшнымъ, въ рай войти.

У васъ-то было на вольномъ на свѣту,
 У васъ были церкви соборныя,
 Во церквахъ были книги божественныя,
 Во книгахъ было написано,
 Написано и напечатано,
 Чѣмъ душа спасти, какъ во рай войти.
 Душа спасти есть святымъ постомъ и молитвами,
 Въ рай войти—честной милостыней,
 Честной, не ожуренною;
 При церквахъ попы были, священники,
 Пастыри ваши поучители.
 Для чего поповъ-отцевъ не слушались,
 Ко Божьей церкви не прихаживали,
 Страху Господня не послушивали,
 Писанію Божію не вѣровали,
 Раннія заутрени просыпывали,
 Священныя обѣдни прогуливали,
 За смирную вечернею не ставивали,
 Со слезами Богу не маливались,
 Земныхъ поклоновъ не кладывали
 Отъ бѣлаго лица до сырой земли?⁴
 Речеть имъ Михаилъ архангелъ,
 Грозныхъ силъ воевода:
 „Вы гой еси, многогрѣшныя рабы, беззаконныя!
 Пожили вы вѣки долгіе,
 Своимъ душамъ добра не дѣлывали,
 Не имѣли вы ни среды, ни пятницы,
 Ни того воскресенья тридневнаго,
 Ни тѣхъ годовыхъ честныхъ прайдниковъ.
 Не тѣ ли грѣхи ваши объявляются,
 Огненна рѣка къ вамъ приближается,
 Палить лицо многогрѣшное,
 Палить лицо огнемъ-пламенемъ“.
 Михаилу архангелу славу поемъ.
 Во вѣкъ ему слава не минуется. Аминь.

О великой грѣшницѣ.

По морю по синему по Хвалынскому
Туть и шли, пробѣгали черезъ корабли;
Во этихъ корабляхъ святые ангелы сидятъ,
На встрѣчу имъ самъ Исусъ Христось,
Самъ небесный царь.

Сталъ онъ у ангеловъ выпрашивать и выпы-
тывать:

„Святые ангелы, архангелы, гдѣ вы хаживали, гдѣ
гуливали,

Что слышивали, что виживали?“

— Самъ Исусъ Христось, самъ небесный царь!

Мы хаживали на вольномъ на свѣту,

Много слышали, много видѣли:

Солнышко на закатъ пошло,

Красное закатилося,

Душа съ тѣломъ разставалася,

Отошедши, она тѣлу поклонилася:

„Ты прости, мое тѣло бѣлое,

Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,

Червамъ, тѣло, на источеніе;

Вы, кости, земли на преданіе,

А мнѣ, душѣ, итти къ самому Христу,

Къ самому Христу, судьѣ праведному.“

На встрѣчу души самъ Исусъ Христось:

— Почему же ты, душа, грѣхи угадываешь?—

„Потому я, душа, грѣхи угадываю,

Что жила я на вольномъ на свѣту.

Еще душа Богу согрѣшила:

Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,

Во сырое коренье я выдаивала.

Въ этомъ во грѣхѣ Богу не каялася.

Еще душа Богу согрѣшила:

Смалешеньку дитя своего проклинывала,
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася.
 Еще душа Богу согрѣшила:
 Мужа съ женой я поразваживала,
 Золотые вѣнцы поразлучивала,
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася.
 Еще душа Богу согрѣшила:
 По улицамъ душа много хаживала,
 По подоконью душа много слышивала:
 Хоть не слышала, скажу—слышала,
 Хоть не видѣла, скажу—видѣла.
 Въ этихъ грѣхахъ Богу не каялася.
 Еще душа Богу согрѣшила:
 Середы и пятницы не пащивалась,
 Великаго говѣнія не гавливалась,
 Заутрени, вечерни просыпывала я,
 Въ воскресный день обѣдни прогуливала,
 Въ полюшкахъ душа много хаживала,
 Не поправедну землю раздѣливала:
 Я межу черезъ межу перекладывала,
 Съ чужой нивы земли украдывала.
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася
 И отцу духовному не сказывала,
 Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
 Еще душа Богу согрѣшила:
 Не поправедну покосы я раздѣливала,
 Чужую полосу позакашивала.
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася
 И отцу духовному не сказывала,
 Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
 Еще душа Богу согрѣшила:
 Въ соломахъ я заломы заламывала,
 Со всякаго хлѣба споръ отнимывала.
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каялася
 И отцу духовному не сказывала,
 Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
 Еще душа Богу согрѣшила:

Я во поляхъ, душа, много хаживала,
 Проворы въ поляхъ пораскладывала,
 Скотину въ поле понапущивала
 И добрыхъ людей оголаживала.
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каляся
 И отцу духовному не сказывала,
 Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
 Еще душа Богу согрѣшила:
 По свадьбамъ душа много хаживала,
 Свадьбы звѣрьями оборачивала.
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каляся
 И отцу духовному не сказывала,
 Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
 Еще душа Богу согрѣшила:
 По игрищамъ душа много хаживала,
 Подъ всякія игры много плясывала,
 Самого сатану воспотѣшивала,
 Въ этихъ во грѣхахъ Богу не каляся
 И отцу духовному не сказывала.
 Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
 Еще душа Богу согрѣшила:
 Напилася душа зеленаго вина,
 Отъ зеленаго вина душа пьяна была“.
 Померла эта душа безъ покаянія,
 Безъ того ли безъ попа безъ духовнаго.
 Провалилася душа въ преисподній адъ;
 Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
 За свое великое согрѣшеніе,
 За свое великое беззаконіе.

Іосифъ Прекрасный.

І. Плачь на могилѣ матери.

Богатые же купчаны
 Поѣдутъ путемъ воздѣ моря.
 Пребудутъ купчаны близъ подрогу,

Противъ его стараго жилища,
 Гдѣ мать его, Рахиль, схоронена.
 Иосифъ свѣтъ Прекрасный
 Жалко купчанамъ возмолился:
 „Богатые вы купчане!
 Отпустите, ослобоните
 На матушкину могилку.
 Горючихъ я слезъ наточуся,
 Съ родимою матушкой прощуся!“
 Богатые же купчане
 Красоту его потѣшали:
 Отпустили, ослобонили
 На матушкину могилку.
 Иосифъ свѣтъ Прекрасный
 Пришелъ, до земли поклонился,
 На сырую землю онъ упадоше;
 Онъ плачетъ, самъ възрыдаеть,
 Устами своими глаголетъ:
 „Увы, земля мать сырая,
 Сырая земля мать, разступися!
 Мать моя, Рахиль, пробудися!
 Прими меня, мать, во свой гробъ,
 Да будетъ намъ гробъ твой единъ отрокъ!
 Не примешь меня, Рахиль-мать, во свой гробъ,
 Воздай мнѣ свое великое благословенье:
 Чтобы мнѣ во Египтѣ не погибнуть
 На той на Египетской работъ!“
 Богатые же купчане
 На Иосифа-свѣтъ прослезились,
 За бѣлыя руки принимали,
 Отъ сырой земли подымали,
 Ласковымъ словомъ увѣщевали:
 — Возстань, чадо любезное!
 И намъ ты печаль всѣмъ воздаваешь;
 Достоинъ ты, чадо, своей красотой:
 Не будешь ты въ Египтѣ работати,
 А будешь передъ самимъ царемъ стояти,

Съ вельможами честь воздержати.—

II. Прибытіе Іакова въ Египетъ.

Осипъ же Прекрасный
 Отца своего Якова сожидаетъ,
 Приказалъ столопъ въ землю становити,
 Приказалъ онъ бархатомъ обшити.
 Какъ скоро отецъ Яковъ на прїѣздѣ,
 Приказалъ онъ отца къ столбу проводити,
 Осипъ за столопъ становился,
 Жезло свое съ руки оброняетъ
 Осипъ за жезломъ наклонился,
 Осипъ же отцу поклонился:
 „Здравствуешь, старѣйшій отецъ, Яковъ!“
 Яковъ же столопъ къ себѣ прижимаетъ,
 Съ обоихъ концовъ сокъ выступаетъ:
 — Свѣтъ ты, мое любезное чадо,
 Юношъ ты мой молодой,
 Именемъ же Осипъ Прекрасный,
 Затужило твое ретивое сердечко
 На чужой на дальней на сторонкѣ.—
 Речеть ему Осипъ Прекрасный:
 „Старѣйшій отецъ ты нашъ Яковъ!
 Тутъ тебѣ столопъ, сударь, поставлень,
 Ты былъ ко столбу, сударь, приведенъ;
 Украти свое сердце богатырско,
 Сдѣмъ со мной доброе здоровье“.
 Речеть ему старѣйшій отецъ Яковъ:
 — Спасибо, любезное мое чадо,
 Что ты не шелъ теперь ко мнѣ въ руки:
 Зажалъ бы съ тоски тебя до смерти.—

Стихъ о двухъ Лазаряхъ.

Жили да были два брата родные, оба Лазаря,
 На вольнымъ свѣту;

Единая ихъ матушка воспородила,
 Да не единою долей ихъ Господь надѣлилъ:
 Большому-то брату Лазарю богатства тьма,
 Меньшому-то брату Лазарю убожество и рай.
 Сослалъ Господь на убогаго гнѣвъ:
 Лежалъ же убогъ Лазарь онъ весь во труду, весь
 во гноищѣ.

Воскликнетъ онъ, восгаркнетъ громкимъ голосомъ:
 „Ой милый братецъ мой, богатый Лазарь!
 За имя Господне призри ты меня,
 За имя Христово напой, накорми!
 Сегодня я, братецъ мой, не пилъ, не ѣдалъ
 И хлѣба я соли въ ротъ не биралъ“.
 Воскликнулъ же, восгаркнулъ богатый Лазарь
 Громкимъ своимъ голосомъ:
 — Что-жь ты за невѣжа, такой человекъ,
 Братомъ меня нарекаешь?
 А и есть у меня братья, каковъ я самъ богатъ:
 Купцы тѣ да бояра-то братія моя;
 Попы тѣ церковны-то хлѣбъ-соль съ ними една у
 меня.

А есть у меня два люты пса,
 Али они-то братья твое“.
 Плюнулъ же богатъ Лазарь, самъ прочь отошелъ:
 Восходилъ же богатъ Лазарь въ палаты свои,
 Садился богатъ Лазарь хлѣбъ-соль воскушать,
 Садился богатъ Лазарь пойло испивать.
 А есть у богата два лютые пса:
 Подстольемъ они ходять,
 Обронныя крошечки собирають,
 Къ убогому Лазарю принашиваютъ,
 Убогаго Лазаря пропитываютъ,
 Во гноищѣ его раночки зализываютъ.
 Вставалъ же убогъ Лазарь онъ весь исцѣленъ,
 Вставалъ же убогой на рѣзвы ноги,
 Молитву онъ творилъ самъ ко Господу:
 „О Господи! услыши молитву мою,

Да восприми, Господи, на хвалы свои,
 Сошли мнѣ, Господи, грозныхъ ангеловъ,
 А грозныхъ ангеловъ, все немилосливыхъ,
 По мою по душеньку по Лазареву.
 Не такъ моя душенька поцарствовала,
 Живучи, бывучи на вольномъ свѣту“.
 Выслушалъ же Господи молитву его,
 Да воспринялъ Господи на хвалы къ себѣ,
 Сослалъ ему Господи тихихъ ангеловъ,
 Тихихъ ангеловъ, милосливыхъ,
 По его по душу по Лазареву.
 Вынимали его душеньку честно-хвально въ сахарны
 уста,

Положили его душеньку на Божью пелену,
 Воздымали его душеньку вверхъ на небеса;
 Отдавали его душеньку ко Якову въ рай:
 „Вотъ тебѣ, святой отецъ Іаковъ, святая душа!“
 Опослѣ богатый Лазарь недолго онъ живетъ:
 Охочъ былъ богачъ Лазарь пиры пировать,
 Охочъ былъ богачъ Лазарь торгомъ торговать,
 Охочъ былъ богачъ Лазарь проклажатися,
 Охочъ былъ богачъ Лазарь похвалятися;
 Пошелъ же богачъ Лазарь изъ пиру домой;
 Воздымало богатаго повыше его,
 Обряшило богатаго о мать о сыру землю:
 Лежалъ богачъ Лазарь день до вечера,
 Во всю темну ноченьку до бѣлой зари;
 На бѣлую на зореньку образумился,
 Да не узрилъ богачъ Лазарь свѣту вольнаго,
 Да не узрилъ богачъ Лазарь дому своего,
 Да не узрилъ богачъ Лазарь жены и дѣтей;
 Молитву онъ творить самъ ко Господу:
 „О Господи, Спасъ милостивый!
 Восприми, Господи, молитву мою,
 Сошли ты мнѣ, Господи, тихихъ ангеловъ,
 Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
 По мою ли по душеньку по Лазареву.

Не такъ моя душенька помаялася,
 А живучи-бывучи на вольнымъ свѣту“.
 Выслушалъ же Господи молитву его,
 Не воспринялъ Господи на хвалы свои,
 Сослалъ ему Господи грозныхъ ангеловъ,
 А грозныхъ ангеловъ, немилостивыхъ
 По его ли по душеньку по Лазареву.
 Вынимали его душеньку нечестно, нехвально
 Сквозь реберъ его, костей,
 Воздымали его душеньку весьма высоко,
 Обряшили его душеньку во тьму глубоко,
 Во тьму глубоко, во плящій огонь.
 Узриль же богачъ Лазарь изъ муки въ рай,
 Да узриль же богачъ Лазарь Обрамія въ раю,
 Опослѣ Обрамія—брата своего:
 „Ой милый братецъ, убогій Лазарь,
 Есть у тебя, братецъ, правая рука,
 На правой на рученькѣ есть мизинный перстъ,
 Обмокни-ко, родимый, холодной водой,
 Закропи-ко, родимый мой, палящій огонь!
 Кабы мнѣ, родимый мой, всему не сгорѣть!“
 Отвѣтъ ему держить убогій Лазарь:
 — Какой ты мнѣ есть братецъ, какой ты родной!
 А есть у тебя братья, каковъ ты самъ богатъ,
 Купцы тѣ, бояре-то братья твои,
 Попы тѣ, церковники-то хлѣбъ-соль съ ними одна у
 тебя. —

Отвѣтъ ему держить богатый Лазарь:
 „Ой милый братецъ мой, убогій Лазарь!
 Купцы тѣ, бояре всѣ забросили меня;
 Попы тѣ, церковники миновалися;
 Злато мое, серебро земля пожрала,
 Цвѣтное мое платьице все тлѣнъ воспринялъ“.
 Отвѣтъ ему держить убогій Лазарь:
 — Ой милый братецъ мой, богатый Лазарь!
 Что же ты, родимый, на томъ свѣту не поилъ, не
 кормилъ,

У темной ноченьки не прикрываль,
 Съ укропною свѣчою ты меня не провожалъ?—
 Отвѣтъ ему держить богатый Лазарь:
 „Ой милый братецъ мой, убогий Лазарь!
 Что-жь ты мнѣ, родимый, прежде не сказалъ?
 Поилъ бы я, родимый мой, поилъ бы и кормилъ,
 У темной ноченьки я бы укрываль,
 Съ укропной свѣчей я бы провожалъ“.
 Отвѣтъ ему держить Обрамій изъ раю:
 „Вспокаяся, братъ Лазарь, да не во время!
 Подернуло адъ кромѣшный травой-муравой“.

Сонъ Мати Маріи.

Ай же Ты, Мати Марія,
 Пречистая Дѣва, пресвятая!
 Гдѣ же Ты ночесь ночевала?
 — Въ городъ и въ Ерусалимъ,
 Во Божьей церкви за престоломъ;
 Страшенъ Я сонъ въ сняхъ видала,
 Будто Я Сына спородила,
 Во свято крещенье крестила,
 Во пелены пеленовала,
 Во пелены, пелены камчатыя,
 Во пояса шелковые.
 Кто бы Мнѣ тотъ сонъ приразсудилъ?
 Кто бы Мнѣ тотъ сонъ приразсказалъ?—
 Провѣщитса молодой юношъ,
 Юношъ, Сынъ возлюбленный:
 „Ай же Ты, Мати Марія!
 Пречудная Дѣва, пресвятая!
 Самъ Я этотъ сонъ приразскажу,
 Самъ Я этотъ сонъ приразсужу:
 Быть Мнѣ-ка, Матушка, распяту,
 Ко кресту привождѣну;

Въ руцѣ Мнѣ гвоздѣ вколотить,
 Въ ноги Мои гвоздѣ забиваша,
 Копіемъ бока у Меня прободоша,
 Тростью Мою, Матушка, главу убиваша,
 Совсѣмъ Меня, Матушка, присрамляша,
 Желчью Меня напоиша“.

Восплачется тутъ Мати Марія,

Пречистая Дѣва, пресвятая:

— На кого же Ты Меня оставляешь?—

„Оставлю Я на брата на Іоанна,

На Іоанна брата, Предтечу,

На крестителя Тебя Господня.

Въ третій день, Мати, воскресну,

Самъ Я по Тебя, Мати, буду,

Самъ Я изъ Тебя душу выну,

И спишу Твой лигъ на икону,

Положу икону въ Божью церкву,

Въ Божью церковь за престоломъ;

Пойду—иконѣ помолюся,

Приду—иконѣ поклонюся,

Во вѣки, Матушка, прощуся

До свѣтла Христова Воскресенья“.

О Христовомъ распятіи.

Со страхомъ мы, братіе,

Мы послушаемъ Божія писанія,

Господнихъ страстей:

Пророки пророчили за 1000 лѣтъ,

Другіе сказали за 300 годовъ

Рожденье, мученье Иусу Христу.

Во пятой во тысячѣ во пяти стахъ годахъ,

Во мартѣ во мѣсяцѣ, во послѣднихъ двѣхъ,

На страшной недѣлѣ, во пятничной день,

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ

Плакала, ходила святая Дѣва,
 При Ней были три мироносицы-жены.
 Во градѣ имъ встрѣчу грядутъ два жида.
 Восплакала, спросила святая Дѣва:

„Гдѣ вы, жида, были? отколь грядете?“
 Что возговорили два жидовина:

— Живемъ мы теперь въ Иерусалимѣ. —

„Что вы тамъ, жидове, дѣлали?“

— А мы били, мучили Исуса Христа.

Бивши, мучивши, въ темницу всадили;
 Въ 6-мъ часу въ пятницу распяли Его,
 Въ ноги и во длани прибавши гвоздьми,
 Вънець наложили на главу Его.

Мученія и ранъ невозможно исцестъ.

Исуса копіемъ въ ребра проболи,

Земля обагрися отъ крови Его. —

Услышала глаголы ихъ святая Дѣва,

Она бысть безъ памяти и больше часа.

Ударилась о землю, едва бысть жива.

Жены соблюдали и были при Ней;

Застонеть, восплачетъ, въ горести речеть:

„Увы, мать-розсыра земля, возьми Меня къ себѣ!“

Сыне Мой любезный, надежда Моя!

И что не послушалъ Матери Своей?

Нынѣ вижу, Сыне, поруганнаго.

Какое Ты дѣло жидамъ сотворилъ?

О злые ругатели беззаконные!

За кое вы дѣло Исуса бьете?

Вчера не хотѣла отпустить Тебя,

Волею поиде на крестную смерть.

Плачите, рыдайте, солнце и луна!

Плачите, стоните, мѣсяць со звѣздами!

Плачите, стоните, вдовы и сироты!

Наставникъ, учитель вашъ покинулъ васъ воѣхъ.

Сыне Мой любезный, надежда Моя!

Волею поиде на крестную смерть,

Нынѣ сердце Мое терзается,

Составы и плоти разсыпаются,
 Кровію устнѣ Мои запекаются.
 Почто оставляешь едину Мя здѣсь?
 Вкупѣ бы вкусила съ Тобою Я смерть.
 Кто нынѣ утѣшитъ отъ горькихъ Мя слезъ?
 Нынѣ Семіона пророчествія сбылись.
 Воистинну были глаголы его:
 Со страху великаго и со ужасті
 Скрылися-бѣжали апостолы всѣ,
 Едину оставили Мене плакати.
 Кто нынѣ, Сыне, поможетъ въ слезахъ?
 Архангелъ Гавріиль, помози ты Мнѣ!
 Радость Моя сошедъ во гробъ“.

Извидѣла Мати Марія,
 Мать Божія пресвятая,
 Висящаго на крестѣ Сына распята,
 Убитаго, кровянаго,
 Течетъ ко кресту со слезами.
 Утроба и сердце возгорахомъ.
 „Увы, Мой Сынъ прелюбимый,
 Пресладкій Сынъ, о Иисусе!
 За кого Ты, Сынъ, муку терпишь,
 Немалую смерть принимаешь?“
 Глаголетъ Ей Иисусъ:
 — Не плачь, Моя Мати Марія,
 Не плачь, Божія, пресвятая!
 Не скорби Свое лице бѣло,
 Не слези очи ясны.
 По Мнѣ, Мати, плачутъ небо и земля,
 По Мнѣ, Мати, плачутъ солнце и луна,
 По Мнѣ, Мати, плачутъ рѣки и моря,
 По Мнѣ, Мати, плачутъ старыя старины,
 По Мнѣ, Мати, плачутъ вдовы-сироты.
 Потерпи, Мати, малое время,
 Когда тѣло Мое съ креста соймутъ,
 Въ плащаницѣ Я появлюся,

Въ новомъ гробѣ положуся,
 И погребенъ есмь буду;
 Въ третій день, Мати, воскресну,
 Въ четыредесять дѣнь просвѣщуся
 И на небеса вознесуся
 Со ангелами со святыми,
 Со грозными херувимамъ,
 Со страшными серафимамъ.—
 Гля-ради Христа, Сына Божья,
 Солнце, мѣсяць, луна засіяла,
 Небо, земля зрадовáлась,
 Весь мѣръ на землѣ взвеселился,
 Завѣса церковная спаяхомъ,
 На Христѣ ризы исцѣвляхомъ.
 Христось воскресе изъ гроба.
 Ради воскресенія Христова
 Мы пѣснь поемъ—аллилуія.

Алексѣй, Божій человекъ.

Въ городѣ Римѣ, при царѣ Оноріи жилъ благо-
 честивый князь Ефимьянъ и супруга его Аглаида;
 жили многія лѣта, а дѣтей у нихъ не было. Нако-
 нецъ вымолила себѣ Аглаида сына, котораго на-
 звали Алексѣемъ. Рано выучился онъ грамотѣ и
 полюбилъ священныя книги.

Какъ будетъ Алексѣй въ возрастѣ, въ законѣ,
 Позволилъ его батюшка женити:
 Избралъ онъ по всему Рыму
 Единую красную отроковицу
 Великаго царскаго рода.
 Не хотѣлось Алексѣю жениться,
 Хотѣлось ему Богу помолиться,
 За млáдыя лѣта потрудиться.
 Онъ съ батюшки воли не снимаетъ:

„Не неволь меня, батюшко, жениться!
 Пусти меня Богу помолиться,
 Со младости лѣтъ Богу потрудиться!“
 Здѣсь его отецъ не послушалъ;
 А онъ своему отцу не поспорилъ.
 Поѣхали Алексѣю за невѣстой;
 Привезли Алексѣю невѣсту.
 Жениться Алексѣй не помышляетъ.
 На образъ Спасителя взираетъ:
 „Ты, Батюшко нашъ, Спасъ пречистый!
 Не допусти до грѣха до большого,
 До тяжкаго прегрѣшенья!“
 Повели Алексѣя въ Божью церковь,
 Златые вѣнцы на нихъ взолагали,
 Златыми перстнями обручали,
 Единую чару они распивали.
 Изъ Божьей изъ церкви ихъ вели во палаты—
 Къ великому князю къ Ефимьяну:
 Сажали за столы дубовы,
 За тѣ ли за скатерти за браны,
 За тѣ ли за ѣствы за сахарны,
 За тѣ ли за питья медовыя.
 Очень Алексѣй скученъ-грустенъ.
 Какъ возговоритъ батюшка Ефимьянъ князь:
 „Ой же ты, чадо мое возлюбленное!
 Что ты невесело поступаешь?
 Аль тебѣ княгиня не п'обычью?
 Аль твоя обрученная не по праву?“
 Отцу Алексѣй Божій отвѣтилъ:
 „Великій ты князь Офимьяній!
 Княгиня ты, матушка родная!
 Княгиня моя мнѣ п'обычью,
 Обрученная моя мнѣ по праву.
 На что принуждали мя жениться,
 Не пустили Богу помолиться,
 Со младости лѣтъ Богу потрудиться?“
 Они первую, вторую ѣству воскушали,

Изъ-за третьей ѣствы возставали,
 Со молодой своей супругою со обручною...
 Снялъ Алексѣй шелковъ поясъ,
 Со правой руки золотъ перстень,
 Отдаетъ обрученной княгинѣ:
 „Любезнѣйшая моя обручная супруга!
 Храни сіи вещи сердцевыя.
 Спасетъ тебя Господь Владыка,
 И Богъ благословитъ славенъ домъ твой,
 И дастъ тебѣ царство небесное;
 Да и будетъ Господь между нами.
 Храни ты мои честные дары:
 Вотъ тебѣ мой шелковъ поясъ,
 Со правой руки золотъ перстень.
 Молися ты Господу, трудися,
 За Алексѣя, Божья человѣка,
 А я пошелъ во иншую землю,
 За батюшкинъ грѣхъ помолиться,
 За матушкинъ грѣхъ потрудиться!“
 Супруга его промолчала,
 Ни отвѣту, ни привѣта не сказала.
 Пошелъ Алексѣй во комѣрку:
 Беретъ онъ себѣ много злата,
 Златотканную ризу, свѣтъ, вдѣваетъ.
 Пошелъ онъ изъ Рыму изъ граду,
 И шель онъ путемъ, свѣтъ, дорогою.
 На встрѣчу ему идетъ нищій:
 „Ты, нищій, ты, нищій брате!
 Скинь свою нищенску одежду,
 Возьми ты мое цвѣтно платье,
 А мнѣ дай свою нищенску одежду!“
 Онъ свѣтлую ризу совлекаетъ,
 Самъ ветхую одежду, свѣтъ, вдѣваетъ.
 Великая себя онъ изнуряетъ,
 Христа ради подаваетъ.
 Подходить онъ ко синему ко морю:
 На морѣ погода становилась;

Становился тутъ на морѣ корабликъ,
 Садился Алексѣй во корабликъ,
 Пушчался на синее море.
 Гдѣ ни взялись буйные вѣтры,
 Раскачали легкую лодку,
 Понесли Алексѣя синимъ моремъ.
 Приплылъ Алексѣй во Одесь градъ,
 Ко святой ко церкви ко соборной,
 Перешелъ Алексѣй на крутой берегъ;
 Съ радостію возвеселимшися,
 Онъ злато по нищимъ раздѣляетъ.
 Приходить ко Божіей ко церкви,
 Становился Алексѣй, свѣтъ, на папѣрти,
 У правой руки возлѣ притвору,
 Со своей со нищею братьей;
 Земные поклоны справляетъ,
 У Господа Бога милости проситъ:
 „Создай Ты мнѣ, Господи, власть долгій,
 Чтобъ отецъ, мать меня не познали!“
 Молился Алексѣй Богу, трудился;
 Красота въ лицѣ его потребишася,
 Очи его погубишася,
 А зрѣнье помрачишася;
 Сталъ Алексѣй, какъ убогій:
 Токмо его единый ѡстовъ.
 Отецъ и мать по немъ растужились,
 И сія обручная его супруга.
 Какъ горько они по немъ рыдали,
 Яко рѣку слезъ испущали,
 Сами жалобно его, свѣта, причитали,
 Посылали они рабовъ его искати;
 Рабы же его отъѣзжали,
 По всѣмъ по градамъ его искали;
 Рабы же во Одесь градъ пріѣзжали,
 Ко той же ко церкви приходжали
 И тутъ Алексѣя не узнали:
 Лишь милостину ему воздавали.

У нихъ Алексѣй принимаетъ,
 А Господа Бога прославляетъ:
 „Сподоби Ты меня, Господи Владыко,
 Отъ рабъ своихъ милостину взяти,
 За своихъ за рабовъ Богу молиться!“
 Сподобилъ его Господь Владыка
 Отъ рабъ своихъ милостину взяти:
 У нихъ Алексѣй принимаетъ,
 По нищѣй по братьи раздѣляетъ;
 За милостину онъ Богу молился.
 Молился Алексѣй во Одесѣ, трудился
 Семь лѣтъ-годовъ на десятокъ.
 Мать Божія его зрела,
 Прогласила во церкви понамарю:
 — Гряди ты, понамарь, на папери!
 Возьми ты святѣго въ Божью церковь,
 Постанови Мнѣ его предъ престоломъ!—
 „Свѣтъ, Пресвятая Богородица!
 Я человекъ предъ тобою многогрѣшный:
 Не можно мнѣ святѣго приузнати!“
 — Твори ты Иисусову молитву:
 Святой тебѣ самъ объявится.—
 Пошелъ понамарь, слезно заплакалъ,
 Творилъ онъ Иисусову молитву,
 Беретъ онъ святѣго въ Божью церковь,
 Постановилъ его предъ престоломъ.
 Речетъ Пресвятая Богородица:
 — О, рабъ ты Мой, Божій человекъ!
 Зачѣмъ ты ко Мнѣ, Мой рабъ, приходишь?
 Какой милости у Меня просишь?—
 „О, свѣтъ, Пресвятая Богородица!
 Пришелъ я къ Тебѣ, свѣтъ, помолиться,
 За младыя свои лѣта потрудиться,
 Къ Твоему къ честному къ престолу приложиться!“
 — Когда ты пришелъ помолиться,
 Гряди ты, Алексѣй, во славенъ Рымъ градъ!
 Отецъ тебя и матеръ не узнають,

И твоя обручная супруга.
 Отець и матеръ будутъ у обѣдни,
 И твоя обручная супруга.
 Дождамши ты ихъ на переходѣ,
 Прими отъ нихъ благословенье! —
 Сему же Алексѣй помолился,
 За младыя свои лѣта потрудился,
 Къ чѣстному къ престолу приложился,
 Пошелъ Алексѣй вонъ изъ церкви.
 Хотѣлъ онъ прійти въ иншія страны,
 Не хотѣлъ пребыть въ своемъ домѣ
 До конца лѣтъ, души преселенія.
 Приходилъ Алексѣй въ чисто поле,
 Подошелъ ко синему морю,
 И садился Алексѣй въ корабликъ,
 И спускался Алексѣй на сине море.
 Гдѣ ни взялись буйныя вѣтры,
 Понесли Алексѣя синимъ моремъ.
 По Божьему все повелѣнью
 На морѣ корабликъ поносило,
 Ко Рыму ко граду примывало.
 Бѣжалъ онъ часъ черезъ море.
 Сповѣдалъ святой волю Божью.
 Приходилъ Алексѣй во Рымъ градъ.
 Во славномъ во городѣ Рымѣ
 Звонили звоны колокольны.
 Шелъ же Алексѣй Рымомъ градомъ,
 Приходилъ ко святымъ ко воротамъ,
 Ко святой ко Божіей церкви.
 Отець и матеръ идутъ отъ обѣдни,
 И сія обручная супруга;
 Князь Ефимьянъ идетъ ему навстрѣчу,
 Идучи во царскія въ палаты
 Отъ святой отъ Божіей отъ церкви,
 Со многими князьями, со боярами,
 Со великимъ со кремненствомъ.
 Дождамши онъ ихъ на переходѣ,

Достойно Алексѣй имъ поклонился:

„Ой еси, князь благородный!

Призри мя, нищаго, страннаго,

Не ради моего упрошенья,

Ради души своей на спасенье.

Сострой ты мнѣ, убогому, келью

Возлѣ своей каменной палаты,

Возлѣ своей бѣлой ограды,

Не ради меня, старца, калѣки,

Ради своего сына Алексѣя!“

Князь Ефимьянъ возрадовался,

Горючими слезами обливался:

— Спасетъ тебя Богъ, человѣче,

Что ты мнѣ радости возвѣщаешь,

Про моего сына про Алексѣя,

Про Алексѣя, Божья человѣка!

Я самъ про него, свѣта, не знаю,

Въ которой онъ странѣ пребываетъ.

И гдѣ свою душу сохраняетъ.

Почему же ты моего сына знаешь?—

Речетъ Алексѣй къ князю къ Ефимьяну:

„Батюшко, славенъ Ефимьянъ князь!

Мнѣ какъ твоего сына не знати,

Алексѣя, Божьяго, свѣтъ, человѣка!

Въ единой мы палаткѣ съ нимъ пребывали,

Единую хлѣбъ-соль мы съ нимъ воскушали,

Единую одежду мы съ нимъ носили,

Единую мы съ нимъ чару пойла распивали,

Мы вмѣстѣ съ нимъ грамотѣ учились,

Въ единой мы съ нимъ пустынѣ трудились“.

Князь Ефимьянъ прослезился,

Сына своего вспомянувши:

— Ой еси, нищій-убогій,

Ты, старецъ, калика-переходецъ!

Когда ты про моего сына знаешь,

Алексѣя, Божьяго, свѣтъ, человѣка,

Гряди же ты, убогій, въ слѣдъ за мною:

Велю я напоить тебя, накормити,
 И Христа ради келью построю. —
 Князь Ефимьянъ милосердый
 Построилъ князь убогому келью,
 Приставилъ рабовъ къ нему служить,
 Келью топити, призирати.
 Деймонъ врагъ возненавистоваль,
 Зубами злыми воскрежетоше,
 Хотѣлъ погубити его терпѣніе.
 Рабы же Алексѣя не влюбили:
 Иные рабы укоряли,
 А другіе помоями лили;
 Много безчиніевъ творили,
 Плевали, харкали всё на келью.
 На то же Алексѣй не прогнѣвился,
 Терпѣлъ же святой съ благодареньемъ,
 Съ радостію Алексѣй нужды принимаетъ,
 Князю Ефимьяну не взвѣщаетъ,
 А Господа Бога онъ прославляетъ;
 За своихъ за рабовъ Богу молился.
 Молился Алексѣй у отца въ домѣ невѣмымъ,
 Кушалъ на недѣлѣ по просвиркѣ,
 Во всякой недѣлѣ исповѣдался,
 Святыми тайнами приобщался,
 Чуднымъ крестомъ благословлялся.
 Спозналъ онъ себѣ скорую кончину.
 Рабовъ онъ къ князю посылаетъ:
 „Сослалъ бы мнѣ хартіалъ ради кельи!“
 Рабы же отъ князя приходжали,
 Бумагу и чернилъ ему подавали.
 Списалъ Алексѣй рукописанье,
 Списалъ Алексѣй свое порожденье,
 Велико святое умоленіе,
 Списалъ Алексѣй вѣчное извѣщеніе,
 Списалъ Алексѣй, яко таинство;
 Списавши, святой переставился.
 Во славномъ во городѣ во Рымѣ

Промѣжду обѣднѣ, заутрени,
 Исполнилъ Господь благоуханія:
 Тимьяномъ и ладаномъ запахло
 По всему по городу по Риму.
 Архіерей самъ шелъ къ обѣднѣ,
 На своемъ на мѣстѣ онъ становился;
 Речѣтъ онъ попамъ, патриархамъ,
 Многимъ православнымъ христіанамъ:
 „Вы ой еси, князья и бояре,
 Попы, православные христіане!
 Что у насъ во Римѣ учинилось?
 Что пахнетъ тимьяномъ и ладаномъ?
 Нѣтъ ли во Римѣ преставленнаго,
 Или святыхъ мощей проявленныхъ?“
 Ходили по Риму, искали,
 Нигдѣ не нашли они преставленнаго
 И святыхъ мощей проявленныхъ.
 Много народу собиралось,
 Сходились они въ соборную Божию церковь,
 Всю ночь они Господу молились.
 Явился гласъ имъ Святого Духа:
 „Божьяго челоуѣка тѣло исходить!
 Ищите вы въ домѣ Ефимьяновомъ!“
 Тогда царь съ патриархомъ
 Свѣчи и кадила принимали,
 Входили въ домъ они къ князю къ Ефимьяну,
 Со всѣмъ съ просвященнымъ соборомъ;
 Нашли они забывающую келью.
 Труждающій въ кельѣ переставился;
 Въ руцѣхъ онъ держитъ рукописаніе.
 Царь ко мощамъ доступался,
 Святымъ мощамъ царь поклонился:
 „Свѣтъ вы, святые отцы-мощи!
 Отдайте свое рукописанье,
 Явите мнѣ свое похождение,
 А я есмь царь всему міру!“
 Царю рукописемъ не далось.

Владыка къ святымъ мощамъ доступаетъ,
 Колѣномъ къ нимъ онъ преклоняетъ,
 За рукописаніе онъ принимаетъ:
 „Вы, свѣтъ святыхъ мощи,
 Отверзайте святую намъ ручку,
 Какъ бы намъ васъ, свѣтовъ, знати,
 По имени бы васъ нарекати!“
 Далось рукописью патриарху.
 Сталъ патриархъ читати
 Чудеса же его всему міру;
 Дочелся любимаго сына:
 Порожденіе онъ князя Ефимьяна,
 Имя ему Алексѣемъ,
 И мать его Аглаида;
 Повелѣлъ имъ его Господь спознати,
 Возлюбленнаго своего чаду,
 Алексѣя, Божьяго, свѣтъ, человекъ;
 Въ зрящій пятокъ приуспокоился;
 Сподобилъ его имъ Господь въ домѣ видѣти.
 Великій же славенъ Ефимьянъ князь
 До святыхъ до мощей доступаетъ,
 Святое лице его воскрываетъ:
 Просіяла красота его, яко отъ ангела.
 Провѣдала матушка родима,
 Мать его Аглаида;
 Молилась мать у народа:
 „Дайте мнѣ мѣсто, человекъцы!
 Дайте, православные христороубцы,
 Видѣти сладчайшаго своего чаду!“
 Дошла до святыхъ мощей, падоше:
 „Увы мнѣ, сладчайшій мой чадо,
 Алексѣй, Божій, свѣтъ, человекъ!
 Не любя пустынная твоя келья!
 Что же мнѣ тогда ты не явился?
 Зачѣмъ пришелъ въ градъ—не сказался?
 Чаше бы я въ келью приходжала,
 Сама бы я келью топила, призирала!

Поила бы, кормила тебя своимъ кусомъ!⁴
 Провѣдала обручная княгиня,
 Бѣжить ко святому, сама плачетъ:
 „Свѣтъ, ты, мой женихъ обрученный,
 Святой ты мой князь возлюбленный,
 Алексѣй, Божій человѣче!
 Для чего ты живъ былъ—не сказался?
 Потай бы я въ келью приходжала,
 Мы вмѣстѣ бы съ тобой Богу молились,
 Промѣжду насъ былъ бы Святой Духъ!“
 Съ трудомъ его, свѣта, погребали
 Во славномъ во городъ во Рымъ.
 Объявилъ Алексѣй святую свою славу
 Во всю свято-русскую землю;
 Онъ Богу былъ, свѣтъ, угодень,
 Всему міру онъ доброхотень;
 Угодно онъ Богу скончался.
 Аллилуія и слава тебѣ, Господи!

Стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ.

Во славномъ Кіевѣ градѣ
 Жилъ себѣ Володимиръ князь.
 Имѣлъ себѣ трехъ сыновъ:
 Старѣйшій братъ, а большій князь,
 А меньшихъ два брата, Борисъ и Глѣбъ.
 Живши-бывши, Володимиръ князь
 Сталъ своимъ чадамъ благословляти,
 А удѣльными градами надѣляти:
 Старѣйшему брату Черниговъ градъ,
 Борису и Глѣбу Кіевъ градъ.
 Живши-бывши Володимиръ князь
 Въ домѣ своемъ переставился.
 Чады его возлюбленные
 Со славою его погребали;
 Разъѣзжались во разныя страны:

Старѣйшій братъ въ Черниговъ градъ,
 А Борисъ и Глѣбъ во Киевъ градъ.
 Живши-бывши старѣйшій братъ,
 Старѣйшій братъ, а большій князь
 Въ умѣ своемъ разумѣ смѣшался;
 И пишетъ князь зло писаніе
 Двумъ братьямъ Борису и Глѣбу:
 „Вы, меньшіе братья, святые князья,
 Святые князья, благовѣрные,
 Два брата мои, Борисъ и Глѣбъ!
 Прошу я васъ на пиръ пировать,
 Во честный вамъ пиръ пировать:
 Мы будемъ въ моемъ домѣ отца поминать“.
 Послы его приходяди
 И посыльный листъ приносили
 Двумъ братьямъ Борису и Глѣбу.
 Два брата Борисъ и Глѣбъ
 Посыльный листъ принимали,
 Предъ матушкой прочитали
 И начали плакати-рыдати
 И жалобнымъ гласомъ причитати.
 Имъ матушка говорила:
 — Возлюбленныя мои чада,
 Святые князья благовѣрные!
 Не ѣздите вы къ большому брату въ гости,
 Къ старѣйшему брату Святополку:
 Не на пиръ онъ зоветъ пировати,
 Не отца въ своемъ домѣ поминати,
 Хочетъ онъ васъ затребити,
 Всею Россеей завладати,
 Со всѣми со удѣльными городами,
 Со всѣми со вѣрными со слугами.—
 Они матушки не слушались,
 Садилась на добрыхъ коней,
 Поѣхали къ большому брату въ гости,
 Къ старѣйшему брату и къ большому князю.
 А большій князь, ненавистный-злой,

Не въ домѣ онъ братіевъ встрѣчаетъ,
 Встрѣчаетъ далече въ чистомъ полѣ,
 Свирѣпо на братьевъ взираетъ.
 Два брата Борисъ и Глѣбъ
 Видятъ они напасть свою,
 Слѣзаютъ со добрыхъ коней,
 Упали къ большому брату въ ноги,
 Старѣйшему брату Святополку:
 Борисъ упалъ въ правую ногу,
 А Глѣбъ упалъ въ лѣвую;
 Начали они плакать и рыдати
 И жалобнымъ гласомъ причитати:
 „Любимый ты нашъ старѣйшій братъ,
 Старѣйшій братъ, а бѣльшій князь!
 Не сръжь ты главы незрѣлыя,
 Не пролей ты крови христіанской,
 Крови христіанской понапрасну!
 Возьми ты насъ въ рабы себѣ,
 Работай ты нами, какъ рабами!“
 А бѣльшій князь, ненавистный-злой,
 Ни на что злодѣй не взираетъ,
 Ни на плаканье, ни на рыданье,
 Ни на жалобное ихъ причитанье:
 Бориса взялъ копьемъ вружилъ,
 А Глѣба ножемъ зарѣзалъ;
 И повелѣлъ эти тѣла, Борисово,
 Борисово и Глѣбово,
 Затащить во темны лѣса.
 И сѣдился злой на добрый конь
 И сталъ развѣзжать и похваляться:
 „Слуги мои вѣрныя!
 Теперича наша вся Росѣя,
 Со всѣми со удѣльными городами,
 Со всѣми со вѣрными со слугами!“
 А Господь хвалы не слушаетъ,
 Ссылаетъ Господь двоихъ ангеловъ
 Со копьемъ со вострымъ;

Повелѣлъ Господь земли подрѣзати,
 Подрѣзати и потрясати;
 И они землю подрѣзали,
 Подрѣзали и потрясали;
 Земля съ кровію смѣшалася,
 Вся вселенная ужаснулася,
 Словно въ синіемъ морѣ волны всколыхалися.
 Онъ думалъ, злодѣй, рай растворился,
 Анъ самъ сквозь сырой земли провалился.
 А тѣ тѣла, Борисово,
 Борисово и Глѣбово,
 Лежали ровно тридцать лѣтъ:
 Ни звѣрь ихъ, ни птица не тронули,
 Ни мрачное помраченіе,
 Ни солнечное попеченіе.
 Какъ тридцать лѣтъ миновалося,
 Явилося явленіе:
 Явился столбъ красный огненный,
 Отъ земли и до неба;
 Къ тому столбу огненному
 Сходилися-соѣзжались
 Цари, власти и патріархи,
 И всѣ православные христіане:
 Служили молебны благочестны
 Двумъ братамъ Борису и Глѣбу;
 Святыя тѣла обрѣтоша намъ
 Двухъ братьевъ Бориса и Глѣба;
 Отъ святыхъ мощей было прощеніе;
 Погребали ихъ, свѣтовъ, со славою.
 А мы поемъ славу Борису,
 Борису славу и Глѣбову.
 Во вѣки вѣковъ, аминь.

Александръ Невскій.

Ужъ давно-то христіанска вѣра
 Во Россейшку взошла,

Какъ и весь-то народъ русскій
 Покрестился во нее;
 Покрестился, возмолился
 Богу вышнему:
 Ты создай намъ, Боже,
 Житъе мирное, любовное;
 Отжени ты отъ насъ
 Враговъ пагубныхъ;
 Ты посѣй на нашу Русь
 Счастье многое!⁴
 И слышалъ Богъ молитвы
 Своихъ новыхъ христіанъ:
 Надѣлялъ онъ ихъ
 Счастьемъ многіимъ своимъ.
 Но забылся народъ русскій,
 Въ счастіи живя;
 Онъ сталъ Бога забывать,
 А себѣ-то гибель заготовлять.
 И наслалъ Богъ на нихъ
 Казни лютыя,
 Казни лютыя, смертоносныя:
 Онъ наслалъ-то на святую Русь
 Нечестивыхъ людей, татаръ крымскіихъ.
 Какъ и двинулось погано племя
 Отъ сѣвера на югъ,
 Какъ сжигали-разбивали
 Грады многіе,
 Пустошили-полонили
 Земли русскія.
 Добралась-то они до святаго мѣста,
 До славнаго великаго Новгорода.
 Но въ этомъ-то градѣ
 Жилъ христіанскій народъ:
 Онъ молилъ и просилъ
 О защитѣ Бога вышняго.
 И вышелъ на враговъ
 Славный новгородскій князь,

Новгородскій князь Александръ Невскій.

Онъ разбилъ и прогналъ
Нечестивыхъ татаръ;
Возвратившись со войны,
Во иноки онъ пошелъ;
Онъ за святость своей жизни
Угодникомъ Бога сталъ,
И мы, грѣшніи народы,
Притекаемъ къ нему:
„Ты, угодникъ Божій,
Благовѣрный Александръ!
Умоляй за насъ
Бога вышняго,
Отгоняй отъ насъ
Враговъ пагубныхъ!
И мы тебя прославляемъ:
Слава тебѣ,
Благовѣрный Александре,
Отнынѣ и до вѣка!“

Пѣсни обрядовыя и бытовыя.

Обрядовыя пѣсни.

Обрядовыми называются тѣ пѣсни, которыми въ языческую пору сопровождались различные обряды во время религиозныхъ празднествъ. Предки наши, какъ и всѣ язычники, чтили явленія природы и олицетворяли ихъ въ образъ различныхъ божествъ. Такъ, напримѣръ, солнце олицетворяли они въ образъ Дажь-бога, громъ и молнію — въ образъ Перуна. Къ солнечнымъ же божествамъ принадлежалъ и Волосъ, или Велесъ, считавшійся также защитникомъ стада (скотій богъ) и покровителемъ пѣвцовъ. Онъ же былъ и богомъ плодородія. Кромѣ этихъ божествъ, были и другія, но Дажь-богъ, Перунъ и Велесъ почитались главнѣйшими. Въ честь ихъ совершались религиозныя празднества, кругъ которыхъ начинался зимнимъ солноворотомъ (12 декабря) и заканчивался лѣтнимъ праздникомъ жатвы. Въ этотъ промежутокъ времени совершались слѣдующія главнѣйшія празднества: въ зимній солноворотъ справлялся праздникъ въ честь возрождающихся силъ природы; далѣе, съ наступленіемъ весеннихъ дней, справлялась встрѣча весны, и вскорѣ затѣмъ происходили празднества въ честь Велеса, какъ скотьяго бога; въ маѣ и въ началѣ іюня чествовали богиню весны, а во время лѣтняго солноворота (11 іюня) прославлялось развитіе производительныхъ силъ природы; въ іюлѣ праздновали въ честь бога грома Перуна, а по окончаніи жатвы—въ честь Велеса, какъ бога плодородія. Всѣ эти празднества сопровождались особыми языческими обрядами, играми и пѣснями.

Съ принятіемъ христіанства языческіе обряды не

могли уже существовать во всей своей цѣлости; но, съ другой стороны, они и не исчезли безслѣдно: многое изъ того, что относилось къ языческимъ празднествамъ, было приурочено къ тѣмъ христіанскимъ праздникамъ, которые по времени или совпадали съ языческими, или были къ нимъ близки. Такъ, праздникъ зимняго солнворота совпалъ съ праздникомъ Рождества; весенніе языческіе праздники приурочились къ весеннимъ христіанскимъ: къ масленицѣ, къ Ѡминой недѣлѣ (красная горка), къ Троицѣ (семицѣ—въ четвергъ передъ Троицей) и къ Егорьеву дню (23 апрѣля), къ которому приуроченъ праздникъ въ честь Велеса. Лѣтніе языческіе праздники отнесены къ лѣтнимъ же христіанскимъ: торжество въ ознаменованіе лѣтняго солнворота приурочено къ Иванову дню (24 іюня), а праздникъ въ честь Перуна отнесенъ къ Ильину дню (20 іюля).

Многіе старинные обряды и старинныя пѣсни продолжаютъ храниться въ народѣ и понынѣ, хотя они давно уже утратили свой первоначальный языческій смыслъ и теперь имѣютъ значеніе лишь простой забавы. Въ народной памяти до сихъ поръ еще живы слѣдующія обрядовыя пѣсни: колядскія, овсеневыя, подблюдныя, игорныя, веснянки, хороводныя, русальныя, семицкія, купальскія и другія.

Колядскія и овсеневыя пѣсни. Первый праздникъ въ честь солнца справлялся тогда, когда свѣтъ начиналъ усиливаться, дни начинали прибывать. Въ христіанскія времена онъ совпалъ съ праздникомъ Рождества Христова. Его называютъ праздникомъ Коляды (Коляда, вѣроятно, названіе солнца). Донынѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, особенно въ Малороссіи, сохранился обычай колядовать. Наканунѣ Рождества Христова молодые люди, парни и дѣвушки, ходятъ толпою по улицамъ и поютъ подѣ

огнями пѣсни, называемыя колядками, за что получаютъ отъ хозяевъ избъ сѣсныя припасы въ мѣшки, которые носятъ съ собою. Для языческихъ жертвъ во время праздника собирались, вѣроятно, приношенія; во времена христіанскія это перешло въ обычай воспѣвать Коляду и собирать разныя подаванія. Въ колядкахъ говорится о рожденіи „святой Коляды“, о какомъ-то дворѣ на семидесяти верстахъ, обнесенномъ желѣзнымъ тыномъ. Въ одной колядкѣ идетъ рѣчь о жертвоприношеніи: за быстрой рѣкою въ дремучихъ лѣсахъ горитъ великій огонь; вокругъ огня на скамьяхъ сидятъ молодцы и дѣвицы, поютъ пѣсни „Колядушкѣ“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вмѣсто Коляды воспѣвается баснословное языческое существо Овсень; такія пѣсни называются овсеновыми. Эти пѣсни поются большею частію наканунѣ Новаго года, въ вечеръ, который въ народѣ называется Васильевымъ вечеромъ оттого, что въ Новый годъ церковь празднуетъ память св. Василія Великаго. Содержаніе овсеновыхъ пѣсенъ почти то же самое, что и колядскихъ, только вмѣсто Коляды въ нихъ величается Овсень. Слово Овсень одни производятъ отъ обсѣванія или осыпанія овсомъ, которымъ сопровождается пѣніе овсеновыхъ пѣсенъ; поющіе обыкновенно бросаютъ зерна разнаго хлѣба и особенно овса; зерна эти слушающіе собираютъ и хранятъ до весенняго посѣва. Другіе это слово, произносимое въ различныхъ мѣстахъ различно: Авсень, Усень, Таусень, сближаютъ со словомъ ясный и видятъ въ немъ измѣненіе слова Ясень, названія солнца (ясное солнце).

Подблюдныя и игорныя. Во время праздника зимняго солноворота занимались гаданіемъ съ цѣлью узнать, будетъ ли наступающій годъ благопріятенъ для плодородія. Когда языческій праздникъ былъ пріуро-

ченъ къ Рождеству, то вмѣстѣ съ тѣмъ на рождественскія святки былъ перенесенъ и обычай гадать, который держится въ народѣ и до сихъ поръ. Святочныя гаданья сопровождаются пѣснями, которыя называются подблюдными, потому что онѣ поются надъ блюдомъ или чашею съ водой. На столѣ, вокругъ котораго садятся гадающіе, ставятъ блюдо съ водой и покрываютъ его скатертью; около блюда гадающіе кладутъ свои кольца, перстни и серьги; тутъ же кладутъ еще кусочки хлѣба, соль и три уголька. Затѣмъ поется пѣсня хлѣбу: „Слава Богу на небѣ, слава!“. По окончаніи этѣй пѣсни, кольца, перстни и серьги, а равно хлѣбъ, соль и угольки кладутъ на блюдо и начинаютъ пѣть одну за другою подблюдныя пѣсни: „Катилося зерно по бархату“, „Идетъ кузнецъ изъ кузницы“ и др. Послѣ каждой пѣсни вынимаютъ ту или другую вещь изъ блюда и при этомъ поютъ особый припѣвъ:

Кому мы спѣли, тому добро, слава!

Кому вынется, тому сбудется,

Скоро сбудется, не минуется.

Такъ гадаютъ молодые люди о женитьбѣ или замужествѣ, а старики объ урожаѣ.

Послѣ гаданья начинаются игры и сопровождающія ихъ игорныя пѣсни. Въ старину самую употребительною игрою было хороненіе золота, причемъ пѣлась извѣстная пѣсня: „И я золото хороню, хороню“.

Веснянки. Второй большой праздникъ въ честь солнца справлялся весною, когда тепло начинало побѣждать стужу. Въ христіанскія времена онъ совпадалъ обыкновенно съ Великимъ постомъ, и духовенство противилось веселью въ дни поста; это было причиною, что праздникъ раздвоился: часть его обрядовъ отошла на масленицу, время, предшествующее посту,

часть на Оомину недѣлю, слѣдующую за Пасхой. На масленицѣ есть обычай веселиться—катаются на лошадяхъ и съ горь, пекутъ блины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраиваютъ чучело „честной масленицы“ и возятъ ее на разукрашенныхъ лентами саняхъ, съ пѣснями. Главная часть праздника, на Ооминой недѣлѣ, называется красная горка. Начинается этотъ праздникъ обыкновенно пѣніемъ веснянокъ, въ которыхъ „закликаютъ“ весну, призываютъ ее, какъ живое существо.

Хороводныя. Праздникъ „красная горка“ получилъ названіе оттого, что происходитъ на горѣ или на возвышенности, покрытой первою весеннею травой и освѣщенной краснымъ солнышкомъ. Съ красной горки начинаются хороводы и продолжаются до конца іюня. Кругообразное движеніе хоровода является знакомъ солнечнаго движенія. Хороводы сопровождаются особыми пѣснями, которыя поэтому называются хороводными. Въ пѣсняхъ этихъ рѣчь идетъ о любви и бракѣ; но употребляемые во многихъ изъ нихъ припѣвы: „ой Дидь-Ладо“, „Люли, Лель“, намекаютъ на языческія божества.

Семицкія и русальныя. Четвергъ передъ Троицынымъ днемъ называется семигъ; въ этотъ день чествуютъ весеннее дерево—березку; парни и дѣвушки идутъ къ ней въ лѣсъ, несутъ съѣстные припасы (жертвы) и поютъ ей пѣсни; на вѣтви березы вѣшаютъ вѣнки. Недѣля передъ Троицынымъ днемъ называется „русальной“ недѣлей: въ это время русалки, по оставшемуся языческому вѣрованію, получаютъ возможность выходить изъ воды (изъ своихъ влажныхъ могилъ) и живутъ въ лѣсу на вѣтвяхъ. Съ Троицынымъ днемъ совпалъ первый лѣтній праздникъ. Въ этотъ день украшаютъ и чествуютъ дубъ; а вѣнки, заплетенные въ семигъ, дѣвушки бросаютъ

на воду и по тому, какъ поплыветъ или потонетъ вѣнокъ, гадаютъ о своей судьбѣ.

Купальскія. Главный лѣтній праздникъ, праздникъ Купальскій, или Ивана Купала, справляется въ ночь съ 23 на 24 июня (день Иоанна Крестителя). Солнце достигло въ это время, по народному воззрѣнiю, наибольшей силы и сообщило силу эту брату своему огню и вообще всей природѣ. Оттого въ эту ночь скачутъ черезъ костры и перегоняютъ черезъ нихъ скотъ, купаются въ водѣ, собираютъ 12 травъ. Въ эту ночь цвѣтеть, по народному вѣрованiю, папоротникъ огненнымъ цвѣтомъ; кто въ полночь въ лѣсу сорветъ такой цвѣтокъ, тотъ найдетъ кладъ. Пѣсенъ въ этотъ праздникъ (равно какъ и въ Троицынъ день) поется не много, и пѣсни эти не ясны по содержанiю (это—плохо сохранившiеся отрывки древнихъ пѣсенъ): въ нихъ говорится о бурной рѣкѣ, рвавшей берега и сорвавшей въ свое теченiе добраго молодца или красную дѣвицу, или о борьбѣ добраго молодца и красной дѣвицы.

Бытовыя пѣсни.

Существуетъ очень много пѣсенъ бытовыхъ, въ которыхъ изображается быть или вообще жизнь русскаго народа съ разныхъ сторонъ. Вся жизнь русскаго крестьянина, отъ колыбели до могилы, сопровождается, можно сказать, пѣсней. Есть пѣсни колыбельныя, свадебныя, семейныя, похоронныя (или причитанья), плясовыя, шуточные и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ сложились въ глубокой древности. Къ числу такихъ относятся многія свадебныя пѣсни.

Свадебными называются тѣ пѣсни, которыя имѣютъ отношенiе къ свадьбѣ, къ браку. Въ нихъ обрисовывается положенiе невѣсты передъ выходомъ замужъ.

Въ древнѣйшую пору своего существованiя предки наши жили отдѣльными родами, которые враждо-

вали между собою. При враждебныхъ отношеніяхъ между родами, женщину, на которую смотрѣли вообще, какъ на работницу, неохотно уступали чужому роду. Отсюда возникла необходимость насильственного захвата дѣвушекъ, „умыканія“, по выраженію нашего лѣтописца Нестора. Естественно, что при такомъ насильственномъ бракѣ дѣвушка должна была смотрѣть на своего жениха и на весь родъ его, какъ на что-то страшное и враждебное. Эти чувства страха и вражды отразились и въ свадебныхъ пѣсняхъ. Такъ, въ древнѣйшихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ называется чужимъ-чужаниномъ, погубителемъ, злымъ разлучникомъ, отъ котораго дѣвушка хочетъ спрятаться, схорониться.

Позднѣе „умыканіе“ мало-по-малу перешло въ болѣе мирный, хотя также насильственный способъ приобрѣтенія невѣсты посредствомъ „купли-продажи“: невѣсту стали продавать за „вѣно“ (плата за невѣсту); она представляла собою товаръ, а женихъ былъ купцомъ. Понятно, что и при этомъ способѣ заключенія брака положеніе невѣсты было не лучше. Женихъ въ ея глазахъ оставался все тѣмъ же „чужимъ чужаниномъ“, за котораго ей не хотѣлось итти.

Само собою разумѣется, что при указанныхъ условіяхъ вступленія въ бракъ семейная жизнь зачастую слагалась несчастливо. Это подтверждается многими пѣснями, которыя не принадлежать уже къ числу свадебныхъ и которыя называются вообще семейными, такъ какъ онѣ обрисовываютъ житейское бытѣе простолюдина, сложившееся подъ вліяніемъ условій семейной жизни.

Кромѣ свадебныхъ и семейныхъ, изъ разряда бытовыхъ пѣсенъ заслуживаютъ вниманія солдатскія и разбойничьи, самое названіе которыхъ уже свидѣтельствуетъ о томъ, что въ пѣсняхъ этихъ идетъ рѣчь о жизни прежнихъ солдатъ и разбойниковъ.

Колядскія.

I.

Уродилась Коляда
Наканунъ Рождества
За рѣкою за быстрою.

Ой Колюдка, ой Колюдка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горять,
Вокругъ огня скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Колюдушкѣ.

Ой Колюдка, ой Колюдка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ;
Котелъ кипитъ горючій;
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати.

Ой Колюдка, ой Колюдка!
Ты, братецъ Иванушко,
Ты выйди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ:
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.

Ой Колюдка, ой, Колюдка!

II.

Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
Наканунъ Рождества.
Мы ходили, мы искали

Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ,
По проулочкамъ.
Нашли Коляду

У Петрова-то двора.

Петровъ-то дворъ—желѣзный тынь;
 Среди двора три терема стоятъ:
 Въ первомъ терему—свѣтель мѣсяць,
 Въ другомъ терему—красно солнце,
 А въ третьемъ терему—часты звѣзды.
 Свѣтель мѣсяць—Петръ сударь,
 Свѣтъ Ивановичь,
 Красно солнце—Марья Павловна,
 Часты звѣздочки--ихъ дѣтушки.
 Здравствуй, хозяйнѣ съ хозяйошкой,
 На долгіе вѣка, на многія лѣта!

III.

Ходили, гуляли коледовщици,
 Сочили, искали боярскаго двора:
 Нашъ боярскій дворъ на семи верстахъ,
 На семидесяти столбахъ.
 Какъ поѣхалъ государь на судимую гору,
 Судь судить по сто рублей,
 Рядъ рядить по тысячѣ;
 Какъ ѣдетъ государь со судимой со горы,
 Везетъ своей женѣ кунью шубу,
 Своимъ сыновьямъ по добру коню,
 Своимъ невѣстушкамъ по кокошничку,
 Своимъ дочушкамъ по ленточкѣ,
 Своимъ служенькамъ по сапоженькамъ.
 Подарите, не знобите, коледовщичкамъ.
 Наша Колебка ни мала, ни велика,
 Ни въ рубль, ни въ полтину,
 Ни въ четыре алтына.
 Подарите, не знобите, коледовщичковъ
 Либо съ печи пирогомъ,
 Либо съ клѣти осьмакомъ.
 Наша Колебка ни мала, ни велика,
 Въ двери не лѣзя,
 Въ окно какъ щѣ:

Либо кружечку пивца
 Либо чарочку винца.
 Хозяинъ—ясень мѣсяць,
 Хозяйка—красно солнышко во дому.

Въ этой пѣснѣ послѣ каждаго двухъ стиховъ
 повторяется припѣвъ:

„Виноградѣ красно зеленье мое!“

Овсенева.

Ай во борѣ, борѣ,
 Стояла тамъ сосна
 Зелена, кудрява.
 Ой Овсень, ой Овсень!

Ѣхали бояре,
 Сосну срубили,
 Дощечки пилили,
 Мосточекъ мостили,
 Сукномъ устилали,
 Гвоздьми обивали.
 Ой Овсень, ой Овсень!

Кому-жь, кому ѣхать
 По тому мосточку?
 Ѣхать тамъ Овсеню
 Да новому году.
 Ой Овсень, ой Овсень!

Святочные подблюдныя.

1.

Катилось зерно по бархату,
 Слава!
 Еще ли то зерно бурмитское,
 Слава!

Прикатилося зерно ко яхонту,
   Слава!
 Крупень жемчугъ со яхонтемъ,
   Слава!
 Хорошъ женихъ со невѣстою,
   Слава!
 Да кому мы спѣли, тому добро,
   Слава!
 Кому вынется, тому сбудется,
 Тому сбудется, не минуется,
   Слава!

II.

Ужь какъ на небѣ двѣ радуги,
   Слава!
 А у богатаго мужика двѣ радости,
   Слава!
 Что первая-то радость—сына женить,
   Слава!
 Что другая-то радость—дочь замужъ отдасть,
   Слава!
 Ужь какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
   Слава!
 А за дочерью сундуки везутъ,
   Слава!

III.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
 Несетъ кузнецъ три молота.
 Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
 Ты скуй мнѣ вѣнецъ—и золотъ, и новъ,
 Изъ остаточковъ золотъ перстень,
 Изъ обрѣзочковъ булабочку.
 Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
 Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
 Мнѣ тою булабочкой убрουςъ притыкать.

Святочная игорная.

И я золото хороню, хороню,
 Чисто серебро хороню, хороню
 Я у батюшки въ терему, въ терему,
 Я у матушки въ високомъ, въ високомъ.

Паль, паль перстень
 Въ калину, въ малину,
 Въ черную смородину.

Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная,
 Въ коей рукѣ былица!

И я рада бы гадала,
 И я рада-бъ отгадала,
 Кабы знала, кабы вѣдала,
 Черезъ поле идучи,
 Русу косу плегучи,
 Шелкомъ первиваючи,
 Златомъ приплетаючи.
 Ахъ вы, кумушки, вы, голубушки!
 Вы скажите, не утайте,
 Мое золото отдайте;
 Меня мати хочетъ бити
 По три утра, по четыре,
 По три прута золотые,
 Четвертымъ жемчужнымъ.

Еще дѣвицы гадали,
 Еще красныя гадали,
 Да не отгадали.

Паль, паль перстень
 Въ калину, въ малину,
 Въ черную смородину.
 Очутился перстень
 Да у боярина, да у молодова,
 Да на правой на ручкѣ,
 На маломъ мизинцѣ.

Еще дѣвицы гадали,

Да не отгадали,
 Еще красныя гадали,
 Да не отгадали.
 Наше золото пропало,
 Призаиндивѣло, призаплѣсневлѣло.
 Молодайка, отгадайка-ка!

Веснянки.

I.

Весна красна,
 На чемъ пришла?
 На чемъ прѣвхала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ.
 Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
 И всѣ красныя на широкой,
 Одной дѣвушки нѣтъ:
 Сидитъ она во теремѣ,
 Ширинку шьетъ золотомъ,
 Узду везетъ тесмяную.
 Ахъ горе великое!
 Кому-то достанется?
 Достанется моему суженому,
 Моему ряженому.

II.

Весна, весна красная!
 Приди, весна, съ радостью,
 Съ радостью, радостью,
 Съ великою милостію:
 Со льномъ высокімъ,
 Съ корнемъ глубокімъ,
 Съ хлѣбами обильными.

Хороводныя.

I.

Я основушку сную, перемоты кладу.
 Вечоръ въ торгу кличъ кликали,
 Кличъ кликали, что дорого,
 Что дорого, что дешево.
 Дешевы въ торгу добры мѡлодцы:
 По семи мѡлодцовъ на овсяный блинъ,
 А восьмой-то мѡлодецъ на придачу пошелъ.
 Вечоръ въ торгу кличъ кликали,
 Кличъ кликали, что дорого,
 Что дорого, что дешево.
 Дороги-то въ торгу красны дѣвѣицы:
 Перва дѣвка во сто рублей,
 Друга дѣвка во тысячу,
 Третья дѣвка—цѣны ей нѣтъ,
 Что цѣна-то ей у царя въ Москвѣ,
 У царя въ Москвѣ, въ золотой казнѣ.

II.

(Поется въ два хора).

А мы просо сѣяли, сѣяли,
 Ой Дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли!
 А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
 Ой Дидъ Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
 А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,
 Ой Дидъ Ладо, вытоптать, вытоптать?
 А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
 Ой Дидъ Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
 А мы коней переймемъ, переймемъ,
 Ой Дидъ Ладо, переймемъ, переймемъ!
 А чѣмъ же вамъ перенять, перенять,
 Ой Дидъ Ладо, перенять, перенять?
 Шелковымъ поводомъ, поводомъ,
 Ой Дидъ Ладо, поводомъ, поводомъ!

А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
 Ой Дидъ Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
 А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить,
 Ой Дидъ Ладо, выкупить, выкупить?
 А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
 Ой Дидъ Ладо, сто рублей, сто рублей!
 Не надо намъ тысячи, тысячи,
 Ой Дидъ Ладо, тысячи, тысячи!
 А что же вамъ надобно, надобно,
 Ой Дидъ Ладо, надобно, надобно?
 Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу,
 Ой Дидъ Ладо, дѣвицу, дѣвицу!

(Послѣ этого одна дѣвица изъ своего хора переходитъ въ хоръ мужской).

Нашего полку убыло, убыло,
 Ой Дидъ Ладо, убыло, убыло!
 А нашего полку прибыло, прибыло,
 Ой Дидъ Ладо, прибыло, прибыло!

III.

Какъ у нашихъ у воротъ
 Стоитъ озеро воды,
 Ой люли, ой люли!
 Стоитъ озеро воды.
 Молодецъ коня поилъ,
 Къ воротечкамъ приводилъ,
 Ой люли, ой люли!
 Къ воротечкамъ приводилъ.
 Къ вереюшкѣ привязалъ,
 Красной дѣвкѣ приказалъ:
 Ой люли, ой люли!
 Красной дѣвкѣ приказалъ.
 Красна дѣвица-душа,
 Сбереги добра коня,
 Ой люли, ой люли!
 Сбереги добра коня,

Сбереги добра коня,
 Коня тысячнаго,
 Ой люли, ой люли!
 Коня тысячнаго.
 Не сорвалъ бы повода,
 Не сломалъ бы удила,
 Ой люли, ой люли!
 Не сломалъ бы удила.

Семицкія.

I.

Береза моя, березонька,	Трава шелковая.
Береза моя бѣлая,	Близъ тебя, березонька,
Береза моя кудреватая!	Красны дѣвушки
Стоишь ты, березонька,	Въ семигъ поють;
Осередь долинушки.	Подъ тобой, березонька,
На тебѣ, березонька,	Красны дѣвицы
Листья бумажные,	Вѣнокъ плетуть.
Подъ тобой, березонька,	

II.

Луговая коростель,
 Ладо, Ладо, коростель!
 Не кричи рано по зарѣ,
 Не буди меня рано на зарѣ!
 У меня матушка—мачиха,
 Она меня поздно спать кладеть,
 Она меня рано взбуживаетъ,
 Къ легкому дѣлу—къ жерновамъ.
 Луговая коростель,
 Закричи рано по зарѣ,
 Разбуди меня рано на зарѣ!
 У меня матушка—родная,
 Она меня рано спать кладеть,
 Она меня поздно взбуживаетъ,
 Къ тяжкому дѣлу—къ пялицамъ.

III.

Благослови, Троица,
Богородица!

Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо, ой Ладо!

Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать.
Ай Дидо, ой Ладо!

А мы въ лѣсъ поидемъ
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ,
И вѣнокъ соведемъ,
Ай Дидо, ой Ладо!

Свекру батюшкѣ,
Свекрови матушкѣ:
Свекру батюшкѣ малиновой,
Свекрови матушкѣ калиновой.
Ай Дидо, ой Ладо!

Пойду-ль я тишкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю-ль съ сыра дуба вѣточку
Брошу на быструю рѣченьку.
Ай Дидо, ой Ладо!

Не тонетъ, не плыветъ
Съ сыра дуба вѣточка,
Не тужить по мнѣ
Свекоръ батюшка,
Свекровъ матушка.
Ай Дидо, ой Ладо!

Русальныя.

По улицѣ по широкой,
 По муравѣ по зеленой,
 Тутъ шла дѣвка семилѣтка,
 За дѣвкою сынъ купецкій:
 „Постой, дѣвка семилѣтка!
 Загадаю три загадки,
 Чтобы ты, дѣвка семилѣтка,
 Отгадала и сказала:
 Да что растетъ безъ коренья?
 Да что цвѣтетъ да безъ цвѣта?
 Да что шумитъ да безъ вѣтра?“
 — А я, дѣвка семилѣтка,
 Отгадала и сказала:
 Растетъ камень безъ коренья,
 Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣта,
 Шумитъ вода безъ буйнаго вѣтра.—

Купальскія.

I.

Купало на Ивана!
 Пидемъ, дивкы, въ ягидкы...
 А вси дивкы понабралы,
 Одна дивка не набрала.
 Пидимъ, дивкы, та ричку брысты.
 А уси же дивкы перебрылы,
 Одна-жь дивка-та потонула,
 Дорогіи шаты помочыла,
 Серебрени ключи упустила.

II.

Купала наша, Купала!
 Дай намъ котлы золота *).
 Вотъ солодушка **) цвѣтетъ.
 Я сяду при ней,
 Проночую при ней,
 Подстерегу красочку ***)
 Сорву папоротку,
 Буду богачь-богатырь,
 Закуплю я весь свѣтъ.

Колыбельныя.

I.

Баю-баюшки-баю,
 Прилетѣли галочки
 На попову пашенку,
 Поклевали пашенку.
 Шелъ мужикъ бѣдный,
 Нашелъ котель мѣдный,
 Сдѣлалъ ложку большую,
 Сварилъ кашу крутую,
 Почерпнулъ со дна—
 Только крупочка одна.

II.

Ладушки, ладушки!
 Гдѣ были? У бабушки.
 Что ѣли? Кашку.
 Что пили? Бражку.
 Кашка сладенька,
 Бражка хмельенька,
 Бабушка добренька.
 Попили, поѣли,
 Долой полетѣли,
 Сѣли на головку,
 На маковку...

Дѣтская.

За моремъ синичка не пышно жила,
 Не пышно жила, пиво варивала,
 Солоду купила, хмелю займы взяла,
 Черный дроздъ пивоваромъ былъ.

*) Намекъ на кладь. **) Папоротникъ. ***) Цвѣтъ папоротника.

Дай же намъ, Боже, пиво-то сварить,
 Пиво-то сварить и вина накурить,
 Созовемъ къ себѣ гостей—мелкихъ пташечегъ,
 Соловушка—вдовушка незваная пришла,
 Снѣгирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
 Соловушка головушку поглаживаетъ.
 Стали всѣ птички межъ собою говорить:
 Что же ты, снѣгирюшка, не женишься?
 Радъ бы жениться, да некого взять!
 Взялъ бы я пернатку, да матка моя;
 Взялъ бы я чечетку, да тетка моя;
 Взялъ бы я синичку—сестричка моя;
 Взялъ бы я сороку,—щекотливая;
 Есть за моремъ перепелочка,
 Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
 Ту я люблю, ту за себя возьму.
 Здравствуй, хозяйнѣ съ хозяйкою,
 Съ малыми дитятами!

Свадебныя.

I.

Красна дѣвица по садику гуляла,
 Цвѣты алые дѣвица собирала.
 Мимо ѣхалъ тутъ гостиный сынъ:
 „Ужь Богъ помочь тебѣ, красна дѣвица,
 Цвѣты алые тебѣ, дѣвица, собирать!“
 —Благодарствуй, сынъ гостиный, благодарствуй.—
 „Загадать ли тебѣ, красна дѣвица,
 Шесть мудреныхъ загадокъ загадать ли?“
 —Загадай-ка, сынъ гостиный, загадай-ка,
 Шесть мудреныхъ загадокъ загадай-ка.—
 „Ужь какъ что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?
 Еще что у насъ, дѣвица, краше свѣту?
 Еще что у насъ, дѣвица, чаще лѣсу?
 Еще что у насъ, дѣвица, безъ коренья?

Еще что у насъ, дѣвица, безъ умолку?
 Еще что у насъ, дѣвица, безызвѣстно?
 —Отгадаю, сынъ гостиный, отгадаю,
 Шесть мудреныхъ загадокъ отгадаю.
 Выше лѣсу, сынъ гостиный, свѣтѣль мѣсяць;
 Краше свѣту, сынъ гостиный, красно солнце;
 Чаще лѣсу, сынъ гостиный, часты звѣзды;
 Безъ коренья, сынъ гостиный, бѣлый камень;
 Безъ умолку, сынъ гостиный, сине море;
 Безызвѣстна, сынъ гостиный, Божья воля.—
 „Отгадала, красна дѣвица, отгадала,
 Шесть мудреныхъ загадокъ отгадала.
 Ужъ и, знать, тебѣ, дѣвица, быть за мною,
 Ужъ и, знать, быть тебѣ купеческой женою“.

II.

Кормилецъ мой батюшка,
 Кинулся ты, мой батюшка,
 На злато, на серебро!
 Кормилица моя матушка—
 На цвѣтно платьѣ!
 Запоручили вы меня, горькую,
 За поруки за крѣпкія,
 Молодехоньку, зеленехоньку.
 Ахъ, кормилецъ мой батюшка!
 Ахъ, кормилица моя матушка!
 Не примайте вы винной чарочки;
 Не посоль вашъ—винная чарочка,
 Не посоль, не перемѣнушка.
 Своего посла вы избываете,
 Посла вольнаго, слугу вѣрнаго,
 Безотвѣтнаго.

Семейныя.

I.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
 И зимой бы цвѣты расцвѣтали;

Ахъ, кабы на меня да не кручина,
 Ни о чемъ бы я не тужила,
 Не сидѣла бы я подпершия,
 Не глядѣла бы я во чисто поле.
 И я батюшкѣ говорила:
 Не давай меня, батюшка, замужъ,
 Не давай, государь, за неровню;
 Не мечись на большое богатство,
 Не гляди на высокія хоромы:
 Не съ хоромами жить—съ человѣкомъ,
 Не съ богатствомъ жить мнѣ—съ свѣтомъ.

II.

Выдала меня матушка далече замужъ,
 Хотѣла матушка часто ѣзжати,
 Часто ѣзжати, подолгу гостити.
 Лѣто проходить—матушки нѣту;
 Другое проходить—сударыни нѣту;
 Третье въ доходѣ—матушка ѣдетъ.
 Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
 „Что это за баба? Что это за старуха?“
 —Я вѣдь не баба, я не старуха,
 Я твое, матушка, милое чадо.—
 „Гдѣ твое дѣвалось бѣлое тѣло?“
 „Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?“
 —Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
 Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
 Плеткой ударить—тѣла убавить,
 Въ щеку ударить—румянцу не станеть.—

Плясовья.

I.

Улица, улица, широкая моя!
 Травка, муравка, зеленая моя!
 Знать-то, мнѣ по улочкѣ не хаживати,

Травку, муравку не таптывати,
 На свою милу не глядывати.
 Какъ моя-то мила сидитъ одна,
 Подъ окномъ сидитъ, рѣчь говорить:
 Мальчикъ ты, мальчикъ молоденькій,
 Удалая головушка твоя!
 Не садися ты возлѣ меня,
 Возлѣ меня, красной дѣвицы души,
 Возлѣ меня, отечкой дочери.
 Грозень, грозень батюшка,
 Грознѣй того матушка,
 Не пускають на улицу гулять;
 Пустятъ, не пустятъ при вечерѣ,
 При вечерѣ, при вечерней при зарѣ;
 А я, молодешенька, догадлива была,
 Прялочку взяла, на посидѣлочку пошла:
 Куры вспѣли, домой нейду;
 Другія вспѣли, не думаю итти;
 Третьи вспѣли, заря взошла,
 Заря взошла, домой пошла

II.

Не будите молоду
 Ранымъ-рано поутру;
 Вы взбудите молоду,
 Когда солнышко взойдетъ,
 Когда птички запоютъ,
 Когда выдетъ пастушекъ,
 Заиграетъ во рожокъ.
 Хорошо пастухъ играетъ,
 Словно выговариваетъ:
 Собирайте, дѣвки красны,
 Свое стадо на лужокъ.
 Собралися красны дѣвки,
 Въ хороводъ пошли играть;
 Одна дѣвка весела,
 Въ хороводъ плясать пошла.

Она пляшетъ, рукой манить
 Пастуха плясать съ собой.
 Сюда, сюда, пастушекъ,
 Сюда, сюда, миленькой дружокъ!
 Бросилъ стадо пастушокъ,
 Пошелъ съ дѣвушкой въ кружокъ;
 Онъ часочекъ проплясалъ,
 Коровушку потерялъ,
 А другой какъ поплясалъ,
 И полстада потерялъ.
 Когда-бъ знала молода,
 Не манила-бъ пастуха.

Шуточная.

Ходили дѣвушки по берегу,
 Гуляли красныя по крутому,
 Садилы дѣвушки ярый хмель:
 Рости ты, хмелюшко, по тычинкѣ въ день!
 Безъ тебя бесѣдушка не водится,
 Пьяная браженька не варится,
 Добрые молодцы не женятся,
 Красныя дѣвицы замужъ нейдуть.
 Вадумала Параша, замужъ пошла.
 Теща про зятя пирогъ пекла,
 Соли да муки на четыре рубли,
 Сахару, изюму ровно на восемь рублей:
 Сталъ ей пирогъ во двѣнадцать рублей.
 Думала теща семерымъ не съѣсть;
 Зятюшка пришелъ—весь одинъ оплелъ.
 Теща по горенкѣ похаживаетъ,
 Косо на зятюшку поглядываетъ:
 —Какъ тебя, зятюшко, не розорвало!—
 „Лучше бы ты, теща, не потчевала,
 Приходи ко мнѣ, матушка, на масленицѣ:
 Я тебѣ въ тѣ поры честь воздамъ

Въ четыре дубины березовыя,
 Пятый кнутъ по заказу свить“.
 Билася-рвалася, насилу урвалася;
 Бѣжала-бѣжала, насилу ушла.
 Подходить ко двору, кричить сыну своему:
 — Поди-ко, погляди, еще кто это идетъ?—
 „Зять у воротъ на похмелье зоветъ“.

Похоронная.

Порастроньтесь, люди добрые!
 Припаду я къ могилушкѣ,
 Я послушаю, безсчастливая,
 Нонь не стонетъ ли сыра земля,
 Не вопить ли моя матушка,
 Не жалѣть ли обиднушки.
 Ой, не стонетъ мать-сыра земля,
 Не вопить моя родитель жалостливая.
 Съ горь катитесь, ручьи вешніе,
 Вы размойте пески желтые,
 Поднимите гробову доску,
 Вы откройте полотенечка;
 Дайте разъ взглянуть горющицѣ
 На родитель мою матушку.
 Ой, не льются ручьи вешніе,
 Не размоютъ песковъ желтыхихъ,
 Не покажутъ моей матушки.
 Возбушуйте, вѣтры буйныя,
 Со всѣхъ ли четырехъ сторонъ,
 Понеситесь вы къ Божьей церкви,
 Размечите вы сыру землю,
 Вы ударьте въ большой колоколь,
 Разбудите мою матушку!
 Не бушуютъ-то вѣтры съ четырехъ сторонъ,
 Не ударятъ они въ большой колоколь,
 Не разбудятъ моей матушки.

Налетите съ небесъ, ангелы-архангелы,
 Вовложите вы душу въ грудь умершую,
 Въ бѣлы рученьки махѣньице,
 Въ быстры ноженъки ходѣньице.
 Не летять да съ неба ангелы-архангелы,
 Не влагають души въ грудь умершую.
 Знать, не выстать синю камешку съ синя моря,
 Не бывать въ живыхъ родитель моей матушкѣ.
 Охъ, тошнымъ да мнѣ тошнѣпенько!
 Пройдетъ зимушка холодная,
 Какъ наступитъ весна красная,
 Потекуть да рѣчки быстрыя,
 Зацвѣтутъ въ рощахъ деревьяца,
 Запогуркиваютъ голуби,
 Запосвистываютъ солбвюшко;
 У меня-жь, бѣдной горящицы,
 Не сойdetъ съ сердца кручинушка,
 Не убавится обидушка;
 Распекѣтъ да красно солнышко
 Среди да лѣта теплаго,
 Не согрѣетъ сиротинушки,
 Лишь притеплить меня, бѣднушку,
 Зеленая дубровушка
 На могилѣ моей матушки.

Солдатскія.

I.

Какъ и шли-прошли солдаты молодые,
 Да за ними идутъ матушки родныя,
 Во слезахъ пути-дороженьки не видять.
 Какъ возговорять солдаты молодые:
 „Охъ вы, матушки родныя, да родныя,
 Не наполнить вамъ синя моря слезами,
 Не исходить-то вамъ сырой земли за нами“^а.

II.

Какъ по травонькѣ, по муравонькѣ,
 По алымъ цвѣтамъ, по лазоревымъ,
 Тутъ стояль-то полкъ казаченьковъ.
 Какъ всѣ-то казаченьки во фрунту стоятъ,
 Во фрунту стоятъ по своимъ мѣстамъ;
 Какъ одинъ-то казакъ позади полку, позади фрунту;
 Онъ и думаетъ думу крѣпкую.
 Подходилъ къ нему младъ урядничекъ,
 Онъ и сталъ его выспрашивать:
 „Охъ, ты что, казакъ, призадумавшись стоишь?
 Или думаешь думу крѣпкую?
 Или жаль тебѣ, казакъ, отца съ матерью,
 Или жаль тебѣ роду-племени,
 Или жаль тебѣ свою сторону?“
 — Мнѣ не жаль-то отца съ матерью,
 Мнѣ не жаль-то свою сторону,
 Только жалко мнѣ малыхъ дѣтушекъ!—

Разбойничья.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
 Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
 Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ
 ити

Передъ грознаго судью, самого царя.
 Еще станетъ меня царь-государь спрашивати:
 „Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
 Ужъ какъ съ кѣмъ ты вороваль, съ кѣмъ разбой
 держаль;
 Еще много-ль съ тобой было товарищей?“

— Я скажу тебѣ, надежа православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ — темная ночь,
А второй мой товарищъ — будатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой — добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы. —
Что воговоритъ надежа православный царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной“.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ.

А.

Ажно, такъ что; тогда, вотъ, вѣдь.

Аки, какъ, какъ бы.

Али, аль, или.

Аллилуйя, аллилуя значить: хвалите Господа.

Алтынъ, бывшая въ употребленіи русская монета въ три копейки

Архангелъ, первенствующій ангелъ, ангелоначальникъ.

Б.

Барсъ, хищный звѣрь.

Басота, красота.

Басурманскій, нехристіанскій.

Баталя, битва, сраженіе, бой.

Безвременье, невзгода.

Безобсмыслочно, не смыслясь, не переобсываясь.

Безсчастный, несчастный.

Беремя, бремя, тяжесть.

Бесѣда, мѣсто для сидѣнья на судахъ и корабляхъ, бесѣдка, скамья.

Билица, бѣлица, женщина, живущая въ монастырѣ, но не постриженная еще въ монахини.

Большой уголь, главный уголь, гдѣ стоять образа.

Борный, скорый.

Ботъ, одномачтовое судно.

Брага, напитокъ, дѣлаемый изъ проса.

Браный, узорчатый, вышивной.

Братанъ; братнинъ сынъ, племянникъ.

Брателко, братецъ.

Бродъ, слѣдъ.

Брысты, перебрестъ.

Буде, если.

Буйный, поступающій нагло и насильственно, забіячливый, шумный, порывистый.

Булатный, стальной.

Булатъ, узорчатая сталь.

Бурлакъ, грубый, невѣжливый человѣкъ.

Бурнитское зерно, крупная окатистая жемчужина.

Бурнастый, бурый, совѣмъ рыжій.

Бусы, судя.

Былинка, травка.

Бѣднушка, бѣдняжка.

Бѣлояровое пшено, пшеница-кукуруза.

Бѣлый царъ, русскій, православный царъ.

Бѣлыя груди у всѣхъ людей, хотя бы и враговъ, тогда какъ у исчадіи тьмы груди черныя.

Бѣль, бѣлизна, бѣлое пятно.

В.

Вальяжный, поновѣсный, толстый и крѣпкій.

Вальячатый, рѣзной.

Великая, весьма, очень.

Вереюшка, веревъ, одинъ изъ столбовъ, на которыхъ утверждается воротная перекладина.

Витязь, храбрый, мужественный воинъ.

Вкупѣ, вмѣстѣ.

Во, вотъ.

Вовторое, во второй разъ.

Вовъ, въ.

Воздываться, воздыматься, подниматься.

Вольжанный, тяжелый, вѣскій.

Вонный, внѣ находящийся, наружный.

Воротни, воротами.

Ворохнуться, шевельнуться, тронуться.

Воспалиться, прийти въ раздражительность.

Вражба, ворожба; вражду чинить, давать загадку, спрашивать загадочно.

Врата Херсонскія, или **Корсуискія**, ворота, сдѣланныя въ Корсуни, работы греческой или вообще иноземной.

Вружить, пронзать оружіемъ, прободнуть остриемъ.

Втапоры, въ тѣ поры, въ то время.

Вчуяться въ рѣчи, распознать, почувствовать рѣчи, вслушаться въ рѣчи.

Въ наукъ, въ наученіе, въ навыкъ; въ пользу, въ прокъ. Въ наукъ пошло, легко было усвоено.

Выигрышъ, сыгрышъ, содержаніе пѣсни.

Вырутить, выбросить.

Вырѣзъ, выемка, рѣзба для украшенія; вырѣзы (старинный творит. падежъ множ. числа) вырѣзано, рѣзбою украшено.

Выскоки, земля изъ-подъ копытъ коня при бѣгѣ.

Выставить, выстать, вставать.

Выступаться, выступить.

Высытывать, выпытывать, разузнавать.

Выходъ, дань.

Выходы, скачки.

Вьюнь, рыба.

Вѣжество, знаніе, образованность, вѣжливость.

Вѣжетво, см. вѣжество.

Г.

Галера, военное судно, плававшее подъ парусами и на греблѣ.

Гардія, отборное войско, составляющее стражу.

Гербовой, имѣющей на себѣ изображеніе государственнаго герба.

Гинути, гибнуть.

Глаголь, слово, рѣчь.

Глухоморье, см. лукоморье.

Гля-ради, для-ради.

Гноище, навозная куча; струпя, нарывы.

Гоголь, одинъ изъ видовъ утки.

Годится, случиться, прийти во-время.

Годъ, время вообще.

Гой, восклицаніе, употреблявшееся въ старину при обращеніи къ комунибудь съ рѣчью.

Горностаи, хищный звѣрекъ.

Городня, городень, городъ.

Горы-гаркать, громко кричать.

Горюшица, горемыка.

Гостинный, купеческій.

Гость, купецъ.

Градъ, городъ.

Гридница, приемная комната въ древнихъ княжескихъ дворцахъ.

Гридня, приемная комната въ древнихъ княжескихъ палатахъ; вообще комната.

Грудью пойти, поскакать.

Грузно, тяжело.

Гряду, иду.

Гривнуть, грести съ усиліемъ.

Гунуть, выстрѣлять.

Д.

Даровья, дары.

Дванадесять, двѣнадцать.

Дву, двумя.

Де, частица, употребляемая при пересказываніи чьихъ либо словъ.

Деймонъ, демонъ, діаволь, злой духъ.

Деревенщина, деревенскій житель.

Диво, дѣло, производящее удивленіе, рѣдкая, необыкновенная вещь.

Дивовать, удивляться

Дивовище, весьма большое диво.

Дивья, дивно ли, не чудо.

Добрнсть, добръ есть, хорошъ.

Добрѣ, хорошо.

Довлѣтъ, довольно, полно.

Долгомѣрный, далеко стрѣляющій или достигающій (объ оружіи).

Домовище, гробъ.

Дорогильный, шелковый.

Доспѣти, сдѣлать, устроить.

Доходъ; въ доходѣ, въ концѣ.

Дочелся, дочитался, узналъ.

Дрань, мука крупнаго размола.

Дробный, дробенъ, мелкій.

Дружина, товарищество, отборные воины.

Дубинка-вязиночка, дубинка изъ вяза-дерева.

Дуванъ дуванить, дѣлать добычу.

Дыбучій, болотный, топкій, трясиный.

Дѣти боярскіе, мелкіе владѣльцы, получавшіе отъ правительства въ пожизненное владѣніе небольшіе участки земли,

съ обязательствомъ отправлять военную и земскую службу.

Е.

Единый, единый, одинъ.

Еретникъ, еретикъ, отступникъ отъ догматовъ вѣры.

Еретница, еретица, отступница отъ догматовъ вѣры.

Есаулъ, сотенный начальникъ въ казачьихъ полкахъ.

Ж.

Жаровой, высокоствольный.

Жезло, жезлъ.

Желѣздо, копыце у стрѣлы.

Животинка, см. животъ.

Животъ, жизнь, имѣніе, домашній скотъ.

З.

Забудящій, забытый, заброшенный.

Заводъ, заливъ, защищенный отъ вѣтра.

Завосный, взятый на дорогу, привезенный для дороги.

Заворачивать, забирать.

Завдрыдаты, зарыдаты, заплакать.

Завѣтъ, обѣтъ, заповѣдь.

Загонъ земли, полоса земли.

Загордниться, загордиться.

Зазнаючи, умышленно.

Закликать, зазывать кликомъ; унимать, удерживать.

Залѣшанинъ, лѣсной житель, дикарь.

Замуравить, покрыть муравою (глазурью, поливою).

Замуравѣть, зарости муравою, или травою.

Запечка, узкое мѣсто между печью и стѣной.

Запогурживать, заворковать.

Зарабочее мое, мой заработокъ.

Заржай, заржалъ.

Зарко, завидно.

Засельщина сельскій житель.

Засовъ, полоса для запиранія чего либо.

Застава, преграда, сторожевое мѣсто.

Затребити, истребить, убить.

Затюремничекъ, заключенникъ.

Заутра, завтра.

Захощь, захочешь.

Здорити, вздорить, спорить.

Здоровице сдѣлать, здорovie сдѣлать, поздороваться.

Здынуть, поднять.

Здѣ, здѣсь.

Зеленешенекъ, совѣсьмъ зеленъ, молодъ.

Зелье, ядъ, отрава.

Земь, земля.

Златъ, золотой.

Золотые рога, вмѣсто златорогій.

Зрящій пятокъ, пятница 6-й недѣли великаго поста.

Зыкъ, звукъ.

Зычный, громкій, звучный.

III.

Игрище, народное сборище, на коемъ поють, пляшутъ и дѣлаютъ иногда смѣшныя представленія.

Идолъ, изображеніе языческаго божества.

Извѣщеніе, рассказъ.

Изголовъ, выдающаяся сторона, мысъ.

Изойти, настичь, отыскать по слѣду, найти.

Изотчество, отчество, отцовское имя.

Имати, брать, ловить.

Ино, то, такъ, итакъ, но, вѣдь.

Иишій, иной, другой, не этотъ.

Ииъ, тогда, вотъ.

Исконотъ, комъ грязи или земли изъ-подъ копыта.

Исподернуть, покрыть.

Исполать, на многія лѣта.

Испровѣщиться, проговорить.

Исцѣляхомъ, исцѣлили.

IV.

Кабы, если бы, когда бы.

Каурка (каурка), каурый, желторыжій конь.

Казень, казнь.

Каледовщикъ, поющій колядныя пѣсни.

Калика, калѣка, странствующій по святымъ мѣстамъ, пѣвецъ духовныхъ стиховъ, слѣпой нищій.

Камень бѣлъ горючъ, янтарь.

Камка, шелковая ткань съ разводами.

Камчатый, сдѣланный изъ камки.

Камышничекъ, разбойникъ.

Канонеръ, пушкарь.

Кирпищатый, кирпичный.

Бладенецъ мечъ, булатный, стальной мечъ.

Блевучій, клюющій, хищный.

Блѣточка, отъ слова клѣть.

Блѣть, комната, холодная изба, гдѣ хранится имущество.

Блюшникъ, служитель, завѣдывающій съѣстными припасами и погребомъ.

Княжевинскій, княжескій.

Бняженецкій, княжескій.
Бнязевичъ, сынъ князя.
Божухъ, шуба.
Бокотникъ, народный головной уборъ русскихъ женщинъ.
Боли, когда, если.
Боложенка, большое волоходное судно, похожее на стругъ и на барку.
Болнакъ, остроконечная шапка.
Болчанъ, влагалище для стрѣль.
Болышатъ, качать.
Бомель, часть дерева къ корню.
Боморка, сводъ, небольшая комната.
Борачъ, накорачкахъ, на четверенькахъ.
Борысть, плѣнь, добыча.
Босица, високъ.
Босячето, см. косячатый.
Босячатый, состоящій изъ косяковъ.
Бравчій, лицо, завѣдующее напитками.
Брасъ, краснота, красное пятно.
Брашенна, толстый холстъ, окрашенный какою либо краскою.
Брековистый, см. кряковистый.
Бременъ, камень, служившій прежде особенно для добычи огня.
Бремненство, сила, толпа горожанъ.
Брестовый батюшка, крестный отецъ.
Брестовый братъ, помѣнявшійся съ кѣмъ нибудь крестомъ, носимымъ на груди; названный братъ, побратимъ.
Брестьянствовати, занимать ся крестьянскимъ дѣломъ.

Бривда, неправда.
Бромъшний, крайній.
Бружало, кабакъ, питейный домъ.
Крылосо, клиросъ.
Кряжъ крутой, каменистый берегъ.
Кряковистый, съ корявымъ пнемъ (о дубѣ), суковатый.
Крянуться, тронуться, двинуться съ мѣста.
Кумирскій, изображенный въ видѣ кумира (идола, или истукана изъ металла, камня или дерева); языческій.
Кулавъ, хорошій, красивый.
Куплись; не куплись, не купайся.
Купчани, купцы.
Куревá, пыль столбомъ.
Кусъ, кусокъ.

Л.

Лазоревый, свѣтло-синій.
Лапки, лапти.
Ларечники, лица, завѣдующія припасами.
Ластинье, тонкая дрань, щепы.
Латы, желѣзная или стальная броня, покрывающая станъ, руки и ноги воиновъ.
Левье, лезвее.
Лозиночка, вѣточка, щепочка.
Луза, луга.
Лукоморье, морской заливъ, огибаемый кривизною берега.
Лучиться, случиться.
Люби, отъ слова любовь; до любви, сколько угодно.

М.

Майданъ, игра на деньги въ карты или въ кости.

Матера вдова, вдова въ лѣтахъ, почтенная.

Матѣрый, матерой, преста-рѣлый и сильный.

Матерѣть, становится мате-рымъ, возмужать, становится большимъ и сильнымъ, расти

Матица, главная часть.

Медвяный, медовый.

Метаться, бросаться, кидаться, прибѣгать съ просьбами; обращаться вниманіе.

Мизинный, меньшею; мизин-ный перстъ, мизинецъ.

Мироносица, одна изъ свя-тыхъ женъ, приносившихъ мѣро для помазыванія Иисуса Христа во гробѣ.

Миса, большая металлическая или глиняная чаша, въ которой подаютъ на столъ похлебки.

Могъ, будь въ состояніи; мо-ги помидовать, помилуй.

Могутной, мощный, крѣпкой силами.

Моль, изъяснительное слово, употребляемое для означенія чужой рѣчи.

Мость, помость, полъ.

Моханѣце, маханіе, движе-ніе.

Мудрости мекать надъ гѣмъ, стараться перехитрить, опу-тывать чарами.

Мурава, зеленая, молодая трава.

Муравленый, покрытый му-равою или поливою, глазурью.

Мурашъ, муравей.

Мурзаецкій, мурзинскій, та-тарскій, восточный.

Мѣрный, имѣющій надлежа-щую мѣру, цѣлый.

Мѣхъ, мѣшокъ.

Мя, меня.

НН.

Набойница, большая лодка, вмѣщающая груза отъ 500 до 600 пудовъ.

Навидѣти, видѣть.

Названный братъ— тотъ, кого по особенной дружбѣ назвалъ ктонибудь братомъ себѣ.

Наипаче, пуще, болѣе всего.

Наказати, научать, наста-вить.

Наквасити, наполнить, за-грязнить, осквернить.

Накѣнъ, разъ.

Накорачъ, накорачки, на-четвереньки.

Накрутиться, накутаться, на-рядиться, одѣться.

Налой, родъ поставца, съ отлогою верхнею доскою, упо-требляемый въ церквахъ для возложенія св. иконъ и книгъ во время чтенія.

Налушень, влагалище для лу-ка, чехолъ на лукъ.

Нарекать, называть.

Наряжаться, собираться, при-готовляться, готовиться.

Насланіе, наказаніе, бѣдствіе.

Настъ, поверхность намерз-шаго послѣ оттепели снѣга.

Наточиться, истечь, излиться.

Наугольный, находящійся на углу.

Нахвальщикъ, кто хвалится, гордецъ.

Нахтарма, непушистая сто-рона мѣха.

Невыплата, недоимка.

Невыходы, то, что не додано; недоимки.

Невѣный, неизвѣстный, не-знаемый.

Незгодушка, бѣда, напасть.

Неисповѣдимый, невырази-мый.

Неправильный, несправедливый, неправедный.

Неумильный, невѣжливый.

Нонь, нынѣ, теперь.

Нонѣ, нынѣ, теперь.

Ночесъ, въ прошлую ночь.

Ночна страна, сѣверная сторона.

Нынъ, нынѣ, теперь.

О.

Обагриться, сдѣлаться краснымъ.

Обжа, оглобля у сохи; участокъ пахатной земли.

Обиднушка, бѣдняжка.

Облацъ; отъ облацъ, отъ облаковъ.

Облочгана, расщеплена, оббита.

Ободверина, притолока, косяки у дверей.

Оболоко, облако.

Обронный, оброненный.

Обручная, обрученная, законная (супруга).

Обрящать, ударить, бросить.

Обѣнить, оѣнить.

Обѣнщикъ, оѣнщикъ.

Обѣма рукама (церковно-славянская форма творительнаго падежа двойственнаго числа), обѣими руками.

Обѣ-ручь, въ обѣ-ручь, обѣими руками.

Огненный (о ружьѣ), огнестрѣльный.

Оголаживать, дѣлать голоднымъ, лишать хлѣба.

Ожуренный, укорительный.

Окатиться, поскользнуться.

Околь, на околь, околицей, кругомъ.

Окорачиться, стать нако-рочки.

Омѣшикъ, рало у сохи; металлическая часть сохи.

Оны, они.

Оперезъ, прежде.

Оплестъ, съѣсть съ жадностью.

Опознавать, узнавать.

Опослѣ, послѣ.

Опочивъ держать, опочивать, спать, отдыхать.

Опричь, кромѣ.

Оратай, оратаюшко, пахарь, землепашецъ.

Орать, пахать.

Орда, земля, сторона.

Орловица, орлица.

Осередь, среда.

Оснoвyшка, продольныя нити ткани.

Особина; въ особину, особенно.

Остояться, остановиться.

Островъ, лѣсъ, окруженный полями.

Осьмакъ, осьмая часть куля, т. е. четверикъ, мѣра.

Отжени, отгони.

Отвращивать, возвращать, отклонять.

Откудашной, откуда есть, изъ какого мѣста.

Откуль, откуда.

Отправить, исполнить, совершить, сдѣлать.

Отрокъ, служитель, рабъ, служащій при дворѣ княжескомъ или царскомъ.

Отроды, отроковицы.

Оттоль, оттуда.

Отчина, отчество, отчество.

Охочъ, -ій, имѣющій охоту, склонный къ чему либо.

Още, еще.

П.

Пабѣдъ, время около пабѣда,

т. е. первой вѣды, бывающей до обѣда.

Лавозокъ, водоходное судно, употребляемое при большихъ баркахъ для уменьшенія ихъ груза въ мѣстахъ мелководныхъ.

Палатный брусь, гряда.

Палица (палка), дубинка, булава.

Паль, обгорѣлый лѣсъ; выжиганіе старой и сухой травы на лугахъ, чтобы она не препятствовала росту новой.

Паперть, притворъ предъ церковью, предхраміе.

Паперь, см. паперть..

Парча, шелковая ткань съ примѣсью серебра и золота.

Пастырь, пастухъ.

Пастыть, пасуть.

Паче, болѣе, лучше.

Первиваючи, переливая.

Перво, прежде.

Переваламы, перевалами.

Переволока, пространство между двумя рѣками, черезъ которое перетаскиваютъ небольшія водоходныя суда или перевозятъ товары сухимъ путемъ.

Перевѣдаться, требовать удовлетворенія за обиду или оскорбленіе.

Перегонъ, изнурительная гоньба, скачка..

Переметный, перекидной.

Перемоть, поперечныя нити ткани.

Переный, оперенный; съ перилами.

Перепасться, перепугаться.

Пересемывать, суетиться безъ толку, егозить.

Переставиться, преставиться, скончаться.

Переходецъ, странникъ.

Перехрестычка, перекрестокъ.

Чернотка, порода птицъ.

Череть, прахъ, пыль.

Череть, палець.

Пестно-уголь, печно-уголь, или пестный уголь, противъ устья печки.

Печатный, тисненый.

Пивній, пивной.

Пилать, палачъ.

Питаненъ, питанъ, налитанъ, накормленъ.

Плащаница, полотно, покрывало, верхняя одежда.

Плечмы, плечами.

Плодбище, плотбище, мѣсто, гдѣ строятся и починиваются суда.

Плѣнныи, узы.

Плящій, палящій.

Побаяти, поговорить.

Побраночка, бой, поединокъ..

П'обычью, по обычаю.

Поверстати, уравнивать.

Повозчикъ, возница, кучеръ.

Повременно, по временамъ, иногда.

Погонялка, плеть, кнутъ и все подобное, чѣмъ можно погонять.

Показаться, понравиться.

Получка, дань.

Поваживать голосомъ, выводить голосомъ различныя звуки, выражать голосомъ чувства.

Повертокъ, поворотливъ.

Поворотъ держать, вернуть.

Погребъ, темница, тюрьма.

Нодатамань, помощникъ атамана.

Подвигнуться, преклониться.

Подворотникъ, см. приворотникъ.

Подковыренныи (лапти), проплетенныи вторично.

Подкошь, подкопъ.

Подоконье, мѣсто подь окномь.

Подстолье, мѣсто подь столомь.

Подсудливый, пристрастный, лицемерный.

Подсумокъ, небольшая сума, носимая черезъ плечо на ремнѣ.

Подсумочье, см. подсумокъ.

Пожадѣться, исполниться жажды, изныть.

Покляный, наклоненный въ одну сторону; кривой.

Поленица, женщина-богатырица; также и иноземные богатыри.

Полонъ, плѣнъ, плѣнникъ.

Поль, половина.

Поляковать, рыскать по чистому полю, отыскивая приключеній.

Помози, помоги.

Помученіе, мученіе, страданіе.

Помялчикъ, помело, пукъ хвойныхъ прутьевъ, привязанныхъ къ палкѣ, для выметанія золы изъ печей.

Повизовый городъ, городъ, находящійся на низовыхъ мѣстахъ Волги.

Поперечина, ширина.

Попеченіе, жаръ, пригрѣваніе (солнечное).

Поприще, путевая мѣра; сурочный переходъ.

Поразстрониться, посторониться.

Портемойница, женщина, моющая бѣлье.

Порученый, обрученный.

Порфира, верхняя торжественная одежда государей, багряница.

Посадскіе люди, торговые люди.

Посидѣлочья, собраніе простонародныхъ женщинъ и дѣвушекъ, въ осеніе и зимніе вечера, для занятій рукодѣльемъ, играми и проч.

Поспиривать, плясать подь пѣсню: Спиря, Спиря, Спиридонъ! (ходить Спиридона).

Посрочить, отсрочить, отложить.

Поступка, поступь.

Потай, тайно.

Потникъ, подстилка подь сѣдло, чтобы не тереть спины лошади.

Потопіе, потопъ.

Потребиться, истребиться, уничтожиться.

Похвальбамы, похвальбами, хвастовствомъ.

Почетный, почетный, славный.

Предтеча, предшественникъ.

Преисподній, простирающійся въ бездну, весьма глубокий.

Прелестникъ, обманщикъ.

Прелестъ, лестъ, обманъ.

Претвориться, принять иной видъ, переимѣниться.

Приворотникъ, сторожъ у воротъ.

Пригодиться, случиться, выдаться.

Придворье, совокупность дворовъ или жилищъ.

Призирать, присматривать.

Приниматься къ рѣчамъ, обращать вниманіе.

Прімотшатся, прійти въ себя.

Пріотшататься, поотшатнуться, пораскаться.

Приправа, сбруя.

Приспѣвать, готовить.

Прістлаться, разстилаться.

Пристраняться, посторониться.

Приступить, преступить, переступить.

Притворъ, первая часть храма, крытый ходъ.

Притекать, приходить, прибывать.

Причальный, угодный, приятный.

Причать, причитанье.

Пришатаутся, прикоснуться.

Пробой, желѣзный пруть съ загнутымъ концемъ для вкладыванія засова.

Проворъ, винокурня.

Провѣщиться, заговорить.

Провиритель, прозорливецъ, провидящій будущее.

Проклаждаться, приятно проводить время, нѣжиться.

Пронасть, болѣзнь.

Просвѣта (церковно-славянская форма прошедшаго времени), свѣтилъ, блестяль.

Протаможье, пеня или штрафъ за неявку и продажу товаровъ, не оплаченныхъ пошлиною.

Проявленный, проявившійся, обрѣтенный (о мощахъ).

Проязычить, сказать.

Прыскающій, прыскающій, прыскающій, скоро бѣгающій.

Путистый, проѣзжий, гладкій, ровный.

Пялицы, пальцы, деревянная четверугольная рама, въ которую впяливаютъ ткань для стеганія или вышиванія.

Пята, въ гнѣздѣ веретено, на которомъ двери или ворота ходять и обращаются; **на пята брать дверь**, настѣжь отворить.

Пятничныи день, пятница.

Пятокъ, см. зрящій пятокъ.

Р.

Работный, рабскій.

Радити, имѣть заботливость, попеченіе.

Радощень, радостень, веселье.

Разноличный, различный.

Разрывчатый, упругій (о лукѣ).

Разъѣздице, отсутствіе, отъѣздъ.

Рукама, см. объѣма рукама.

Рамешье, мѣсто, гдѣ растетъ большой строевой лѣсъ.

Раскорякою, накорачкахъ, начтверенькахъ.

Распутье, перекрестокъ, розстань.

Растѣть, расти.

Ратай, ратаюшко, пахарь.

Ратиться, сражаться.

Ратный, воинскій, военный.

Ременчатъ стулъ, покрытый ремнями или кожей; стулъ складной на ремняхъ.

Речеть, говорить.

Рогъ (у лука), составная часть кибити, или лучной дуги.

Руда, кровь.

Рудожелтый, красножелтый.

Рукопашечный, рукопашный.

Русеночекъ, русскій.

Руцѣхъ; въ руцѣхъ, въ рукахъ.

Рушити, разрѣзывать (напр., жареную лебедь); нарушать.

Рыбій зубъ, клыкъ моржовый, мамонтова кость.

Рыскающій, издающій рыкъ, ревь.

Рыскающій, прыскающій.

Рытый бархатъ, не гладкій, а съ клѣтками, разводами или цвѣтами.

Рядобный, рядовой, слѣдующій по порядку, очередной.

С.

Самоцвѣтный, имѣющій не только свой собственный цвѣтъ, но и свой свѣтъ, самосвѣтный.

Сворохнуться, своротиться, сдвинуться съ мѣста.

Святорусска, свято-русская земля, святая Русь.

Свашела, сваха.

Сверстаться, поровняться.

Свѣтъ красное солнышко (такъ часто называется князь Владимиръ), выраженіе, означающее ласку, благорасположеніе.

Сдивоваться, удивляться.

Сема сталъ нересемывать — игра словъ съ созвучіемъ; употреблено въ видѣ поговорки.

Семьякъ, седьмой отъ праздника Пасхи четвергъ, который простолюдины проводятъ въ пѣсняхъ и другихъ забавахъ.

Семилѣтка, русалка.

Семъ, а ну, ну-ка, давай, станемъ.

Семья, жена.

Серафимъ, собственно: горящій, пламенѣющій; общее имя одного изъ высшихъ ангельскихъ чиновъ, представляемого съ шестью крылами.

Сердцевой, сердечный, дорогой.

Сержантъ, въ русскомъ пѣхотномъ войскѣ такъ назывался прежде старшій унтеръ-офицеръ въ ротѣ.

Серпентинный, сдѣланный изъ камня серпентина.

Сиверный, сѣверный.

Сидень, дитя, которое, долѣе

обыкновеннаго времени не получивъ способности ходить, принуждено сидѣть.

Сила, войско.

Синь, синева, синее пятно.

Сиповочка, дудочка.

Скатный жемчугъ, круглый, ровный, окатистый жемчугъ.

Скирда, -ъ, стогъ изъ сноповъ сжатаго хлѣба.

Скоморошина, плясунъ, потѣшникъ, шутъ, пѣвецъ и музыкантъ на старинныхъ пирахъ.

Скорбь, болѣзнь.

Скренуться, см. скрянуться.

Скрянуться, сдвинуться, тронуться.

Смалешеньку, сызмала, съ малаго возраста.

Смурый, темно-сѣрый.

Смѣта, счетъ, цѣна.

Снарядный, нарядный, красивый.

Сновать, дѣлать основу для какой либо ткани.

Соймутъ, снимутъ.

Соловый, о лошадяхъ: имѣющій шерсть свѣтло-желтую, хвостъ и гриву бѣлые.

Сокротиться, укротиться, смириться.

Сокрутиться, одѣться.

Сокручиться, сокрутиться, одѣться.

Сопротивникъ, см. супротивникъ.

Соромъ, срамъ.

Сосмѣтити, понять, уразумѣть, оцѣнить.

Сохатый, звѣрь лось.

Соцѣляться, дѣлаться цѣлымъ, исцѣляться.

Сочити, искать, отыскивать.

Спаяхомъ, спаяли, скрѣпили, соединили.

Сширя сталъ поспиривать—

игра словъ съ созвучіемъ; употреблено въ видѣ поговорки.

Спороль, распороль.

Споръ, спорина; урожай, прибыль.

Слукъ, пощада, прощеніе.

Слѣть, дрогнуть, загудѣть, зазвенѣть.

Ставка, палатка.

Статья, свойство характера, качество, выпавшее комунибудь на долю.

Столбы съ перекладиной, висѣлица.

Столованье, пированье.

Столопъ, столбъ.

Столько, только.

Стольникъ, придворный чиновникъ, смотрѣвшій за порядкомъ во внутреннихъ комнатахъ княжескаго дворца.

Стольный градъ, столичный городъ; столица.

Стоялый, гдѣ есть стойло.

Страсть, страданіе, страхъ.

Страшная недѣля, страстная, послѣдняя недѣля великаго поста.

Стреножить, перевязать, спутать три ноги у лошади.

Стреножникъ, путы.

Стругъ, плоскодонное гребное судно, употребляемое на рѣкахъ для перевозки товаровъ, хлѣба и разнаго груза.

Стрѣльный; стрѣльная башня: башня, съ которой стрѣляютъ.

Стрѣта, встрѣча.

Студеный, холодный; **Студеное море**, ледовитое море, океанъ.

Суженой, ряженой, женихъ, предназначенный судьбою.

Супротивникъ, соперникъ, равный по силѣ или по другому свойству.

Сутулиться, сгорбливаться.

Сыта, вода, подслащенная медомъ.

Сытъ, насыщеніе, кормъ.

Съ-подъ, изъ-подъ.

Сѣдатый, сѣдой.

Сѣнная дѣвушка, дѣвушка, взятая изъ деревни въ господскій домъ.

Т.

Тавлен, шашки, шахматы.

Таланъ, удача, счастье.

Теремъ, башня; комната, построенная или отдѣльно на возвышеніи, или въ связи съ зданіемъ, или на верху его.

Тесмяный, сплетенный или сотканый изъ золота, серебра, шелка, нитокъ, гаруса или чего либо другаго.

Тетива, тетивка, толстая струна у стрѣльныхъ луковъ.

Ти, и, да.

Ти, тебѣ.

Тимьянъ, омиамъ.

Тишкомъ, тихонокъ, скрытно.

Тлѣнь, тлѣніе, пепель.

Тожно, тогда, въ такомъ случаѣ.

Токмо, только.

Толучій, сталкивающійся; тѣсно стоящій.

Толь, стоить, такъ.

Тонька, закидываніе невода для ловли рыбы.

Торокъ, одинъ изъ двухъ ремней сзади сѣдла, которыми привязываютъ то, что везеть съ собою всадникъ; дорожный мѣшокъ; сума за сѣдломъ.

Тошиться, истощаться.

Трубка нѣмецкая, зрительная труба.

Трудъ, болѣзнь, горе, печаль.

Трутъ, поспѣшаютъ.

Турица, самка тура, дикаго вола.

Туръ, волъ, дикій волъ.

Тыи, тѣ; тыихъ, тѣхъ; тыимъ, тѣмъ.

Тысяцкой, почетнѣйшій человекъ, наблюдающій при свадьбѣ за порядкомъ.

Тѣма, множество.

Тѣ, тебѣ.

Тяга, то, за что тянуть, скоба, кольцо.

У.

Убруезъ, платъ, полотенце.

Уваламы, увалами.

Увивана, увита.

Удробиться, испугаться, оробѣть.

Улещать, упрашивать съ ласкою, склонять лестными обѣщаніями.

Упадоше, онъ упалъ.

Упахать, подѣлать.

Упрощенье, просьба.

Урзаецкій, мурзаецкій, мурзипскій, восточный.

Устиѣ, уста.

Устукать, убить.

Утулить, потупить, склонить.

Уходиться, утомиться.

Учати, начать.

Учествовать, почтить.

Учути, учуять, услышать.

Ф.

Фрунтъ, строй войска.

Х.

Хайлице, пасть.

Харатья, хартія, пергаментъ и все, на чемъ древніе писали.

Хартіаль, бумага.

Херувимъ, высшій ангельскій чинъ.

Хлѣснуть, хлѣснуть.

Хлѣбница, женщана, пекущая хлѣбы.

Ходаньце, способность ходить.

Холма, холмъ.

Хорабрый, хоробрый, храбрый.

Хорониться, прятаться, скрываться.

Хошь, хочешь; хотя.

Хрущатый, хрустящій, шелестящій, жесткій, плотный, толстый.

Ц.

Цѣвье, рукоятка.

Цѣловальникъ, цѣловавшій, въ знакъ вѣрности, крестъ кому нибудь, присяжный человекъ, довѣренный.

Ч.

Чаделко крестовое, крестникъ.

Чашникъ, придворный чиновникъ, подносявшій государю напитки и имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи питейные погреба.

Человѣцы, люди.

Чембуръ, снуръ, веревка

Червленый, черленый, багряный, красный.

Червчатый, красноватый, багряный, багровый.

Чердакъ, шатерь, каюта на суднѣ или кораблѣ; верхній этажъ, вышка.

Черевъ, отъ слова чрево.

Чернизна, черное пятно.

Черногарь-птица (изъ книжнаго Нагаръ-Туръ), птица, ко-

торая пьет и встает на Океань-морѣ и дѣтой выводитъ тамъ же, напоминаетъ баснословную Стратимъ или Страфиль-птицу Голубиной книги.

Чернь, чернота, черное пятно.

Честь, читать.

Честь воздержати, пользоваться почетомъ.

Чета, пара, скопище, толпа.

Четыредесятъ, сорокъ.

Чечетка, самка чечета, птичка.

Чивье, рукоятка.

Чивгалище, кивжалъ.

Чохъ, чиханіе.

Ш.

Шалыга, плеть съ обязанною пулею на концѣ, кистень.

Шалыжище, ручка шалыги.

Шата, одежда.

Шеймы, канаты.

Шеленуга, то же, что шалыга.

Шеломъ, шлемъ, военный доспѣхъ (вооруженіе), служившій для защищенія головы и шеи во время сраженія.

Шеломя, холмъ, гора.

Шелудивый, имѣющій на себѣ струпы, коросты.

Ширинка, отръзокъ ткани, полотенце, платъ, носовой платокъ.

Шляпа земли Греческой, дорожная съ широкими полями.

Шоломя, то же, что шеломя.

Шомполъ, прямой, круглый пруть; служащій для прибаванія заряда у ручнаго огнестрѣльнаго оружія.

Шпенекъ, пряжечная шпилька.

Щ.

Щаска, счастье.

Щелчить, отъ слова щелычить, шутить, бесѣдовать, болтать.

Щепливый, щегольской.

Щить; **взяти за щитомъ**, сдѣлать военною добычею, завоевать.

Ъ.

Ъзжалый, ѳрдившій, бывалый.

Ъства, ѳствушеніе, кушанья, пища.

Э.

Этимъ, этимъ.

Этою, этою.

Ю.

Ю, ее.

Я.

Яго, какъ.

Яровчатый, яворчатый, изъ дерева явора.

Ярыкъ, вообще письмо или записка.

Ярый, мощный, буйный; **ярый воскъ**, самый бѣлый и чистый воскъ.

Ясный соколъ, соколъ, имѣющій острое зрѣніе.

Яства, пища.

Яхонтъ, драгоценный камень.